

ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 4 (32) | 2023

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (32)

Киров
2023

Главный редактор

В. Т. Юнглод, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);

М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Полякова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственной университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (32)

Kirov
2023

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:

Historical sciences and archeology

A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);

T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);

A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);

A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;

E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);

Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);

V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov),
ORCID: 0000-0002-9199-6573;

D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);

M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;

E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);

V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;

N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);

N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);

D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);

H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);

T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);

D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);

A. V. Kostina, Dr. of philol. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);

V. Ya. Perminov, Dr. of philol. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);

G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)**

Founder of the journal "Vyatka State University"

Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Аграфонов Петр Геннадьевич. «Тот город имеет немалую крепость...» (укрепления Ярославля эпохи Смуты)</i>	9
<i>Тумаков Денис Васильевич. Рост уголовной преступности в Ярославской области и методы борьбы с ним в послевоенные годы</i>	19
<i>Пушкаренко Елена Анатольевна. Проблемы национально-государственного строительства в содержании немецкой пропаганды на оккупированной советской территории (на примере Генерального округа Беларусь)</i>	29
<i>Касанов Антон Сергеевич. Евреи в политической ссылке на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв.</i>	36
<i>Иванов Андрей Сергеевич. Филателистический Интернационал: в тени Коминтерна</i>	45

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Новиков Михаил Васильевич. Советские военные советники в Китайской Республике в 1938–1943 гг. (по материалам воспоминаний).....</i>	53
<i>Галкина Юлия Михайловна. Женщина-шпионка во Франции в годы Первой мировой войны.....</i>	63

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Ильин Дмитрий Владимирович. Несостоявшееся сотрудничество: ЭВМ и компьютерные технологии в контексте научно-технического взаимодействия сверхдержав в 1970-е гг.</i>	71
--	----

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Шаламов Владимир Александрович. Материалы Иркутского истпарта как источник по истории здравоохранения в Восточной Сибири.....</i>	84
--	----

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Базеркан Гауд. От «замка в пустыне» до средневекового города: Каср аль-Хайр аль-Шарки (Сирия).....</i>	93
---	----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Мальцева Светлана Михайловна, Балакина Дарья Сергеевна. Темы смерти, времени и любви в альбоме Руюкинeсис'а (Пирокинезиса) «Геометрия тьмы».....</i>	100
<i>Качоровская Анна Евгеньевна. Символика огня как интертекстуальный аспект художественных миров Кристофа Рансмайра....</i>	108

Шестакова Елена Юрьевна. Природа образного воплощения темы детства в художественном сознании Н. А. Тэффи 115

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Юлдашбаева Альбина Шамиловна. Социокультурная специфика реализации стратегии CIOFF® при организации VI Всемирной Фольклориады 2021 г. 125

Борунов Святослав Сергеевич. Мемориалы Крыма 1919–1941 гг. как образцы советского монументального искусства и пропаганды..... 135

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

- Agrafonov Petr Gennadievich*. "That city has a considerable fortress ..." (fortifications of Yaroslavl during the time of Troubles)..... 9
- Tumakov Denis Vasilyevich*. The increasing of criminality in the Yaroslavl region and methods of combating it in the post-war years 19
- Pushkarenko Elena Anatolyevna*. The problems of national state building in the content of German propaganda in the occupied Soviet territory (using the example of the General District of Belarus)..... 29
- Kasanov Anton Sergeevich*. Jews in political exile on the territory of Vyatka Governorate at the turn of the XIX–XX centuries..... 36
- Ivanov Andrey Sergeevich*. Philatelic International: in the Shadow of the Comintern 45

GENERAL HISTORY

- Novikov Mikhail Vasil'evich*. Soviet military advisers in the Republic of China in 1938–1943 (based on memoirs)..... 53
- Galkina Yulia Mikhailovna*. A female spy in France during the First World War 63

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

- Ilyin Dmitry Vladimirovich*. Failed cooperation: Computers and computer technologies in the context of scientific and technical interaction of superpowers in the 1970s..... 71

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

- Shalamov Vladimir Alexandrovich*. Materials of the Irkutsk Ispart as a source on the history of healthcare in Eastern Siberia 84

ARCHEOLOGY

- Bazerkan Gaid*. From the "castle in the desert" to the medieval city: Qasr al-Khair al-Sharqi (Syria)..... 93

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Maltseva Svetlana Mikhailovna, Balakina Daria Sergeevna*. Themes of death, time and love in the Pyrokinesis album "Geometry of Darkness"..... 100
- Kachorovskaya Anna Evgenyevna*. The symbolism of fire as an intertextual aspect of Christophe Ransmayr's artistic worlds..... 113
- Shestakova Elena Yurievna*. The nature of the figurative embodiment of the theme of childhood in the artistic consciousness of N. A. Taffy 115

CULTURAL STUDY

<i>Yuldashbaeva Albina Shamilovna. Sociocultural specifics of the CIOFF® strategy implementation during the organization of the VI World Folklore Games 2021.....</i>	125
<i>Borunov Svyatoslav Sergeevich. Crimean Memorials of 1919–1941 as examples of Soviet monumental art and propaganda.....</i>	135

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(470.316)«1598/1613»

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.049

«Тот город имеет немалую крепость...» (укрепления Ярославля эпохи Смуты)

Аграфонов Петр Геннадьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0003-1030-4334. E-mail: ppete@yandex.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена уточнению представлений о характере, состоянии и степени эффективности защитных сооружений города Ярославля в Смутное время, на основании анализа обширного комплекса как русских, так и иностранных источников. Актуальность темы обусловлена ее недостаточной изученностью. Внимание исследователей было направлено на изучение материалов более позднего времени – середины XVII в.

Система укреплений Ярославля в основном сложилась в ходе строительства второй половины XVI столетия, в результате которого город фактически получил новые фортификационные сооружения. По сведениям русских и польских источников, в военных действиях 1608–1609 гг. значительную роль сыграли две линии земляных укреплений города, снабженных бревенчатыми стенами, а также башни, служившие в то же время воротными укреплениями.

На основе анализа сведений источников можно утверждать, что к началу Смутного времени город был обладателем относительно целостной системы укреплений, хотя и частично обветшавших. Разрушение укреплений в период военного противостояния с польскими отрядами Лжедмитрия II привело к необходимости частичного ремонта в 1609 г. Восстановительные работы были продолжены и по окончании военных действий.

Меры по обновлению защитных сооружений в начале XVII в. проводились неоднократно. Центр Ярославля – Рубленый город – устоял в результате нескольких продолжительных осад. Земляные и деревянные укрепления города выполняли свои функции в течение всего Смутного времени.

Важнейшим пунктом обороны в защите Ярославля в Смутное время был Спасо-Преображенский монастырь – крупнейшее строение города, окруженное массивными каменными стенами уже в XVI в.

Таким образом, к началу самого тяжелого периода в своей истории Ярославль сформировался как городской организм, обладавший законченной фортификационной системой.

Ключевые слова: Ярославль, Смутное время, башни, стены, ров, вал, польская интервенция.

Период Смутного времени – один из самых сложных и трагических в истории России. На рубеже XVI – XVII вв. наша страна пережила стихийные бедствия, военную интервенцию, политический и социальный кризис. Одну из ключевых ролей в восстановлении русской государственности сыграли жители Ярославля. Наш город в полной мере разделил судьбу России. Он подвергался разорениям и осаде «польских людей», собирал средства на народное ополчение, был временной столицей Российского государства. В начале XVII в. этому городу было суждено войти в число важнейших мест действия Смуты.

Цель исследования – изучение укреплений Ярославля в период Смутного времени. Достаточно хорошо изучены защитные сооружения города, созданные в середине XVII в. Гораздо меньший интерес исследователей вызвал предыдущий период – период Смуты – конец XVI – начало XVII вв. Даже в сравнительно недавно защищенной диссертации В. И. Сафронова, посвященной архитектурному образу Ярославля XVI–XVII вв., об укреплениях города периода Смуты говорится очень мало [27, с. 84–85]. Ярославские историки и краеведы XIX – 30-х годов XX вв. (К. Д. Головщиков, А. В. Скульский, Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев, Л. Б. Генкин) лишь в единичных работах вскользь, кратко затрагивали этот вопрос [1; 6; 7; 29]. В книгах по истории и архитектуре Ярославля, изданных в 60–90-е гг. XX в., в основном повторяются сведения

более ранних исследователей [9; 30]. Исключение составляют, пожалуй, работы ярославского историка и исследователя архитектуры В. Ф. Марова [14; 26]. При этом, описывая укрепления Ярославля эпохи Смуты, эти авторы не полностью использовали достаточно обширный, хотя и разнородный корпус источников, как русских, так и иностранных. Этим обусловлена актуальность данной статьи.

Наши знания об укреплениях города были бы более полными, если бы опирались на сведения, содержащиеся в Дозоре Осипа Коковинского. Он был составлен в 1614 г. К сожалению, сам документ не сохранился. Его цитируют по более поздней описи 1628–1631 гг. И. Н. Головина и подьячих Т. Андреянова и Никона Федорова. Она тоже сохранилась не полностью [21].

К концу XVI в. сложилась основа градостроительной структуры Ярославля. Небольшой по площади и наиболее укрепленный центр, называвшийся в древнерусских городах во многих случаях кремлем и получивший в Ярославле наименование Рубленый город, размещался на высоком мысу при слиянии Которосли и Волги. Обе реки служили крепости естественным прикрытием. Две речные линии защиты с третьей стороны связал Медведицкий овраг, замкнувший древнейший участок городской территории. Это безводное ответвление русла Которосли, тянувшееся почти до самой Волги, создавало дополнительную природную линию обороны, в полной мере использовавшуюся жителями города – овраг был углублен, превратившись в полноценный ров. Со стороны оврага Рубленый город был прикрыт бревенчатым ограждением, предопределившим его название. Ограда была поставлена над ровом, снабженным небольшим земляным валом. «Рубленый город сообщался с посадом мостом, перекинутым через Медведицкий овраг и защищенным проездой башней. В нем находились воеводские хоромы, избы подьячих, стояли боярские осадные дворы» [30, с. 9].

За границей Рубленого города размещалась вторая часть Ярославля – городской посад. С ростом населения граница города шагнула за эти пределы, прирастая слободами, образовавшими третью часть планировочной структуры. Поступательное формирование такой схемы города продолжалось на протяжении нескольких столетий.

В 1536 г. грандиозный пожар уничтожил почти весь город. Подобные трагедии нередко оказывались импульсом к возрождению и обновлению. Так было и в Ярославле – последовавшее после пожара восстановление сформировало его облик, сохранившийся в основном к началу следующего столетия.

Активная застройка Ярославля велась в рамках общегосударственных мер по обновлению старых городов северо-востока. На основе указов Елены Глинской в период ее регентства в практически выгоревшем городе начинается масштабное строительство, результаты которого оказались весьма существенными и долговременными. Вместе с пострадавшими от столь же серьезных пожаров Владимиром и Тверью Ярославль был фактически заново отстроен. В соответствии с требованиями времени он получил и новые, расширенные фортификационные сооружения [7, с. 54; 12, с. 27].

Именно с этого времени территория Ярославля за пределами Рубленого города впервые получила защитный земляной вал [7, с. 54; 29, с. 3]. С возведением земляных укреплений территория посада получила имя Земляного города. Термин «Земляной город» упоминается, например, в 1584 г. в сказании о построении в Ярославле Вознесенской церкви [28, с. 77].

Следовательно, город был тогда не только отстроен, но и более надежно укреплен. Земляной вал, составлявший вторую линию фортификации, был значительно выше, чем более древний вал над Медведицким оврагом. Оба защитных сооружения протянулись между Волгой и Которослью; земляной вал по своему расположению, естественно, на гораздо большее расстояние.

Три сообщения, относящиеся еще ко времени правления Ивана Грозного, можно считать наиболее ранними из отзывов о защитных сооружениях Ярославля второй половины XVI в., то есть в период, когда относительно свежей была его застройка после пожара. По свидетельству папского легата в Восточной Европе Антонио Поссевино, побывавшего на Руси в 1581–1582 гг., Ярославль – город хотя и небольшой, но обладающий крепостью, частично построенной из камня и кирпича, наряду с земляными и деревянными сооружениями [23, с. 43]. Речь идет, разумеется, о Рубленом городе. Использование камня, по словам папского легата, выгодно отличает фортификацию Москвы, Новгорода, Пскова и некоторых других городов, в числе которых и Ярославль, от тех, при укреплении которых применяются только дерево и земляные насыпи. В результате пренебрегать такой защитной крепостью, как в Ярославле, по мнению Поссевино, не стоит [23, с. 44].

В двух других иностранных источниках, упоминающих укрепления Ярославля этого времени – итальянца Алессандро Гваньини и немецкого авантюриста Генриха Штадена – укрепления Ярославля описаны иначе. Гваньини в своей книге «Описание Европейской Сарматии», изданной в первой половине 1570-х гг., упоминает Ярославль как обширный деревянный город с крепостью [5, с. 56]. Штаден тоже называет его крепость исключительно деревянной и не имеющей артиллерии [31, с. 289].

Началом XVII в. датируется «Проект взятия Московского государства под покровительство Англии», предложенный английским резидентом Джоном Мериком, в котором также содержится описание города. Мерик в 1584 г. был агентом Английской торговой компании в Ярославле. В характеристике укреплений Ярославля он вторит Штадену, утверждая, что город имеет крепость, построенную «из бревен и земли и земляной вал». Камня как материала для возведения стен, таким образом, в укреплениях Рубленого города Мерик не находит. И более того, говорит об отличии Ярославля от Нижнего Новгорода и Казани, «крепко построенных, хорошо укрепленных и снабженных большим количеством медных орудий» [24, с. 77–78].

К началу Смуты Ярославль имел две линии земляных укреплений – «осыпей», в терминологии писцовых книг XVII в. [10, с. 117], ставших постоянными элементами защиты городской территории. Эта оборонительная система начиналась от Волги (у Семеновского спуска), шла по ломаной линии вокруг посада и выходила к Которосли северо-восточнее Спасского монастыря [14, с. 20–21]. Насыпной вал Земляного города был значительно выше, чем вал над Медведицким оврагом. Этот вал протянулся между Волгой и Которослью на гораздо большее расстояние. На основании сведений середины XVII в. Рубленый город «мерю 573 сажени», второй – «большой город», то есть Земляной – 1328 сажени [10, с. 117]. Анонимный автор известного «Дневника Марины Мнишек» под 1607 г. пишет, что «от предместья город отделен насыпным валом высотой в два копья» – следовательно, невысоким [8, с. 74].

В собрании ярославского краеведа Е. Е. Трехлетова находился документ, названный условно «Роспись городу Ярославлю первой половины XVII столетия», в котором говорилось также, что на территории Ярославля стоят два рубленных из дерева города – большой и меньший, упоминался «городовой ров», а также некоторые башни. В том числе – деревянная проезжая Угличская [25, с. 260].

Два пояса валов, снабженных деревянными стенами и башнями, служили базой фортификации Ярославля. Каменных стен ни по одной из сторон своего периметра Ярославль на этот момент не имел. По способу установки и выполняемым функциям башни были двух видов – глухие и проездные. Глухие размещались на гребне вала, проездные – у его подножия. Согласно переписной книге от 1668 г. над валом Рубленого города при небольшой его длине стояли 12 башен, включая две проездные. Земляной город охраняли 24 башни, в том числе четыре проездные. Соответственно количеству башен деревянные стены рубленого города делились на 12 прясел, Земляного – на 25 [10, с. 117].

Точное количество башен Земляного города на рубеже веков назвать трудно. А. В. Скульский полагает, что из построенных тогда башен Земляного города до Смуты сохранилось не более трех. В том числе Семеновская, построенная на берегу Волги, Власьевская, стоявшая примерно посередине линии вала, и Угличская, расположенная на углу стены Спасского монастыря. Все три – деревянные и проездные [29, с. 4].

К. Д. Головщиков, ссылаясь на статью «О древностях в Ярославской губернии», называет большее количество – 17 или 18 [7, с. 54]. Эти сведения представляются спорными, так как в указанной публикации на самом деле говорится о нескольких башнях, без упоминания точного количества [16, с. 19]. Л. Б. Генкин, со своей стороны, полагает, что во время Смуты на Земляном валу башен сохранялось не меньше, чем указано в источнике 1668 г., то есть не менее двадцати. Существующей на рубеже XVI–XVII вв. он считает и Волжскую башню, ограничивающую линию Рубленого города на берегу Волги. Оснований для этого утверждения он не приводит [6, с. 17].

Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев полагают, что укрепления Рубленого города насчитывали 12 башен [1, с. 90–91]. В. Ф. Маров относит указанное в переписной книге 1668 г. количество башен к началу XVII в. [14, с. 20–21]. В другой своей работе он уточняет: «По-видимому, в начале XVII в. Земляной город был окружен деревянными стенами с 24 башнями; Рубленый город также восстановил деревянные укрепления, в состав которых входило 12 башен» [26, с. 199].

Башни размещались в стратегически важных местах. Семеновская – вследствие непосредственной близости в Волге, а Власьевская по своему центральному положению на земля-

ном валу, то есть посередине линии нападения. Это подтверждается данными из известного письма воеводы Вышеславцева сольвычегодцам [19, с. 87], где сообщается, что нападающим удалось прорваться внутрь Земляного города только тогда, когда, потеряв надежду взять его прямым приступом, они подожгли Власьевские ворота и ограждение рядом с ними. Другой точкой проникновения стали Семеновские ворота [29, с. 18].

Таким образом, учитывая, что протяженность Земляного вала была значительной, представляется обоснованным предположение, что он не мог ограничиваться только проездными башнями. Имелись, видимо, и глухие, хотя число их было, возможно, меньше, чем к середине XVII в. Вопрос о том, сколько их сохранилось к началу XVII столетия, однозначного ответа пока не имеет. Можно только утверждать, что сообщение Головщикова о почти двух десятках башен в период Смутного времени, повторенное затем Л. Б. Генкиным, Н. П. Андиферовым, А. А. Золотаревым и В. Ф. Маровым, не находит достаточных подтверждений.

Помимо башен основным средством защиты служило укрепление валов плотным заграждением из вбитых в землю кольев или деревянных столбов с заостренными верхушками. О валах Ярославля есть упоминания в «Дневнике Марины Мнишек» [8, с. 70, 87, 105]. Окруженные островерхими частоколами участки назывались острогами; именно этот термин многократно встречается в источниках в качестве обозначения границ укрепленных территорий внутри Ярославля.

Так, Рубленый город в таких случаях именуется малым острогом, Земляной город – большим. Особенно часто эти наименования встречаются в текстах, описывающих сражения защитников города с захватчиками. Один из наиболее наглядных в этом смысле текстов – упомянутое выше письмо Вышеславцева в Сольвычегодск с просьбой о воинской помощи осажденному Ярославлю. В этом письме слово «острог» применительно как к Рубленому, так и к Земляному городу, упоминается несколько раз.

Так, излагая события 8 мая 1609 г., автор сообщает, что защитники города «вышли за острог», то есть за деревянное ограждение крепости, и что в этот день многократно подвергся атакам большой острог – Земляной город. После того как посад в «большом остроге» выгорел практически весь, уцелевшие защитники города укрылись «в меньшем остроге», то есть в Рубленом городе [19, с. 87].

Июнем того же 1609 г. датируется «похвальная грамота» Василия Шуйского ярославским ратным людям за стойкость в защите города, выдержавшим многодневную осаду, в результате которой тушинцев и поляков «за острог отбили». Необходимо также отметить, что в этой грамоте говорится о том, что «воры и литовские люди» осаждали Ярославль с применением осадных орудий – что также свидетельствует об укрепленности города [11, с. 93].

Посланник Генеральных штатов Нидерландов к Русскому государству в начале XVII в. Исаак Масса, описывая крупный пожар в центре города, отмечал, что именно «в остроге на хранении» находились средства иностранных торговых компаний [15, с. 806].

Для фортификации Рубленого города огромное значение имел также ров, вырытый на основе русла Медведицкого оврага. Не имея надежных каменных стен, он в значительной мере защищался при помощи этой преграды. Ширину рва А. В. Скульский определяет в 20 сажень, что, естественно, представляло собой серьезное препятствие [29, с. 4]. «Большим» называет ров в своих реляциях полковник Будило [2, с. 87].

Размеры рва можно оценить исходя из сообщений о том, что примерно на середине через него был перекинут мост, посредством которого Рубленый город сообщался с посадом. Более того, на этом мосту, по утверждению А. В. Скульского, имелась проездная башня, а именно – Фроловская (по-видимому, от наименования ближней церкви Флора и Лавра) [29, с. 4]. Головщиков же полагает, что мостов через Медведицкий овраг было два. Фроловский он считает расположенным ближе к Волге; название этого моста, вслед за Скульским, он производит от церкви Флора и Лавра, стоявшей на краю оврага [7, с. 56].

Итак, Смутное время город встречает обладателем относительно целостной системы укреплений, пусть несколько обветшавших. Два пояса земляных валов дополнялись бревенчатыми стенами. Деревянные укрепления были относительно недолговечны, и тем не менее многое из построенного после 1536 г., с периодическими подновлениями, сохранилось до начала следующего столетия. А в очень ветхом состоянии – даже до середины, когда в 1658 г. очередной крупный пожар уничтожил все, что уцелело от укреплений, переживших Смуту, расчистив площадку для глобального обновления при Алексее Михайловиче.

«Дневник Марины Мнишек» в 1607 г. называет крепость Ярославля уже очень ветхой и в значительной степени обвалившейся. Описание в «Дневнике» свидетельствует, с одной сто-

роны, о частичном разрушении Рубленого города, с другой – о больших размерах его площади: «Тот город имеет немалую крепость, но непригодную. Каменных строений в городе никаких не имеется, кроме каменного монастыря, обнесенного стеной. Крепость сгнила, огорожена забором, располагается на холме, в развилке между двумя реками» [8, с. 74].

Разрушение стен вполне объяснимо, так как укрепления, с которыми ярославский кремль встретил начало XVII в., строились задолго до этого времени. Тем не менее и здесь отмечена величина Рубленого города. Автору «Дневника» вторит шведский дипломат и историк Петр Петрей, который в начале XVII в. дал такую характеристику Ярославля: «Город и крепость довольно обширны в длину и ширину» [22, с. 40].

События Смутного времени привели к работам по реконструкции укреплений. В «Дневнике Мнишек» от 23 июня 1608 г. говорится, что «ярославцы, отправив нас, поспешили рыть окопы и укреплять город» [8, с. 116]. А еще позже автор пишет: «Объявили здесь, чтобы мужики готовились к строительству острога около города Ярославля, на который ожидался приход неприятеля» [8, с. 124]. В укреплении обветшавших стен Рубленого города большую роль сыграли оперативные меры, предпринятые Никитой Вышеславцевым в преддверии нападения поляков. Об этом он сообщает в «отписке» вологодцам от 8 апреля 1609 г. Из письма следует, что пришедшее в Ярославль войско Вышеславцева город встретил иконами и хлебом-солью, а затем городской «острог почали делать» [18, с. 85]. Работы, видимо, были проведены быстро и качественно, что не замедлило сказаться на результатах попыток взять город во время осады, начавшейся во второй половине апреля.

Подтверждают эти факты два свидетельства иностранных современников Смуты. Петрей, приводя сюжет о попытке Лисовского взять Ярославль, писал: «Он ничего не мог сделать, потому что везде, где ни стояли, они огораживали себя крепким частоколом, и поляки должны были оставить их в покое» [22, с. 240–241]. Очевидец событий Конрад Буссов, оставивший интересное сочинение об этом периоде, под 1609 г. сообщает, «крестьяне в своих лагерях так окопались и укрепились частоколами или тынами, что поляки ничего не смогли с ними поделаться и должны были оставить их в покое» [3, с. 158].

Следовательно, работы по подновлению Рубленого города в начале XVII в. проводились периодически. Благодаря этому земляные и деревянные укрепления города выполняли свои функции в течение всего Смутного времени. В жалобе властей Спасского монастыря первой половины XVII в. говорится: «А тот городской осыпной вал от монастыря близко и над монастырскою стеною возведен высоко и с того осыпного городского вала в монастыре все видеть» [9, с. 40]. «Большим городом, защищенным сильными укреплениями», называет Ярославль в этот период Юхан Видекинд, автор известного сочинения начала XVII в. «История шведско-московитской войны» [4, с. 461].

В дневнике польского полковника Будило, на себе испытавшего неприступность цитадели Ярославля, прямо говорится о безуспешности многочисленных попыток подступить к Рубленому городу. Из сообщения полковника также следует, что крепость в мае 1609 г. называется местом «сильно укрепленным и удобным для защиты», что сделало его неприступным для объединенных сил поляков и тушинцев [2, с. 155]. Немаловажно, что это – точка зрения профессионального военного.

Был усилен и арсенал города. Информация об этом есть в дневнике Марины Мнишек. «Приехал из Москвы... боярин Иван Татищев, и уже было приказано жившим поблизости съезжаться *in armis* [при оружии]. Он переписывал людей и готовил ручные пищали и другое оружие» [8, с. 79]. Позже говорится: «Пришло известие, что какие-то люди наступают на валы Ярославля. А поэтому крепость снабдили хорошо огнестрельным оружием, и сюда съехалось очень много бояр для ее обороны. Оставались в таком положении в течение недели, а потом снова разъехались» [8, с. 87]. Спустя несколько дней приехавший из Москвы боярин «приказал съезжаться всем окольным боярам, и для этого дела пушки разные привезли, также рогадины, которых несколько тысяч находилось в монастыре, были розданы горожанам» [8, с. 86].

Значительную роль в фортификационном вооружении Ярославля играл Спасский монастырь. Оказавшийся на границе между Земляным городом и слободами, монастырь с древнейших времен выполнял функцию военного форпоста города. Спасский монастырь был самостоятельной крепостью, юридически независимым от города, но неразрывно с ним связанным [29, с. 5]. Будучи одной из крупнейших обителей Московской Руси, уже в XVI в. он имел каменные стены и башни, построенные одновременно с возведением городских укреплений Ярославля. Помимо крепостных сооружений, монастырь защищался также глубоким рвом. По

мнению Э. Добровольской, «после возведения в 1550–1580 гг. каменных стен и башен Спасский монастырь стал одной из сильнейших крепостей Поволжья. Здесь стоял стрелецкий гарнизон, хранилась «государева казна». Крепость эта значительно превосходила обветшавшие укрепления на Стрелке» [9, с. 40].

Поэтому он закономерно служил важнейшим пунктом обороны. Во время военных действий в 1608–1609 гг. в городе фактически было две крепости – деревянная Рубленого города и каменная монастырская. В отписке устюжан в Пермь при описании осады Ярославля в мае 1609 г. сообщается, что жители и войско обороняются от «воров и литовских людей», укрывшись «в городе, и в среднем остроге и в Спасском монастыре» [20, с. 90]. У монастыря имелись внушительные запасы оружия, а также собственный гарнизон стрельцов с артиллерией.

Наиболее ранней каменной башней монастыря были Святые ворота – защитное крепостное сооружение, служившее одновременно главным входом на территорию обители. Первоначально верх башни был окружен зубцами и бойницами. Внизу башни находились два арочных проезда, в том числе широкий (более 5 м) – парадный. Главный проезд имеет сужение в сторону монастырского двора, вызванное оборонными соображениями [14, с. 18]. Сами ворота прикрывались мощными стенами «захаба» – дополнительного предвратного укрепления, делавшего вход в монастырь практически неприступным. Кроме того, отсюда контролировались подступы к Рубленому городу и далее к городскому посаду [9, с. 31].

Таким образом, Святые ворота представляют собой древнейший памятник фортификации Ярославля, сыгравший важную роль в длительной безуспешной осаде города в 1609 г., о которой шла речь выше [9, с. 39]. Во время попытки отрядов Лисовского захватить монастырь они были забаррикадированы, что и стало основной причиной неудачи действий поляков [13, с. 145].

Наконец, своеобразными укреплениями в годы Смуты стали некоторые ярославские храмы. К 1608–1609 гг., когда над Ярославлем возникла угроза захвата города поляками, многие церкви фактически стали гарнизонными, то есть содержали и размещали русских стрельцов. Так, в период осады города поляками, в церкви Михаила Архангела хранилась стрелецкая артиллерия и было размещено около сотни стрельцов. Однако после того, как польская армия смогла захватить Спас на Городу, в Архангельский храм были вынуждены перейти еще несколько отрядов стрельцов, которые не смогли сопротивляться осаде.

Пострадавшие в годы Смуты стены и башни Ярославля, несомненно, подлежали обновлению. Восстановительные работы начали проводиться вскоре после окончания военных действий. Об этом косвенно свидетельствует название несохранившегося документа, упомянутого в описи архива Разрядного приказа 1626 г., который называется «Столпик о ярославском об острожном деле и чертеж 129-го году» [17, с. 58]. Из этого названия следует, что уже в 1620–1621 гг. велись работы по ремонту укреплений города. Отметим, что к 20-м гг. XVII в. относится также начало возведения каменных стен и башен Спасского монастыря [27, с. 86]. Но наиболее масштабное городское строительство, как известно по многочисленным документальным свидетельствам, было развернуто в Ярославле в середине и во второй трети XVII столетия.

Подводя итог, отметим, что к началу самого тяжелого периода в своей истории Ярославля имел сложившийся комплекс городских укреплений, строившихся планомерно, с включением более древних элементов защиты. Кроме того, в целом в градостроении Ярославля к концу XVI в. был сделан большой шаг вперед. Не подлежит в то же время сомнению, что богатство и сила любого города в пору постоянных внешних угроз были неотъемлемы от состояния его укреплений.

Таким образом, переломное время Смуты служит водоразделом, фиксирующим определенные итоги развития города на протяжении предшествующих столетий. На пороге великих потрясений Ярославль сформировался как устойчивый городской организм, обладавший законченной фортификационной системой и существенным запасом прочности.

Список литературы

1. Анциферов Н. П., Золотарев А. А. Ярославль. История. Культура. Быт. Ярославль : Академия 76, 2019. 324 с.
2. Будило И. Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), известный под именем Истории ложного Димитрия // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. 448 с.
3. Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М. ; Л. : АН СССР, 1961. 400 с.
4. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М. : Памятники исторической мысли, 2000. 652 с.

5. *Гваньини А.* Описание Московии. М. : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. 172 с.
6. *Генкин Л. Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль : Ярославское областное издательство, 1939. 172 с.
7. *Головщиков К. Д.* История города Ярославля // История губернского города Ярославля. Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2007. 520 с.
8. *Дневник Марины Мнишек.* СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. 201 с.
9. *Добровольская Э.* Ярославль. М. : Искусство, 1968. 223 с.
10. Из переписной книги города Ярославля 1668 г. // Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1990. 432 с.
11. Из царской похвальной грамоты ярославским ратным людям за усердную службу. 1609 июня 28 // Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1990. 432 с.
12. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб. : Военная типография Главного штаба его императорского величества, 1817. Т. VIII. 399 с.
13. Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей и от прочих тогдашних времен многих случаев, по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о межгосударствовании по кончине царя Феодора Иоанновича, и о учиненном исправлении книг в царствовании благоверного государя царя Алексея Михайловича в 7163/1655 году.: собрано из древних тех времен описаний. М. : Издано М. М. Щербатовым, 1788. 386 с.
14. *Маров В. Ф.* Ярославль. Архитектура и градостроительство. Ярославль : Верхняя Волга, 2000. 215 с.
15. *Масса И.* Донесение к Генеральным штатам // Вестник Европы. 1868. Кн. 8. С. 805–812.
16. О древностях в Ярославской губернии // Ярославские губернские ведомости. 1832. № 1.
17. Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 806 с.
18. Отписка воеводы Никиты Вышеславцева из Ярославля вологодскому воеводе Никите Михайловичу Пушкину, дьяку Рахманину Макарьевичу Воронову и вологжанам об освобождении Ярославля от поляков и литовцев вологодскими ополченцами вместе с ратниками из других городов. 1609 г. Апрель 8 // Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1990. 432 с.
19. Отписка воеводы Никиты Вышеславцева из Ярославля сольвычегодским воеводам, посадским людям и крестьянам о присылке в Ярославль ратных людей в связи с тяжелым осадным положением города и известиями об ожесточенных боях с польско-литовскими и прочими захватчиками. 1609 г., позднее мая 8 // Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1990. 432 с.
20. Отписка устюжан пермичам о посылке в Ярославль ратных людей пятого сбора, и при ней отписка из Вологды в Устюг об осаде Ярославля польскими интервентами. 1609 г. мая после 11 // Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1990. 432 с.
21. Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. 1861. № 1-45.
22. *Петрей де Эрлезунда Петр.* История о Великом княжестве московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах // О начале войн и смут в Московии. М. : Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. 554 с.
23. *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 272 с.
24. Проект взятия Московского государства под покровительство Англии, предложенный английским резидентом Джоном Мериком // Московия Джона Мильтона. М. : Императорское общество истории и древностей Российских, 1875. 83 с.
25. Роспись городу Ярославлю первой половины XVII столетия // Ярославские губернские ведомости. 1850. № 26.
26. Русское градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков. М. : Стройиздат, 1994. 317 с.
27. *Сафронов В. И.* Архитектурный образ Ярославля XVI–XVII вв. : дисс. ... канд. искусствоведения. Ярославль : ЯГПУ, 2007. 228 с.
28. Сказание о построении Вознесенской церкви в г. Ярославле // Ярославль. История города в документах и материалах. Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1990. 432 с.
29. *Скульский А. В.* Ярославль в 1608–1609 годах. Две женские лжи: Публичные чтения в Ярославле 16 и 22 октября 1883 года. Ярославль : Типография губернской земской управы, 1883. 46 с.
30. *Суслов А. И., Чураков С. С.* Ярославль. М. : Государственное изд-во литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960. 280 с.
31. *Штаден Г.* Записки о Московии. М. : Древлехранилище, 2008. Т. 1. 583 с.

"That city has a considerable fortress ..." (fortifications of Yaroslavl during the time of Troubles)

Agrafonov Petr Gennadievich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of National History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0003-1030-4334. E-mail: ppeter@yandex.ru

Abstract. The presented article is devoted to clarifying the ideas about the nature, condition and degree of effectiveness of the protective structures of the city of Yaroslavl in the Time of Troubles, based on the analysis of an extensive complex of both Russian and foreign sources. The relevance of the topic is due to its insufficient knowledge. The attention of researchers was directed to the study of materials from a later time – the middle of the XVII century.

The system of fortifications of Yaroslavl was mainly formed during the construction of the second half of the XVI century, as a result of which the city actually received new fortifications. According to Russian and Polish sources, two lines of earthen fortifications of the city, equipped with log walls, as well as towers, which served at the same time as gate fortifications, played a significant role in the military operations of 1608–1609.

Based on the analysis of information sources, it can be argued that by the beginning of the Time of Troubles, the city had a relatively complete system of fortifications, although partially dilapidated. The destruction of the fortifications during the military confrontation with the Polish detachments of False Dmitry II led to the need for partial repairs in 1609. Restoration work was continued after the end of hostilities.

Measures to update the protective structures at the beginning of the XVII century were carried out repeatedly. The center of Yaroslavl, a Chopped-up city, resisted as a result of several prolonged sieges. The earthen and wooden fortifications of the city performed their functions throughout the Time of Troubles.

The most important point of defense in the defense of Yaroslavl in the Time of Troubles was the Transfiguration Monastery – the largest building in the city, surrounded by massive stone walls already in the XVI century.

Thus, by the beginning of the most difficult period in its history, Yaroslavl had formed as an urban organism with a complete fortification system.

Keywords: Yaroslavl, the Time of Troubles, towers, walls, moat, rampart, Polish intervention.

References

1. Anciferov N. P., Zolotarev A. A. *Yaroslavl'. Istoriya. Kul'tura. Byt* [Yaroslavl. History. Culture. Mode of life]. Yaroslavl. Academy 76. 2019. 324 p.
2. Budilo I. *Dnevnik sobytij, odnosyashchihysya k Smutnomu vremeni (1603–1613 gg.), izvestnyj pod imenem Istorii lozhnogo Dimitriya* [Diary of events related to the Time of Troubles (1603–1613), known as the Story of the false Dimitri] // *Russkaya istoricheskaya biblioteka* – Russian Historical Library. SPb. 1872. Vol. 1. 448 p.
3. Bussov K. *Moskovskaya hronika* [The Moscow Chronicle. 1584–1613]. M. ; L. USSR Academy of Sciences. 1961. 400 p.
4. Videkind Yu. *Istoriya desyatiletnej shvedsko-moskovitskoj vojny* [The history of the ten-year Swedish-Muscovite war]. M. Monuments of historical thought. 2000. 652 p.
5. Guagnini A. *Opisanie Moskovii* [Description of Muscovy]. M. The Greek-Latin cabinet of Yu. A. Shichalin. 1997. 172 p.
6. Genkin L. B. *Yaroslavskij kraj i razgrom pol'skoj intervencii v Moskovskom gosudarstve v nachale XVII veka* [Yaroslavl Region and the defeat of the Polish intervention in the Moscow State at the beginning of the XVII century]. Yaroslavl. Yaroslavl Regional Publishing House. 1939. 172 p.
7. Golovshchikov K. D. *Istoriya goroda Yaroslavlya* [History of the city of Yaroslavl] // *Istoriya gubernskogo goroda Yaroslavlya* – The history of the provincial city of Yaroslavl. Yaroslavl. Alexander Rutman Publishing House. 2007. 520 p.
8. *Dnevnik Mariny Mnishek* – Marina Mnishek's diary. SPb. Dmitry Bulanin. 1995. 201 p.
9. *Dobrovol'skaya E. Yaroslavl'* [Yaroslavl]. M. Iskusstvo (Art). 1968. 223 p.
10. *Iz perepisnoj knigi goroda Yaroslavlya 1668 g.* – From the census book of the city of Yaroslavl in 1668 // *Yaroslavl'. Istoriya goroda v dokumentah i materialah* – Yaroslavl. The history of the city in documents and materials. Yaroslavl. Verkhne-Volzhsy Book Publishing House. 1990. 432 p.
11. *Iz carskoj pohval'noj gramoty yaroslavskim ratnym lyudyam za userdnuyu sluzhbu. 1609 iyunya 28* – From the royal letter of commendation to the Yaroslavl military men for their diligent service. 1609 June 28 // *Yaroslavl'. Istoriya goroda v dokumentah i materialah* – Yaroslavl. The history of the city in documents and materials. Yaroslavl. Verkhne-Volzhsy Book Publishing House. 1990. 432 p.
12. *Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo* [The history of the Russian state]. SPb. Military printing house of the Chief Staff of his Imperial Majesty. 1817. Vol. VIII. 399 p.

13. *Letopis' o mnogih myatezhah i o razorenii Moskovskogo gosudarstva ot vnutrennih i vneshnih nepriyatelej i ot prochih togdashnih vremen mnogih sluchaev, po predstavlenii carya Ivana Vasil'evicha; a pache o mezhgosudarstvovanii po konchine carya Feodora Ioannovicha, i o uchinennom ispravlenii knig v carstvovanii blagovernogo gosudarya carya Alekseya Mihajlovicha v 7163/1655 godu: sobrano iz drevnih tekhn vremen opisaniy* – The chronicle of many rebellions and the ruin of the Moscow state from internal and external enemies and from other times of that time, many cases, after the repose of Tsar Ivan Vasilyevich; and even more about the reign after the death of Tsar Theodore Ioannovich, and about the correction of books in the reign of the blessed sovereign Tsar Alexei Mikhailovich in 7163/1655: collected from ancient descriptions of those times. M. Published by M. M. Shcherbatov. 1788. 386 p.

14. *Marov V. F. Yaroslavl'. Arhitektura i gradostroitel'stvo* [Yaroslavl. Architecture and urban planning]. Yaroslavl. Upper Volga. 2000. 215 p.

15. *Massa I. Donesenie k General'nym shtatam* [Report to the States General] // *Vestnik Evropy* – Herald of Europe. 1868. Book 8. Pp. 805–812.

16. *O drevnostyah v Yaroslavskoj gubernii* – About antiquities in the Yaroslavl province // *Yaroslavskie gubernskie vedomosti* – Yaroslavl provincial gazette. 1832. No. 1.

17. *Opisi arhiva Razryadnogo prikaza XVII v.* – Inventory of the archive of the Discharge order of the XVII century. SPb. Dmitry Bulanin. 2001. 806 p.

18. *Otpiska voevody Nikity Vysheslavceva iz Yaroslavlya vologodskomu voevode Nikite Mihajlovichu Pushkinu, d'yaku Rahmaninu Makar'evichu Voronovu i vologzhanam ob osvobozhdenii Yaroslavlya ot polyakov i litovcev vologodskimi opolchencami vmeste s ratnikami iz drugih gorodov. 1609 g. Aprelya 8* – The reply of voivode Nikita Vysheslavtsev from Yaroslavl to Vologda voivode Nikita Mikhailovich Pushkin, deacon Rachmanin Makaryevich Voronov and Vologda residents about the liberation of Yaroslavl from Poles and Lithuanians by Vologda militias together with warriors from other cities. April 8, 1609 // *Yaroslavl'. Istoriya goroda v dokumentah i materialah* – Yaroslavl. The history of the city in documents and materials. Yaroslavl. Upper Volga Book Publishing House. 1990. 432 p.

19. *Otpiska voevody Nikity Vysheslavceva iz Yaroslavlya sol'vychegodskim voevodam, posadskim lyudyam i krest'yanam o prisylke v Yaroslavl' ratnyh lyudej v svyazi s tyazhelym osadnym polozheniem goroda i izvestiyami ob ozhestochennyh boyah s pol'sko-litovskimi i prochimi zahvatchikami. 1609 g., pozdnee maya 8* – The reply of voivode Nikita Vysheslavtsev from Yaroslavl to the Solvychegodsky voivodes, posadsky people and peasants about sending military men to Yaroslavl in connection with the heavy siege of the city and news of fierce battles with Polish-Lithuanian and other invaders. 1609, later on May 8 // *Yaroslavl'. Istoriya goroda v dokumentah i materialah* – Yaroslavl. The history of the city in documents and materials. Yaroslavl. Verkhne-Volzhsy Book Publishing House. 1990. 432 p.

20. *Otpiska ustyuzhan permicham o posylke v Yaroslavl' ratnyh lyudej pyatogo sbora, i pri nej otpiska iz Vologdy v Ustyug ob osade Yaroslavlya pol'skimi interventami. 1609 g. maya posle 11* – A reply from Ustyuzhan Permians about sending military men of the fifth collection to Yaroslavl, and with it a reply from Vologda to Ustyug about the siege of Yaroslavl by Polish interventionists. 1609 May after 11 // *Yaroslavl'. Istoriya goroda v dokumentah i materialah* – Yaroslavl. The history of the city in documents and materials. Yaroslavl. Upper Volga Book Publishing House. 1990. 432 p.

21. *Perechnevaya opis' goroda Yaroslavlya 1630 g.* – The inventory of the city of Yaroslavl in 1630 // *Yaroslavskie gubernskie vedomosti* – Yaroslavl provincial gazette. 1861. No. 1–45.

22. *Petreius de Erlezunda Peter. Istoriya o Velikom knyazhestve moskovskom, proiskhozhdenii velikih russkih knyazey, nedavnyh smutah, proizvedennyh tam tremya Lzhedmitriyami, i o moskovskih zakonah, npravah, pravlenii, vere i obryadah* [The story of the Grand Duchy of Moscow, the origin of the great Russian princes, the recent troubles caused there by three False Dmitriy, and about Moscow laws, morals, government, faith and rituals] // *O nachale vojn i smut v Moskovi* – About the beginning of wars and troubles in Muscovy. M. Sergey Dubov Foundation. Rita-Print. 1997. 554 p.

23. *Possevino A. Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v.* [Historical writings about Russia of the XVI century]. M. Publishing House of Moscow University. 1983. 272 p.

24. *Proekt vzyatiya Moskovskogo gosudarstva pod pokrovitel'stvo Anglii, predlozhennyj anglijskim rezidentom Dzhonom Merikom* – The project of taking the Moscow state under the patronage of England, proposed by the English resident John Meric // *Moskoviya Dzhona Mil'tona* – Muscovy by John Milton, M. Imperial Society of Russian History and Antiquities. 1875. 83 p.

25. *Rospis' gorodu Yaroslavlyu pervoj poloviny XVII stoletiya* – Painting of the city of Yaroslavl in the first half of the XVII century // *Yaroslavskie gubernskie vedomosti* – Yaroslavl provincial gazette. 1850. No. 26.

26. *Russkoe gradostroitel'noe iskusstvo: Gradostroitel'stvo Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vekov* – Russian urban planning art: Urban planning of the Moscow state of the XVI–XVII centuries. M. Stroyizdat. 1994. 317 p.

27. *Safronov V. I. Arhitekturnyj obraz Yaroslavlya XVI–XVII vv. : diss. ... kand. iskusstvovedeniya* [The architectural image of Yaroslavl in the XVI–XVII centuries : diss. ... PhD in Art criticism]. Yaroslavl. YaSPU. 2007. 228 p.

28. *Skazanie o postroenii Voznesenskoj cerkvi v g. Yaroslavle* – The legend of the construction of the Ascension Church in Yaroslavl // *Yaroslavl'. Istoriya goroda v dokumentah i materialah* – Yaroslavl. The history of the city in documents and materials. Yaroslavl. Upper Volga Book Publishing House. 1990. 432 p.

29. Skul'skij A. V. *Yaroslavl' v 1608–1609 godah. Dve zhenskie lzhi: Publichnye chteniya v Yaroslavle 16 i 22 oktyabrya 1883 goda* [Yaroslavl in 1608–1609. Two women's Lies: Public readings in Yaroslavl on October 16 and 22, 1883]. Yaroslavl. Printing house of the provincial zemstvo council. 1883. 46 p.

30. Suslov A. I., Churakov S. S. *Yaroslavl'* [Yaroslavl]. M. State Publishing House of literature on construction, architecture and building materials. 1960. 280 p.

31. Staden G. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. M. Drevlehranilizhche (Ancient repository). 2008. Vol. 1. 583 p.

Рост уголовной преступности в Ярославской области и методы борьбы с ним в послевоенные годы

Тумаков Денис Васильевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Ярославский государственный медицинский университет Минздрава России.
Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0001-8569-7246. E-mail: denistumakov@yandex.ru

Аннотация. В статье, основанной на многочисленных рассекреченных архивных документах областного комитета ВКП (б) и органов внутренних дел, а также материалах местной периодической печати, исследуется резкий рост уголовной преступности в Ярославской области вскоре после завершения Великой Отечественной войны. Предметом исследования являются как различные формы преступных проявлений в регионе, так и разнообразные методы борьбы местных органов власти и правоохранительных структур с ними. В 1946–1947 гг. в области заметно увеличилось количество убийств, грабежей, разбоев, фактов хулиганства, краж всех видов, а также хищений и спекуляции. Рост преступности вызывал панические настроения у населения. Показано, что в этот период, как в Советском Союзе в целом, так и в Ярославской области в частности, существенные изменения претерпела структура уголовной преступности. Криминальные действия совершали уже не столько преступники-рецидивисты, сколько обычные, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности граждане. Партийные инстанции и командование органов правопорядка давали суровые оценки происходящему. Государство воспринимало подобные факты как настоящий вызов со стороны криминала и для победы над ним прибегло к привлечению широких сил общественности к борьбе с нарушителями советской законности. В населенных пунктах Ярославской области регулярно проводились облавы и проверки документов, над арестованными преступниками проходили показательные процессы, освещавшиеся в местной печати. Сделан вывод о том, что властям и силам правопорядка удавалось достичь только временного успеха в противостоянии с преступностью, так как последняя обуславливалась бедностью основной массы населения региона.

Ключевые слова: милиция, криминальные проявления, преступники, государство, пресса.

Еще в 1944–1945 гг. отдельные руководители предприятий и учреждений Ярославля начали признавать широкое распространение таких уголовных преступлений, как взяточничество, хулиганство, карманные кражи в общественном транспорте, хищения со складов с целью последующей спекуляции [22, д. 89, л. 50; 23, д. 6, л. 3 об., д. 7, л. 3; 24, л. 12–12 об., л. 16–16 об.]. В ряде районов Ярославской области это мнение разделяли и представители местной номенклатуры [15, с. 75]. Но какой бы сложной ни была криминогенная обстановка в конце Великой Отечественной войны, именно послевоенные годы запомнились резким подъемом уголовной преступности по всей стране. По данным современных историков, в 1946–1947 гг. органы внутренних дел зафиксировали на территории СССР в общей сложности более 2,2 млн. уголовных преступлений [3, с. 16], а народные суды в 1946–1952 гг. вынесли до 7 млн. приговоров к тюремному заключению по различным статьям УК [18, с. 152], включая 56 тысяч за умышленное убийство и более 140 тысяч за разбой и грабеж [18, с. 154].

В послевоенное время заметно изменилась и сама преступность: до 68 % людей, попавших под суд в это время, ранее никогда не привлекались к ответственности [3, с. 16]. Ярославская область в этом отношении не стала исключением, хотя положение дел здесь выглядело лучше общесоюзного. 14 декабря 1945 г. начальник местного Управления НКВД (УНКВД) генерал-майор В. В. Губин на собрании партийного актива утверждал, что в областном центре только 45 % от общего количества преступлений совершили ранее не судимые, занимавшиеся общественно-полезным трудом люди [22, д. 90, л. 38]. Тем не менее ситуация была крайне напряженной. Как писал первому секретарю обкома ВКП (б) И. М. Турко директор стратегически важного в военном отношении завода № 36 в Щербакове (название Рыбинска в 1946–1957 гг.) А. П. Петров, «вооруженные бандиты врываются в квартиры, производят насилие над рабочими и на глазах у запуганных и терроризированных жителей уносят их имущество и безнаказанно скрываются» [20, л. 48]. Такие действия преступники совершали даже в дневное

время суток, за август–сентябрь 1947 г. ими было совершено 14 ограблений квартир. Примечательно, что даже жилище самого директора секретного военного предприятия за это время дважды подверглось нападению. Поскольку местные органы милиции лишь фиксировали совершенные преступления, но не смогли с ними справиться, Петров просил о помощи обком ВКП (б) [20, л. 48].

Статистика и рассекреченная документация органов МВД подтверждается воспоминаниями непосредственных очевидцев и современников тех событий. Как утверждал житель райцентра Ростов Г. Ф. Шарамов, в 1945 г. некая «банда негодяев» убила самого известного в этом городе милиционера – участкового уполномоченного Фадеева, шедшего на ночное дежурство [4, с. 81]. Показательно, что именно данный факт первых послевоенных лет столь хорошо запомнился старожилу. В свою очередь, известный отечественный ученый-историк профессор А. А. Галкин, служивший в послевоенные годы в Советской военной администрации в оккупированной Германии, вспоминал, что, в отличие от Берлина, в Москве в 1946–1947 гг. он всегда выходил из дома с оружием [10, с. 246].

Широкое распространение в послевоенном Советском Союзе получили также факты хищений и спекуляции. Примечательно, что о суровом приговоре двум жительницам Москвы за кражу 1,5 кг картофеля упомянул и знаменитый американский писатель Д. Стейнбек, посетивший СССР летом 1947 г. По информации будущего лауреата Нобелевской премии по литературе, за данное преступление суд приговорил женщин к 10 годам заключения [14, с. 77]. Вскользь, но при этом публично рост хищений в эти годы признавали даже региональные элиты. В частности, первый секретарь ярославского обкома ВКП (б) А. Н. Ларионов в докладе на собрании партийного актива Ярославля 19 февраля 1946 г. утверждал, что в некоторые магазины и отделы рабочего снабжения (ОРС) железнодорожной станции Всполье, «пользуясь беспечностью руководителей, приспособились разного рода проходимцы, жулики» [22, л. 18]. Это мнение подтверждали и стражи порядка. В секретном специальном сообщении на имя первого секретаря ярославского обкома ВКП (б) И. М. Турко от 15 января 1947 г. начальник Управления МВД (УМВД) по Ярославской области В. В. Губин сообщал о привлечении к уголовной ответственности и аресте нескольких ответственных работников избирательных комиссий в Ярославле, Рыбинском районе и Переславле. Эти люди в возрасте от 22 до 43 лет, как коммунисты, так и беспартийные, обвинялись в совершении ряда уголовных преступлений, в частности, краж и спекуляции [1, л. 4–5].

В справке от 27 января того же года В. В. Губин представил в обком уже развернутый отчет о борьбе с подобными преступлениями в регионе, подчеркнувший остроту проблемы. В общей сложности, по неполным данным УМВД, за 1946 г. к уголовной ответственности за хищения были привлечены 435 материально ответственных лиц (председатели колхозов, заведующие базами, складами и магазинами, кладовщики) [1, л. 30–31]. Так, из документа следовало, что в апреле 1946 г. милиция вскрыла в Ярославской межобластной конторе главснаба Министерства мясомолочной промышленности группу из восьми «хищников», нанесшую государству финансовый ущерб на сумму свыше 568 тысяч рублей. Среди них оказались управляющий конторой А. И. М-в, его заместитель П. Я. Н-в, начальник отдела заготовок В. И. Х-в и заведующий базой А. Н. Н-в [1, л. 29]. Подобные случаи были выявлены также в Рыбинском, Нагорьевском и Борисоглебском районах области [1, л. 29–30].

Чтобы сбить народное недовольство ростом криминала и продемонстрировать дееспособность государства в борьбе с этим явлением, региональные масс-медиа послевоенного времени сообщали о наиболее резонансных преступлениях, проведении показательных судебных процессов над рецидивистами и вынесении по их итогу суровых приговоров. Так, осенью 1945 г. в ярославской областной газете «Северный рабочий» – печатном органе местного обкома, горкома ВКП (б) и облисполкома – было опубликовано не менее пяти больших репортажей с заседаний Военного трибунала (ВТ). В этих публикациях уголовные преступники неизменно изображались лживыми, жестокими и одновременно трусливыми людьми, маргиналами для послевоенного советского общества [15, с. 80]. Однако о распространенности подобных преступлений на всей территории страны свидетельствует тот факт, что осенью 1945 г. в соседней Ивановской области газета местного обкома ВКП (б) «Рабочий край» тоже опубликовала похожую заметку, сообщив о ликвидации бандитской шайки, на рубеже 1944–1945 гг. грабившей магазины, государственные склады и частные домовладения в Иванове. Преступники похищали личное имущество граждан для последующей реализации на городских рынках через своих родственников [7].

Однако быстро победить преступность Советское государство не смогло. Общий рост криминальных проявлений в послевоенный период красноречиво иллюстрирует то обстоятельство, что некоторые ярославские коммунисты на заседаниях бюро обкома ВКП (б) объясняли утрату партийных билетов или кандидатских карточек именно действиями пресловутых «уголовно-преступных элементов». Масштаб проблемы поражал. Важнейшие документы похищались в чайных и столовых, в кинотеатрах и на рынках, при посадке в общественный транспорт или на поезд, во время нередких квартирных краж, иногда при демобилизации из армии или даже в советских административных учреждениях [20, д. 361, л. 2–10, 25; д. 362, л. 1–5]. По итогам проведенной летом 1945 г. проверки сохранность партбилетов даже у работников органов госбезопасности в Ярославской области была признана неудовлетворительной [21, л. 7 об.]. Как правило, после нападений уличных грабителей партбилет пострадавшим выдавался повторно, но только после тщательных разбирательств в партийных инстанциях. Весной 1947 г. в Щербакове так поступили по отношению к председателю артели «Искусство» А. Ф. Андриановой и заведующему складом «Заготзерно» П. Н. Крупнову [20, д. 362, л. 5–6]. Однако были и обратные примеры. Так, шоферу завода № 406 в Тутаевском районе Н. И. Мысовскому в повторной выдаче партбилета было отказано, так как его утверждения о похищении документа неизвестными при нападении на него на территории предприятия подтвердить не удалось [20, д. 362, л. 2].

В преддверии выборов в Верховный Совет СССР 9 февраля 1946 г. и в Верховный Совет РСФСР 9 февраля 1947 г. рост криминала вызвал обоснованные, хоть и несколько закамуфлированные в официальных выступлениях, опасения региональных властей. Поэтому уже 14 декабря 1945 г. на собрании партактива Ярославля с участием секретарей горкомов и райкомов ВКП (б) начальник УНКВД по Ярославской области генерал-майор В. В. Губин был вынужден признать рост преступности в Ярославле и Рыбинске – крупнейших городах региона. По его словам, в управление «стало поступать очень много жалоб, что в городе вечером пройти нельзя, не рискуя быть раздетым» [22, д. 90, л. 36]. В выступлении генерала приводились многочисленные примеры различных уголовных преступлений, которые происходили заметно чаще, чем антисоветские нарушения законности. Самыми громкими из них можно считать нападения на здания народных судов Красноперекоского и Кировского районов Ярославля осенью 1945 г.: во втором случае преступники даже разбили учетную картотеку и сожгли часть дел, заведенных на них [22, д. 90, л. 36]. Однако Губин заверил собравшихся в том, что народный страх перед криминалом заметно преувеличен, в то время как в реальности «у нас в последнее время стало немного тише в городах», хотя «еще полностью не изжиты вражеские бандитские проявления» [22, д. 90, л. 38].

Однако в дальнейшем криминогенная обстановка в Ярославской области лишь ухудшалась. Спустя почти год, 12 декабря 1946 г., уже при ярославском обкоме ВКП (б) под председательством его секретаря по кадрам Б. А. Новожилова прошло строго секретное совещание, в котором приняли участие 32 работника органов внутренних дел, по 36 сотрудников милиции и прокуратуры, 37 – юстиции и 3 члена областного суда [20, д. 97, л. 1]. В самом его начале Новожилов констатировал, что «в некоторых районах и городах нашей области имеет место рост уголовных преступлений», а потому «в области создалась не совсем спокойная обстановка, вызывающая некоторую тревогу у населения» [20, д. 97, л. 1]. Однако в выступлении уже упоминавшегося выше генерала В. В. Губина содержалось куда более резкое высказывание: «такого количества убийств мы еще не имели никогда, ни за время войны, ни в послевоенный период» [20, д. 97, л. 4].

Наиболее суровую оценку криминогенной обстановки в регионе дал заместитель начальника УМВД по Ярославской области полковник милиции И. А. Кожин. В его выступлении содержались утверждения о том, что хулиганство не просто растет, но и «приняло кое-где характер бандитизма» или «хулиганы терроризируют население». В качестве иллюстрации последнего факта Кожин упомянул ряд драк с применением ножей и палок в Тутаевском, Ростовском, Масловском и Курбском районах [20, д. 97, л. 44–45]. В связи с этим критике за слабую работу по борьбе с растущей преступностью были подвергнуты городские отделения милиции (ГОМ) в Ростове и Угличе, а также районные отделения милиции (РОМ) в Бурмакине и Давыдове [20, д. 97, л. 44]. Офицер заявил, что успешная борьба с преступностью – это «боевая проверка способности наших органов защитить народное достояние, имущество и личную безопасность советских людей от преступников и хулиганов», а также пообещал снять с должности и отдать под суд любого работника МВД или милиции, не справившегося с данной

задачей [20, д. 97, л. 49]. Фактически командование правоохранительных органов утверждало о настоящем вызове Советскому государству со стороны уголовно-преступного элемента.

В выступлениях некоторых представителей власти и органов правопорядка содержались попытки анализа неблагоприятной криминогенной обстановки в регионе. В. В. Губин в упоминавшемся выше выступлении перед партийными активистами Ярославля в конце 1945 г. в первую очередь акцентировал их внимание на недоработках районных советов, колхозов, домоуправлений и даже дворников, которые слабо контролировали перемещения людей по городу и не знали цель этих перемещений. Одновременно генерал старался снять ответственность со своих подчиненных. Отвечая на жалобу секретаря Сталинского райкома ВКП (б) Ярославля Василевской о совершении 56 краж продуктов питания из магазинов и складов в течение пяти месяцев и ущербе государству на общую сумму 135 тысяч рублей, Губин дал понять, что все эти объекты или не имели охраны, или охранялись слабо [22, д. 90, л. 37]. Три кражи с ярославского завода № 599 в течение десяти дней он объяснил тем же обстоятельством, иронично добавив к этому, что с директора предприятия «следует спросить, что он думает делать, или будет ждать, когда его самого украдут» [22, д. 90, л. 37]. Неосведомленностью дирекции завода № 345 Губин объяснил и факт ограбления колхоза «Красный Волгарь» со стороны рабочих этого предприятия [22, д. 90, л. 36]. Критике со стороны чекиста подверглось и руководство военного завода № 132, также неоднократно допускавшее крупные кражи на территории предприятия, несмотря на наличие военизированной охраны [22, д. 90, л. 37]. Добавим, что упоминаний о каких-либо недостатках в работе УНКВД в упомянутом выступлении В. В. Губина не содержалось.

Стремясь найти виновных, чиновники разного уровня в те годы вели речь о наличии в партии или в государственных органах «большого количества людей, которые были в Западной Европе, репатриированных, бывших в плену и которые нами еще не изучены, да и не исключается возможность пребывания людей, которые имеют враждебную идеологию» [22, д. 97, л. 42]. Начальник УМВД В. В. Губин также полагал, что среди многочисленных советских репатриантов «есть такие, которых разложили фашисты и забросили их для подрывной работы в наш тыл», а «отдельные вражеские элементы продолжают вести преступную деятельность» и хотят «напаковать» [22, д. 90, л. 35]. К числу подобных неблагонадежных руководителей секретарь ярославского обкома по кадрам Б. А. Новожилов отнес председателя колхоза имени Карла Маркса Некрасовского района, который попал в немецкий плен в первые дни Великой Отечественной войны, а в ее конце был освобожден американскими войсками [20, д. 6, л. 44]. На VIII пленуме обкома ВКП (б) от 25 июня 1946 г. Губин с горечью констатировал, что в Пречистенском районе «во многих колхозах сидели... не внушающие доверия люди, а кое-где воры и жулики» [20, д. 7, л. 67]. В силу этого в послевоенный период регулярное выявление в рядах ВКП (б) и советского аппарата «неустойчивых элементов» позиционировалось в качестве важнейшего способа борьбы государства с растущей преступностью.

К числу подобных людей были отнесены не только руководящие работники колхозов, злоупотреблявшие служебным положением в личных целях, или простые сельские жители, совершавшие кражи хлеба, зерна, сена, овса или крупного рогатого скота [20, д. 361, л. 13–17], но и пресловутые «бандитские пособники». Так, 13 августа 1947 г. решением бюро обкома из кандидатов в члены партии была исключена метельщица ярославского треста очистки Е. И. Кабанова, которая вместе с матерью принимала краденые вещи от бывшего мужа с целью сбыта соседям или продажи на рынке. За «связь с преступными элементами» суд приговорил женщину к году исправительно-трудовых работ с удержанием 25 % заработка [20, д. 361, л. 1]. Позднее из членов ВКП (б) была исключена помощник мастера ткацкого цеха фабрики «Красные ткачи» Ярославского района А. И. Глыздова, приговоренная к пяти годам тюремного заключения за получение краденых вещей от группы бандитов. Женщина фактически предоставила им в пользование квартиру собственной матери в поселке Красные Ткачи [20, д. 361, л. 15]. В Щербакове аналогичное преступление совершила управляющая рынком Сладкова, чьи муж и сын были бандитами и совершили несколько вооруженных грабежей [20, д. 97, л. 32]. Очевидно, подобные случаи были далеко не единичными.

Через год начальник УМВД уже расставил акценты несколько иначе. В частности, на совещании в обкоме он был вынужден признать многочисленные недостатки следственной работы на местах, отметив, что «у нас не всегда полностью вскрывается состав преступлений и не все задерживаются преступники». Губин констатировал нарушения норм УПК при ведении следствия, частые превышения сроков пребывания подозреваемых в тюрьмах, а также нару-

шения срока расследования и рассмотрения дел в народных судах [20, д. 97, л. 7]. Также генерал назвал неблагополучной криминогенную обстановку не только в крупных городах, но и в Ярославском, Рыбинском, Любимском, Большесельском, Даниловском, Рязанцевском и Середском и некоторых других районах области, где организации ВКП (б) и командование сил правопорядка располагали совершенно разными сведениями о количестве совершаемых преступлений. Примечательно, что в данной ситуации Губин скорее соглашался с точкой зрения партийных инстанций, а не своих подчиненных [20, д. 97, л. 12–13].

Очевидно, генерал был прав. Во многом это объясняется тем, что на периферии в первые послевоенные годы работники советских правоохранительных органов сильно страдали от бытовой неустроенности. Летом 1947 г. прокурор Ярославской области старший советник юстиции И. Д. Иванов сообщал первому секретарю обкома ВКП (б) И. М. Турко о «крайне ненормальных условиях» работы областной прокуратуры. Ее посетителям было негде сесть, так как комнаты были заставлены столами, между которыми было едва возможно пройти. Так, начальник отдела по надзору за органами милиции, а также еще четыре сотрудника работали в комнате размером 12 квадратных метров. В подобных условиях работали также старшие следователи областной прокуратуры, бухгалтерия, приемная жалобщиков и гражданско-судебный отдел [20, д. 460, л. 49–49 об.]. Тяжелые жилищные условия оперуполномоченного Ростовского городского отдела МГБ старшего лейтенанта А. Д. Суворова (в недавнем прошлом – фронтовика-орденоносца) в марте 1947 г. стали предметом секретной переписки Управления МГБ по Ярославской области и обкома ВКП (б) [20, д. 460, л. 19–21].

Особенно острой указанная проблема ощущалась во вновь образованных районах Ярославской области, что признавало и местное партийное руководство. Например, в созданном в 1944 г. Масловском районе даже спустя два года фактически и юридически отсутствовал райцентр, а потому не были обеспечены надлежащими помещениями крупнейшие административные учреждения. Руководящие работники не имели квартир, поэтому аппарат милиции и органов госбезопасности были по-прежнему плохо укомплектованы, а начальник местного РОМ Гагарин был даже снят с работы за взяточничество [20, д. 9, л. 44]. За продажу 148 м мануфактуры на рынке в Щербакове был задержан милицией и позднее осужден на 5 лет лишения свободы инструктор Масловского райкома ВКП (б) В. Г. Алексашкин [20, д. 362, л. 13].

В той же тональности на совещании в обкоме ВКП (б) 12 декабря 1946 г. выступали и районные служители Фемиды, признававшие дефицит опытных, квалифицированных сотрудников. Так, прокурор Щербакова П. А. Изюмов констатировал, что ГОМ укомплектовано преимущественно бывшими фронтовиками, то есть молодыми людьми, не обладавшими ни практическим опытом, ни знанием советского законодательства или следственной работы [20, д. 97, л. 25]. В райцентре Давыдково начальник РОМ А. И. Колокольников в частном разговоре сказал, что «каждый день у нас по 5 краж, что я могу сделать», так как местные стражи порядка не имели даже дров и керосина, а из-за холода были вынуждены находиться на службе в шубах и валенках [20, д. 97, л. 44]. Прокурор Ростова М. Ф. Орешкина утверждала, что «у нас следователь был не опытный, не следователь, а просто какое-то посмешище и он не обеспечивал работу в городе». Его сменщик Павлов уже после месяца работы был командирован на повышение в Щербаков, в то время как ростовская прокуратура осенью 1946 г. осталась без следователя. Не лучше в Ростове обстояло дело и с народными судьями: судья Шмонина долго болела, а ее заместитель Ерёмин был охарактеризован как «человек совершенно без политики», который «не имеет никакого политического понятия и все почти арестантские дела шли на смарку» (сохранены стиль и орфография документа. – *Авт.*), то есть выносил обвиняемым оправдательные приговоры или приговаривал к низкой мере наказания [20, д. 97, л. 22–23].

В некоторых случаях речь шла о несоблюдении законности ответственными партийными и советскими работниками, а также членами их семей. В секретном донесении в обком ВКП (б) от 13 марта 1947 г. прокурор Ярославской области старший советник юстиции И. Д. Иванов привел ряд обратных примеров. Так, сын военного комиссара Углича Щербак из отцовского пистолета тяжело ранил школьного учителя, поставившего ему низкие оценки, а затем пытался скрыться от стражей порядка в здании военкомата [20, д. 460, л. 25]. В Ярославле, Ростове и Бурмакинском районе от непреднамеренных действий детей представителей номенклатуры погибли люди, а в Петровском районе сын заместителя председателя райисполкома В. И. Казнаков и вовсе был осужден на 10 лет лишения свободы за организацию вооруженного бандитского нападения на сторожа местного молокозавода. Он и два его товарища

похитили 126 кг масла [20, д. 460, л. 25 об.]. Областной прокурор в донесении первому секретарю обкома И. М. Турко с возмущением отметил, что «в отношении членов партии, дети которых совершили преступления, парторганами эти вопросы не обсуждаются» [20, д. 460, л. 25 об.].

Аналогичным образом в справке на имя секретаря обкома ВКП (б) по кадрам Б. А. Новожилова от 9 апреля 1947 г. начальник областного Управления юстиции В. Д. Гриднев сообщал о «не единичных случаях ненормального явления», когда секретари райкомов партии запрещали народным судьям разбирать уголовные дела по обвинению коммунистов в халатности или различных злоупотреблениях, хотя органы МВД и прокуратуры считали обоснованным их преследование. В таком случае дела не рассматривались и лежали без движения. Подобные прецеденты в 1946 г. имели место в Резинокомбинатском и Красноперевальском районах Ярославля, а также в Арефинском, Рязанцевском и Первомайском районах области [19, д. 5, л. 32]. Очевидно, в данном случае имело место фактическое подтверждение слов Генерального прокурора СССР, писавшего И. В. Сталину, что в стране де-факто «существует два уголовных кодекса, один для коммунистов и другой для остальных» [17, с. 431].

Для борьбы с растущей преступностью власти и органы правопорядка предприняли решительные меры. Во-первых, они попытались усилить контроль за обстановкой в населенных пунктах. С этой целью в декабре 1946 г. количество уличных постов милиции только в Ярославле возросло с 79 до 117 [ЦДНІЯО, ф. 272, оп. 225, д. 505, л. 16], а затем до 188 [1, л. 12]. Укреплялась дисциплина среди стражей порядка. По воспоминаниям полковника А. Г. Трифонова, в Щербакове (Рыбинске) в те годы они «практически работали день и ночь». Официально время их службы длилось с 9:00 до 17:00, затем до 20:00 следовал обед, потом милиционеры вновь заступали на работу. Сотрудники отдела уголовного розыска при этом бодрствовали до 5:00, а их коллеги по ОБХСС – до полуночи. В 9:00 они снова приходили на службу, при этом даже любое опоздание могло расцениваться командованием как проступок и караться выговором или дисциплинарным арестом сроком на 10 суток [6, с. 85]. Куда более строгим наказаниям подвергались те сотрудники сил правопорядка, которые грубо нарушали советское законодательство, в частности, избивали подсудимых [16, с. 113–122].

Днем в местах массового скопления людей действовали наружные посты милиции, а к ночному патрулированию улиц в крупнейших городах области привлекались и партийные активисты [1, л. 12]. Отметим, что именно ночью, по воспоминаниям полковника милиции в отставке А. Г. Трифонова, проходили «все операции по задержанию уголовного элемента» [6, с. 85]. Как отмечал в докладной записке генерал В. В. Губин, патрулирование городов не только привело к большому числу задержаний преступников, но и помогло пресечь «нездоровые слухи» в народе [1, л. 12]. В декабре 1946 г. стражи порядка осуществили массовую проверку домов, бараков, общежитий и корпусов в крупнейших населенных пунктах региона, в результате чего было выявлено 1047 нарушителей паспортного режима, из которых 65 были привлечены к уголовной ответственности, а 44 – удалены из Ярославля как режимного города первой категории [1, л. 12–13]. Для повышения мотивации стражей порядка наиболее отличившимся из них выносилась благодарность, причем соответствующий приказ неизменно объявлялся всему начальствующему и оперативному составу областной милиции [13, с. 409–411, 415, 416, 422–423].

Во-вторых, командование правоохранительных органов Ярославской области регулярно акцентировало внимание подчиненных на необходимости сделать борьбу с уголовной преступностью публичной. По мнению генерал-майора В. В. Губина, его подчиненные за счет организации и проведения открытых судебных процессов уже в конце 1945 г. смогли разоблачить ряд преступных групп и добиться резкого сокращения хулиганских проявлений в городе и области [22, д. 90, л. 36, 37]. В распоряжении от 7 января 1947 г. полковник И. А. Кожин потребовал от начальников ГОМ и РОМ Ярославской области систематически информировать о состоянии борьбы с преступностью местные партийные органы, а также советы депутатов трудящихся, сообщать о крупных преступлениях руководству предприятий, колхозов, учреждений и учебных заведений, где работали или обучались совершившие их граждане. Под особым контролем милиции должны были быть все нарушения законности, совершенные коммунистами и комсомольцами, поэтому сообщать о них требовалось также в первичные парторганизации и месткомы по месту работы [13, с. 411].

Той же линии стражи порядка придерживались и в дальнейшем. В секретном представлении «О недостатках в организации судебных процессов по уголовным делам на Вспольинском участке Ярославской железной дороги» от 4 февраля 1947 г. военный прокурор 2-го

участка Ярославской железной дороги капитан юстиции Шубенко отмечал, что ВТ дороги назначает большую часть дел к слушанию непосредственно в рабочем кабинете в здании Управления дороги. К примеру, в октябре–декабре 1946 г. таким образом были рассмотрены 55 дел, в то время как публичному рассмотрению на станциях Всполье и Ярославль за тот же срок подверглись только пять [20, д. 460, л. 13]. Судебные процессы, полагал прокурор, несли «большое актуальное и общественно-политическое значение» и воспринимались как предупреждение населению, поэтому Шубенко утверждал о необходимости «публичности процесса» над провинившимися работниками железной дороги. Не случайно главной составляющей деятельности ВТ капитан юстиции Шубенко полагал «воспитательную роль среди железнодорожников» с целью недопущения расхищений грузов, дезертирства с работы или «злоупотреблений при перевозке государственного хлеба» с их стороны [20, д. 460, л. 13].

В-третьих, с целью профилактики уголовной преступности советские провинциальные газеты послевоенного времени нередко публиковали лаконичные заметки за авторством тех или иных работников правоохранительной системы. Например, осенью 1945 г. народный судья 2-го участка города Вичуга Ивановской области А. Корнев на страницах местного периодического издания «Вичугский рабочий» дважды сообщил горожанам о приговорах, которые он вынес за кражи личных вещей, систематические хищения продовольственных карточек или спекуляцию [8; 9]. В других случаях газетные материалы оставались анонимными, однако каждый раз демонстрировали неизбежность поимки преступников и последующего сурового, но справедливого наказания для них. Так, в начале 1946 г. «Северный рабочий» опубликовал две заметки о приговоре выездной сессии Ярославского областного суда по делу бандитских групп, действовавшей в Ростовском районе Ярославской области и в самом областном центре [2; 13]. Аналогичная публикация вышла осенью того же года [5]. Основным акцентом газета делала именно на приговорах бандитам, а не на конкретизации их преступлений.

В-четвертых, советские правоохранительные органы предлагали сделать борьбу с преступностью всенародным делом. Как утверждал на совещании от 12 декабря 1946 г. генерал-майор В. В. Губин, «мы должны работать все вместе, бить в одну точку, работать в контакте, дружно» [20, д. 97, л. 13]. Не только от сил правопорядка, но и от всего советского общества он потребовал обеспечить правопорядок, «чтобы жулики, воры не омрачали настроения трудящихся во время выборов» [20, д. 97, л. 13]. Еще более конкретно на том же совещании высказался полковник милиции И. А. Кожин, призвавший «поднять на борьбу с хищениями, кражами, грабежами и хулиганством всех честных советских граждан» [20, д. 97, л. 48]. Речь словно шла о мобилизации народа на внутренний фронт.

С той же целью усиливалась агитационная работа среди населения. Для «создания сурового общественного мнения» в отношении преступников и «правильного установления причин преступления» милиционеры должны были выступать с докладами по наиболее громким уголовным делам [13, с. 412]. Одновременно в распоряжении полковника И. А. Кожина от 7 января 1947 г. говорилось о необходимости регистрации и тщательной проверки всех жалоб, заявлений и анонимных писем населения с целью выявления настоящих причин их создания, привлечения к судебной ответственности «provokatorov» или «распространителей вымышленных слухов о преступлениях». В отношении остальных предполагалось ограничиться предупреждением [13, с. 412].

Долгом командного состава и оперативных работников МВД Кожин считал систематические выступления на рабочих и колхозных собраниях, чтобы «прислушиваться к голосу рабочих и колхозников, поднимать их бдительность» [20, д. 97, л. 48]. В свою очередь, заместитель начальника ярославской милиции А. И. Тихомиров признал, что на предприятиях в наиболее пораженных преступностью Сталинском и Кировском районах областного центра в 1946 г. уже были проведены подобные совещания. В ходе них рабочие выразили желание помочь милиции и указали на имеющиеся недостатки: малое количество постов в городе, слабое уличное освещение и несвоевременное принятие мер по жалобам трудящихся [20, л. 50].

Его утверждение подтверждалось данными официальной статистики. В общей сложности к началу 1947 г. сотрудники милиции провели на 27 основных предприятиях Ярославля 42 беседы и доклада только на тему «О борьбе с расхитителями социалистической собственности, спекулянтами и нарушителями общественного порядка в городе». Командование городской милиции лишь за декабрь 1946 г. провело с директорским корпусом, а также сторожами, вахтерами, комендантами домов и членами уличных комитетов 31 собрание по вопросам обеспечения общественного порядка, а также охраны предприятий и магазинов [20,

д. 505, л. 15]. В области в декабре 1946 г. работники МВД провели в общей сложности 105 собраний с рабочими и служащими, проинформировав их об основных мерах в борьбе с преступностью и ответив на вопросы [1, л. 14].

Тесное сотрудничество правоохранительных органов и передовой общественности также пропагандировалось в партийной печати послевоенных лет. Как утверждал на страницах «Северного рабочего» лейтенант Пелевин, неоценимую помощь милиции оказывали члены бригад содействия милиции (БСМ), или «бригадмилыцы». Большую часть из них составляли комсомольцы или недавние фронтовики, которые в свободное от работы время следили за соблюдением порядка в рабочих клубах, кинотеатрах и на улицах, помогали милиции выявлять и задерживать опасных преступников. В статье была особо отмечена активная и успешная деятельность таких бригадмилыцев Ярославля, как работник «Ярэнерго» Б. С. Дорофеев или работница подошвенного завода Е. Г. Васильева [11]. Примечательно, что о факте получения последней за помощь милиции крупного денежного вознаграждения в 500 рублей Пелевин умолчал [13, с. 405]. В свою очередь, те партийные и профсоюзные работники, что недооценивали важность создания БСМ, были подвергнуты критике [11]. Свою заметку офицер милиции завершил вполне логичным призывом «организовать широкую сеть бригад содействия милиции и тем самым создать нетерпимую обстановку нарушителям общественного порядка» [11].

В первые послевоенные годы ярославцы, как и жители СССР в целом, часто становились жертвами различных уголовных проявлений. Власти и силы правопорядка в регионе, хотя и с оговорками, но были вынуждены признать этот факт. Более того, в конце 1946 г. рост повседневного криминала стал восприниматься ими как настоящий вызов. Для победы государство в 1946–1947 гг. было готово пойти на суровые меры. К ним можно отнести массовые облавы и проверки документов у населения, публикацию материалов о наиболее громких судебных процессах в местных СМИ и даже привлечение общественности к помощи правоохранительным органам. Сами стражи порядка утверждали, что подобные действия привели к необходимым результатам. В одном из приказов генерала В. В. Губина к позитивным итогам работы УМВД по борьбе с преступностью за 1947 г. были отнесены сокращение числа тяжких преступлений (грабежи, разбои без убийств, кражи всех видов, мошенничество, дерзкие виды хулиганства) и увеличение их раскрываемости до 93 % по сравнению с показателями 1946 г. Наибольших успехов достигли работники милиции в Переславле, Угличе, Даниловском, Некрасовском, Петровском, Курбском, Гаврилов-Ямском и Владычинском районах области [13, с. 420]. В то же время подобные меры могли обеспечить государству лишь временные и частичные успехи в борьбе с преступностью, так как не способствовали устранению ее главной причины – низкого жизненного уровня основной массы народа. Это обстоятельство власти любого ранга неизменно замалчивали.

Список литературы

1. Архив УФСБ РФ по ЯО (Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Ярославской области). Ф. 1. Оп. 35. Д. 17.
2. Бандиты наказаны // Северный рабочий. 6 марта 1946.
3. Богданов С. В., Орлов В. Н. Тоталитарная государственность и экономическая преступность в СССР в первые послевоенные годы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 6–2. С. 15–20.
4. «Была война...» : сб. документов и воспоминаний о Ростове в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов, 2001. 368 с.
5. Грабители наказаны // Северный рабочий. 12 октября 1946.
6. История ярославской милиции. Ярославль : Аверс Плюс, 2010. 208 с.
7. Конец бандитской шайки // Рабочий край. 2 ноября 1945.
8. Корнев А. За воровство – к ответственности // Вичугский рабочий. 14 октября 1945.
9. Корнев А. За хищение карточек – 3 года тюрьмы // Вичугский рабочий. 24 октября 1945.
10. Мудров С. Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945–1947 гг.). Ярославль, 2011. 261 с.
11. Пелевин. Бригадмилыцы // Северный рабочий. 31 марта 1946.
12. Преступники наказаны // Северный рабочий. 6 января 1946.
13. «Служить Отечеству честь имею...» : док-ты по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII – начале XXI вв. Ярославль, 2002. 632 с.
14. Стейнбек Д. Русский дневник. М., 2017. 320 с.

15. Тумаков Д. В. Образы уголовных преступников послевоенной эпохи в оценках советских официальных властей и правоохранительных органов (по материалам Ярославской области) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4. С. 75–80.

16. Тумаков Д. В. Преступления работников правоохранительных органов послевоенных лет в историческом контексте эпохи (по архивным материалам Ярославской области) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 113–122. DOI: 10.46726/H.2022.2.13.

17. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М., 2015. 464 с.

18. Хлевнюк О. В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011. 231 с.

19. ЦДНІЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области). Ф. 272. Оп. 224. Д. 5.

20. ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 225. Д. 6, 7, 9, 97, 361, 362, 460, 505.

21. ЦДНІЯО. Ф. 273. Оп. 68. Д. 919.

22. ЦДНІЯО. Ф. 273. Оп. 74. Д. 89, 90, 97.

23. ЦДНІЯО. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6, 7.

24. ЦДНІЯО. Ф. 2249. Оп. 1. Д. 5.

The increasing of criminality in the Yaroslavl region and methods of combating it in the post-war years

Tumakov Denis Vasilyevich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Philosophy,
Yaroslavl State Medical University of the Ministry of Health of Russia.

Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0001-8569-7246. E-mail: denistumakov@yandex.ru

Abstract. The article, based on numerous declassified archival documents of the regional Committee of the CPSU (b) and internal affairs bodies, as well as materials from the local periodical press, examines the sharp increase in criminal crime in the Yaroslavl region shortly after the end of the Great Patriotic War. The subject of the study is both various forms of criminal manifestations in the region and various methods of combating them by local authorities and law enforcement agencies. In 1946–1947. The number of murders, robberies, robberies, hooliganism, thefts of all kinds, as well as embezzlement and speculation has increased markedly in the region. The increase in crime caused panic among the population. It is shown that during this period, both in the Soviet Union as a whole and in the Yaroslavl region in particular, the structure of criminal crime underwent significant changes. Criminal acts were committed not so much by repeat offenders as by ordinary citizens who had not previously been criminally responsible. The party authorities and the command of law enforcement agencies gave harsh assessments of what was happening. The state perceived such facts as a real challenge from crime and, in order to defeat it, resorted to involving broad forces of the public in the fight against violators of Soviet legality. Raids and document checks were regularly carried out in the settlements of the Yaroslavl region, demonstrative trials were held over the arrested criminals, which were covered in the local press. It is concluded that the authorities and law enforcement forces managed to achieve only temporary success in combating crime, since the latter was caused by the poverty of the majority of the region's population.

Keywords: police, criminal manifestations, criminals, the state, the press.

References

1. Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for Nuclear Weapons (Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Yaroslavl region). F. 1. Inv. 35. File 17.

2. *Bandity nakazany* – Bandits are punished // *Severnyj rabochij* – The northern worker. March 6, 1946.

3. Bogdanov S. V., Orlov V. N. *Totalitarnaya gosudarstvennost' i ekonomicheskaya prestupnost' v SSSR v pervye poslevoennye gody* [Totalitarian statehood and economic crime in the USSR in the first post-war years] // *Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij* – Scientific problems of humanitarian research. 2009. No. 6–2. Pp. 15–20.

4. *"Byla vojna..." : sb. dokumentov i vospominanij o Rostove v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.* – "There was a war..." : collection of documents and memoirs about Rostov during the Great Patriotic War of 1941–1945. Rostov. 2001. 368 p.

5. *Grabiteli nakazany* – Robbers are punished // *Severnyj rabochij* – The northern worker. October 12, 1946.

6. *Istoriya yaroslavskoj milicii* – The history of the Yaroslavl militia. Yaroslavl. Avers Plus. 2010. 208 p.

7. *Konec banditskoj shajki* – The end of the bandit gang // *Rabochij kraj* – Working edge. November 2, 1945.

8. Kornev A. *Za vorovstvo – k otvetstvennosti* [For theft – to responsibility] // *Vichugsky rabochy* – Vichugsky worker. October 14, 1945.

9. Kornev A. *Za hishchenie kartochek – 3 goda tyur'my* [For stealing cards – 3 years in prison] // *Vichugsky rabochy* – Vichugsky worker. October 24, 1945.
10. Mudrov S. N. *Neues Deutschland. Upravlenie propagandy Sovetskoj voennoj administracii v Germanii (1945–1947 gg.)* [Neues Deutschland. Propaganda Department of the Soviet Military Administration in Germany (1945–1947)]. Yaroslavl. 2011. 261 p.
11. Pelevin. *Brigadmil'cy* [Brigadmillers] // *Severnyj rabochij* – The northern worker. March 31, 1946.
12. *Prestupniki nakazany* – Criminals are punished // *Severnyj rabochij* – The northern worker. January 6, 1946.
13. "Sluzhit' Otechestvu chest' imeyu..." : dok-ty po istorii organov vnutrennih del Yaroslavskogo kraja v konce XVIII – nachale XXI vv. – "I have the honor to serve the Fatherland ..." : a document on the history of the internal affairs bodies of the Yaroslavl Region in the late XVIII – early XXI centuries. Yaroslavl. 2002. 632 p.
14. Steinbeck D. *Russkij dnevnik* [Russian diary]. M. 2017. 320 p.
15. Tumakov D. V. *Obrazy ugolovnyh prestupnikov poslevoennoj epohi v ocenkah sovetskih oficial'nyh vlastej i pravoohranitel'nyh organov (po materialam Yaroslavskoj oblasti)* [Images of criminal criminals of the post-war era in the assessments of Soviet official authorities and law enforcement agencies (based on materials from the Yaroslavl region)] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of the Oryol State University. 2021. No. 4. Pp. 75–80.
16. Tumakov D. V. *Prestupleniya rabotnikov pravoohranitel'nyh organov poslevoennyh let v istoricheskom kontekste epohi (po arhivnym materialam Yaroslavskoj oblasti)* [Crimes of law enforcement officers of the post-war years in the historical context of the epoch (according to archival materials of the Yaroslavl region)] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Herald of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2022. Is. 2. Pp. 113–122. DOI: 10.46726/N.2022.2.13.
17. Hlevnyuk O. V. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin. The life of a leader]. M. 2015. 464 p.
18. Hlevnyuk O. V., Gorlickij J. *Holodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury* [The Cold world: Stalin and the end of the Stalinist dictatorship]. M. 2011. 231 p.
19. CRMHYR (Center for Documentation of the modern history of the Yaroslavl region). F. 272. Inv. 224. File 5.
20. CRMHYR. F. 272. Inv. 225. File 6, 7, 9, 97, 361, 362, 460, 505.
21. CRMHYR. F. 273. Inv. 68. File 919.
22. CRMHYR. F. 273. Inv. 74. File 89, 90, 97.
23. CRMHYR. F. 295. Inv. 1. File 6, 7.
24. CRMHYR. F. 2249. Inv. 1. File 5.

Проблемы национально-государственного строительства в содержании немецкой пропаганды на оккупированной советской территории (на примере Генерального округа Беларусь)

Пушкаренко Елена Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин,
Российская таможенная академия. Россия, г. Люберцы.
ORCID: 0000-0003-3048-9321. E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена политическими процессами и событиями, протекающими на постсоветском пространстве. Вопросы национально-государственного строительства и обретения суверенитета имеют глубокие исторические корни. В период Второй мировой войны немецкая пропаганда активно эксплуатировала проблемы национально-государственного строительства, национального самовыражения, сохранения национальной культуры и языка на территории оккупированных европейских стран. Данная статья подготовлена на материалах Генерального округа Беларусь, хронологические рамки исследования – 1941–1944 гг.

Цель работы: определить содержание и задачи немецкой пропаганды и политики по национально-государственному вопросу, ее эффективность. Методы исследования – анализ, синтез, сравнение.

Автор считает, что глава гражданской немецкой администрации округа – Вильгельм Кубе – основную ставку в оккупационной политике сделал на пропаганду. Ее содержание в области вышеназванной проблемы включало два тематических направления. Во-первых, «идею возрождения национальной белорусской культуры и языка». А во-вторых, утверждение о близости белорусского этноса к культурно-историческому пространству Европы и Германии, неразрывной связи исторической судьбы Беларуси с «Новой Европой». Более того, В. Кубе инициировал политику так называемой «белорусизации», целью которой было якобы возрождение национальных основ Беларуси. Кубе апеллировал к национальным чувствам белорусов и заявлял о «государствообразующем характере белорусского народа». В русле политики «белорусизации» была учреждена целая сеть псевдогосударственных, а по сути, коллаборационистских организаций. В целом политика «белорусизации» и пропаганда оккупационной модели псевдогосударственности потерпели крах. Главной причиной этого стал резкий контраст между содержанием пропаганды и реалиями оккупационного режима. Вторая мировая война и немецкая оккупация стали для белорусов национальной катастрофой.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, «белорусизация», Генеральный округ Беларусь, псевдогосударственность.

Сложная историческая судьба белорусской государственности, включавшая периоды расцвета и упадка, стала в годы Второй мировой войны предметом политических спекуляций и поводом для демагогичных и лживых проектов по «возрождению Беларуси». Если в целом немецкая пропаганда в оккупированных европейских странах ограничивалась вопросами разоблачения американско-английской «плутократии» и «освобождения народов Востока от иудо-большевизма», то на территории оккупированной Советской Белоруссии одним из важнейших тематических направлений идейно-политического влияния на местное население стала политика так называемой «белорусизации». Ее неотъемлемой частью стали публичные заявления главы Генерального округа Беларусь В. Кубе о скором обретении белорусами государственности в составе «Новой Европы».

Анализ историографии вопроса позволяет сделать вывод о недостаточной изученности проблемы. В советский период проблема рассматривалась в контексте советско-германского идеологического противостояния либо партизанской контрпропаганды [5]. Стоит отметить, что эта тенденция сохраняется и в последние годы [1; 2].

В 90-е гг. прошлого столетия немецкий исследователь Й. Шлоотц одним из первых провел общий анализ содержания немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь [15]. Польский исследователь Ю. Туронок выделил ряд отличительных черт немецкой оккупационной политики на территории округа [18]. Бабетта Квинкерт провела сравнение между реалиями оккупационного режима и содержанием пропаганды, сделав основной ак-

цент на их сущностном противоречии, негативно отразившемся на эффективности идеологического воздействия на местное население [22]. В последние годы появилось достаточно много исследований, имеющих «региональную» привязку. Большая часть из них связана с изучением феномена и специфики немецкой пропаганды в пределах конкретной административной единицы в составе РСФСР [3; 4; 14]. Отдельные аспекты проблемы были рассмотрены автором ранее, в частности, вопросы антисоветской пропаганды в округе [10], проблема использования национальной белорусской идеи в качестве инструмента пропаганды национализма [6; 11]. Особенности национально-культурной политики немецких оккупационных властей посвящена работа белорусского историка Л. Лыча [16]. При этом вне исследовательского внимания до сих пор остаются идейно-политические аспекты немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь в 1941–1944 гг. в области национально-государственного строительства, поэтому проблема требует дальнейшего детального и системного изучения.

В период 1941–1944 гг. немецкая пропаганда в Генеральном округе Беларусь активно эксплуатировала проблемы национально-государственного строительства, национального самовыражения, сохранения национальной идентичности. Пытаясь активизировать националистический фактор, В. Кубе пошел на заявления, явно противоречившие оккупационным планам нацистов. «Генеральный округ Беларусь должен выполнять не только административные задачи, продиктованные военной необходимостью, ему предназначено стать Отечеством для белорусского народа, поэтому белорусский народ является в определенной степени государствообразующим народом», – заявил он в прессе [20, с. 1]. При этом декларируемая им идея белорусской государственности не имела каких-либо конкретных институциональных форм, а носила характер псевдогосударственности, воплощением которой уже в сентябре 1941 г. стало так называемое «Параллельное бюро». Его возглавил коллаборационист Р. Островский. По задумке Кубе, этот орган должен был выступать в роли «высшей белорусской инстанции» [18, с. 84].

Еще одной организацией, претендующей на роль национального органа, стала «Белорусская народная самопомощь» (БНС). Официально главными целями БНС были объявлены охрана здоровья и опека над бездомными и сиротами. Однако вскоре члены БНС стали претендовать на участие в политике и в марте 1942 г. выступили с инициативой создания автономии Беларуси с организацией самостоятельного белорусского правительства и белорусской армии. Лидеры БНС заявили, что вновь созданное «правительство провозгласит отделение Беларуси от СССР и объявит ему войну как врагу белорусского народа». Подобные инициативы явно противоречили реальным оккупационным планам немцев, и как следствие, в июне 1943 г. деятельность БНС была ограничена только сбором пожертвований и вербовкой новых членов.

Одним из приоритетных направлений «белорусизации» стало формирование национального самосознания и национальной идентичности белорусов. Дело в том, что специфика исторического развития народа Беларуси проявилась в том, что в течение длительного времени он пребывал в культурном и цивилизационном пространстве соседних держав – Речи Посполитой и Российской империи. Как следствие, это отразилось на национальном самосознании белорусов, которые в большинстве своем к моменту вступления вермахта именовали себя «тутэйшыя», то есть «местные». Как отмечали немецкие источники, длительная предшествующая политика русификации и полонизации белорусского населения привела к тому, что «белорусы, в массе своей, считают себя русскими в большей степени, чем белорусами (в восточных областях) и соответственно поляками в Западной Беларуси» [7, л. 8].

На эту особенность обратили внимание представители немецкой администрации и постарались ее использовать в оккупационной политике. Апелляция к национальным чувствам белорусов, их стремлению к развитию национальной культуры и языка стало основой национальной политики Генерального комиссара округа Вильгельма Кубе. Он пошел на целый ряд шагов, чтобы укрепить к себе доверие со стороны белорусской интеллигенции, которая наиболее деятельно отреагировала на проводимую им политику. Во-первых, Кубе санкционировал использование национальной символики – бело-красно-белого флага и герба «Погоня», которые стали неотъемлемыми атрибутами всех проводимых пропагандистских акций и мероприятий. Во-вторых, Кубе разрешил широкое и повсеместное использование белорусского языка, как в повседневной жизни, так и в официальном документообороте. Следует отметить, что делопроизводство в Генеральном комиссариате в Минске велось на двух языках –

белорусском и немецком, а в составе администрации было немало этнических белорусов. В-третьих, содержание материалов пропаганды в области национального развития было построено на акцентировании внимания белорусского населения на так называемых «исторических обидах». Подчеркивалось, что в периоды нахождения белорусской земли в составе сопредельных государств ее культура и язык пребывали в состоянии упадка и умышленного разрушительного влияния. В-четвертых, Кубе инициировал учреждение Белорусской православной автокефальной церкви, а также санкционировал деятельность и других религиозных конфессий. Была объявлена свобода вероисповедания, которая противопоставлялась предшествующему советскому периоду атеизма и богоборчества. При этом власти обращали внимание на то, чтобы богослужения проводились на белорусском языке. В-пятых, немецкая гражданская администрация во главе с Кубе возобновила деятельность школ, было объявлено даже об организации работы нескольких вузов. Обязательным компонентом учебных планов учебных заведений всех уровней стали такие дисциплины, как белорусский язык и история Беларуси. На уроках естественно-научного цикла ученики проходили такие темы, как «Понятие о расах», «Характеристика рас», «Арийская раса как высшая культурная и цивилизационная раса человечества». Учебные планы по истории включали такие разделы, как «Беларусь и Германия», «Беларусь в строительстве Новой Европы», «Жизнь Адольфа Гитлера» и другие. В-шестых, Кубе инициировал проведение самых разных культурно-просветительских мероприятий и акций, связанных с белорусскими традициями и обычаями, в рамках которых происходило и пропагандистское воздействие на участников. На территории округа выходили газеты и журналы на белорусском языке. Велись радиопередачи на белорусском языке, посвященные культурно-исторической проблематике, демонстрировались пропагандистские кинофильмы. Возобновили деятельность белорусские драматические театры и кружки художественной самодеятельности. В целом немецкая администрация особое внимание уделяла вопросу использования белорусского языка в образовательном, научном, культурном и религиозном пространстве.

Как следствие, вся эта разнонаправленная и широкомасштабная деятельность была воспринята частью белорусской интеллигенции как проявление некоего культурного подъема Беларуси, как возможность построения белорусской государственности в оккупационном формате, как первый шаг в обретении суверенитета. Именно представители белорусской культурной и научной интеллигенции, движимые наивной надеждой на реализацию декларируемых Кубе лозунгов о «возрождении Беларуси», стали социальной опорой проводимой им политики.

При этом в реальные планы нацистов отнюдь не входили задачи государственного строительства на территории белорусского края. Более того, «белорусский вопрос» представлялся оккупантам неразрешимым именно в силу слабости националистических и сепаратистских тенденций. «Будущее белорусской или кривичской национальности остается под вопросом, а по мнению скептиков, – вообще сомнительно... Будущее покажет, получит ли белорусский или кривичский вопрос свое окончательное решение в теперешней ситуации», – отмечали немецкие источники [21, с. 1]. Даже автор политики «белорусизации» В. Кубе заявлял, что «Беларусь, в первую очередь, была не более чем географическим понятием» [20, с. 1], однако это не мешало ему выступать с демагогическими заявлениями о «государствообразующем» характере белорусской нации.

Одной из составляющих политики «белорусизации» и очередным шагом в реализации оккупационной модели псевдогосударственности стала организация летом 1942 г. «Белорусского корпуса самообороны» (БСО). Фактически Самооборона стала марионеточным военизированным образованием, неким подобием национальной армии. БСО выступала символом реальной национальной государственности и тем самым должна была выполнять важнейшую идеологическую задачу. Официально основной целью деятельности БСО должна была стать борьба с «бандитизмом», то есть с партизанами. Было создано 20 батальонов самообороны, однако они были слабо вооружены, да и личный состав этих подразделений зачастую мобилизовывался принудительно, а потому не отличался высоким боевым духом. Отряды БСО не могли противостоять партизанам, поэтому уже весной 1943 г. германские власти стали их расформировывать.

Тем не менее Кубе не оставлял попыток создать некое подобие национального белорусского органа, который можно было бы использовать в пропагандистских целях. В июле 1942 г. была учреждена так называемая Главная Рада БНС во главе с И. Ермаченко [17]. В структуру

Рады входили отделы политики, пропаганды, культуры, охраны здоровья, а также школьный и военный. Таким образом, с санкции В. Кубе на территории Генерального округа Беларусь возник целый аппарат управления национального характера. При этом делопроизводство велось на двух языках – немецком и белорусском.

Однако деятельность лидеров Рады в области национально-государственного строительства и участия в текущих политических вопросах была столь активна, что стала причиной расследования Главного управления безопасности «рэйха» против И. Ермаченко по обвинению в «государственной измене». Причиной этому послужил меморандум на имя Кубе, инициатором и автором которого был лидер БНС. Меморандум содержал следующее обращение: «Белорусская интеллигенция не может противостоять вражеской пропаганде, поскольку сама не знает конкретных условий вступления Белоруссии в Новую Европу. Съезд считает целесообразным предложить следующие мероприятия, которые еще могут вернуть энтузиазм в народе для борьбы за Новую Европу: обозначить идеологическую и организационную основу вхождения Белоруссии в состав Новой Европы, признать ее независимость; создать национальное правительство, которое объявит об отделении от СССР и объявит ему войну как врагу белорусского народа; отменить большевистские законы; организовать Белорусскую Национальную Армию; привлечь в Белоруссию эмигрантские силы» [11, с. 171–172].

Следствием столь претенциозных заявлений стала высылка Ермаченко в Прагу <центр белорусской эмиграции>, в апреле 1943 г. БСО была распущена, а ее личный состав был передан в распоряжение местной полиции. Деятельность БНС была ограничена исключительно вопросами охраны здоровья и оказания материальной помощи населению.

Отстранение Ермаченко и ограничение политических компетенций БНС означали, что проект В. Кубе по созданию национального органа самоуправления провалился. По крайней мере, в прежнем формате эта идея себя исчерпала. Новым вариантом национального института власти стала так называемая «Белорусская Рада Доверия», о созыве которой он объявил в июне 1943 г. [8, л. 1–2]. Рада функционировала при Генеральном комиссариате в Минске, была наделена полномочиями совещательного органа и включала представителей так называемого белорусского актива. При этом у вновь созданного органа не было ни программы, ни устава, формально он отнюдь не являлся самостоятельным национальным органом управления, а всего лишь составной частью немецкой администрации. Фактически его члены были полномочны выступать с «совещательным голосом» на заседаниях в Генеральном комиссариате и отправлять на имя Кубе «предложения».

Активно поддерживая немецких «освободителей» на словах, белорусские коллаборационисты пытались выстроить свою политическую, как им казалось, национальную линию в интересах Беларуси. Например, лидеры «Партии белорусских националистов» Я. Станкевич и В. Ивановский предполагали, что нацистская Германия потерпит поражение в войне и главный удар ей будет нанесен на западном фронте. Поэтому свои ожидания на реализацию «белорусской идеи» связывали с Великобританией и США. А систему «нового порядка» намеревались использовать в своих политических целях – для захвата местной администрации, создания национальных вооруженных сил и идеологической подготовки населения [18, с. 158–159]. Однако эта «тонкая» политическая игра потерпела исторический крах.

Смерть Кубе осенью 1943 г. не остановила политику «белорусизации», ее продолжил Курт фон Готтберг, преемник Кубе. Ее следующим этапом стало учреждение Белорусской Центральной Рады (БЦР). Главной целью деятельности БЦР была названа консолидация всех национальных сил на борьбу с большевизмом [9, л. 1–10]. Согласно Уставу все свои инициативы вновь провозглашенный «национальный орган» должен был согласовывать с немецкой администрацией. Президента БЦР мог назначить только Генеральный комиссар округа, который по рекомендации главы БЦР назначал и ее членов. Таким образом, даже с формальной точки зрения БЦР не обладала самостоятельностью и была полностью подконтрольна немецким властям. Ее единственной реальной практической задачей стала пропаганда.

Верификации самостоятельности этого коллаборационистского органа должно было послужить образование национальных вооруженных сил – Белорусской краевой обороны (БКО). Сам факт создания белорусских воинских формирований должен был стать свидетельством готовности белорусов выступить единым фронтом с немецкими частями против «общего врага – большевизма». То обстоятельство, что БКО возглавляет белорус (Ф. Кушель), преподносилось как создание широкого национального самоуправления в военной сфере. При этом организация белорусских воинских формирований в этот период войны выполняла

уже не только пропагандистскую роль, сколько должна была стать реальной преградой на пути наступающих частей Красной Армии. Однако расчеты немецкой администрации на массовую мобилизацию белорусов в БКО себя не оправдали. Мобилизация проходила принудительно, за неявку на призывной пункт грозила смертная казнь. К весне 1944 г. БЦР удалось создать 36 пехотных и 6 саперных батальонов краевой обороны [12, с. 186]. Однако это «войско» было небоеспособно, при первой возможности ее члены переходили к партизанам.

На завершающем этапе войны прошла еще одна крупная пропагандистская акция – II-й Всебелорусский конгресс. Он был создан в июне 1944 г. и по замыслу организаторов должен был вызвать своего рода национальный подъем среди белорусского населения на борьбу с наступающей Красной Армией [13, с. 78]. На него приехали 1039 делегатов из белорусских регионов, а также белорусы из Литвы, Латвии, Польши, Австрии, Чехии и Германии. Конгресс объявил себя «полноправным и наивысшим представительством белорусского народа», подтвердил, что законным представительством белорусского народа является БЦР во главе с ее президентом Р. Островским. Конгресс заявил о непризнании БССР как формы белорусской государственности и объявил неправомочными все советско-польские договоренности, которые затрагивали интересы Беларуси.

Акция должна была создать иллюзию наличия самостоятельной белорусской государственности со своим правительством и армией. Однако деятельность Конгресса проходила фактически под звуки фронтовой канонады и вряд ли могла кого-то ввести в заблуждение. Как следствие, политические спекуляции немецких пропагандистов на тему «белорусской идеи» и активное использование оккупационными властями коллаборационистов себя не оправдали.

В заключении подчеркнем, что ставка немецких оккупационных властей на эксплуатацию белорусской национальной идеи себя не оправдала. Контраст между содержанием пропаганды и реалиями оккупационного режима – с массовыми убийствами мирных граждан как способом «борьбы с бандитизмом», геноцидом евреев, принудительными вербовками «остарбайтеров», уничтожением и разграблением культурно-исторического наследия Беларуси – нивелировал усилия немецких пропагандистов, демонстрируя лживость и несостоятельность всех оккупационных проектов по «возрождению Беларуси». Известно, что за годы войны на территории оккупированной БССР немецкие власти провели более 140 карательных операций, в ходе которых сожгли около 5,5 тыс. населенных пунктов со всеми или частью жителей [2, с. 195]. Не вызвала доверия у народа и активная пропагандистская деятельность белорусских коллаборационистов, люди не спешили вступать в национальные организации оккупационного формата. Лишним подтверждением чему служат немецкие источники. Так, в отчете окружного комиссара П. Гахмана говорится: «Не могло быть и речи о доверии белорусского населения к БЦР» [19].

Оценивая эффективность немецкой пропаганды в округе, исследовательница Бабетта Квинкерт констатирует: «Несмотря на попытки склонить на свою сторону или, по крайней мере, принудить советское население к поддержке оккупантов, усилия пропагандистов не увенчались успехом. Гражданские лица были не только свидетелями <немецких> преступлений, но и сами пострадали от немецкой оккупационной политики». Поэтому уже в первые месяцы войны действия немецких властей полностью уничтожили «всякую возможность завоевать сердца и умы белорусского населения с помощью позитивной пропаганды» [22, с. 157].

Список литературы

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. Минск, 2005. 544 с.
2. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Минск : Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. 352 с.
3. Бернев С. К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 гг.: цели, основные направления, крах : дисс. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2008. 36 с.
4. Бимбасов Р. Г. Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. № 19 (2). С. 361–373. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373.
5. Ивлев И. А., Юденков А. Ф. Оружием контрпропаганды Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР 1941–1944 гг. М., 1988. 234 с.
6. Мамаева Т. П., Пушкаренко Е. А. Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4. С. 80–88. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88.

7. НАРБ (Национальный архив Республики Беларусь). Ф. 370. Оп. 1. Д. 411.
8. НАРБ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1.
9. НАРБ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1.
10. Пушкаренко Е. А. Антисоветская пропаганда немецких властей на оккупированной советской территории СССР (на материалах Генерального округа Беларусь) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 170–174. DOI: 10.17223/15617793/471/20.
11. Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссии в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 167–174. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174.
12. Романько О. В. Белорусские коллаборационисты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2013. 478 с.
13. Соловьев А. К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. Минск: Беларусь, 1995. 176 с.
14. Филоненко М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области. 1942–1943 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. 40 с.
15. Шлоотц Й. Немецкая пропаганда в Беларуси, 1941–1944: конфронтация между пропагандой и действительностью: выставка в Берлине, Минске и Москве. Берлин, 1997. 80 с.
16. Лыч Л. Нацыянальна-культурнае жыццё Беларусі на тэрыторыі функцыянавання нямецкага акупацыйнага рэжыму (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.). Мінск, 2011. 334 с.
17. Раница. 06.09.1942. № 33.
18. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск: Беларусь, 1993. 236 с.
19. Archiwum Akt Nowych. Mf. Aleks. T-454. R.102/306-308.
20. Kube W. Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland. 30.08.1942. № 237.
21. Mejer P. Die Weissruthenien // Deutsche Post aus dem Osten. 1941. № 11.
22. Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen. Paderborn: F. Schöningh, 2009. 285 p.

The problems of national state building in the content of German propaganda in the occupied Soviet territory (using the example of the General District of Belarus)

Pushkarenko Elena Anatolyevna

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Humanities, The Russian Customs Academy. Russia, Lyubertsy. ORCID: 0000-0003-3048-9321. E-mail: pushkarenko-elena@mail.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the political processes and events taking place in the post-Soviet space. The issues of nation-building and the acquisition of sovereignty have deep historical roots. During the Second World War, German propaganda actively exploited the problems of nation-building, national expression, preservation of national culture and language in the occupied European countries. This article is based on the materials of the General District of Belarus, the chronological framework of the study is 1941–1944.

The purpose of the work: to determine the content and objectives of German propaganda and policy on the national state issue, its effectiveness. Research methods-analysis, synthesis, comparison.

The author believes that the head of the German civil administration of the district, Wilhelm Kube, made the main bet in the occupation policy on propaganda. Its content in the field of the above-mentioned problem included two thematic areas. First, "the idea of reviving the national Belarusian culture and language". And secondly, the statement about the proximity of the Belarusian ethnic group to the cultural and historical space of Europe and Germany, the inseparable connection of the historical fate of Belarus with the "New Europe". Moreover, V. Kube initiated a policy of so-called "Belarusization", the purpose of which was allegedly to revive the national foundations of Belarus. Kube appealed to the national feelings of Belarusians and declared the "state-forming character of the Belarusian people". In line with the policy of "Belarusization", a whole network of pseudo-state, and in fact, collaborationist organizations was established. In general, the policy of "Belarusization" and the propaganda of the occupation model of pseudo-statehood have failed. The main reason for this was the sharp contrast between the content of propaganda and the realities of the occupation regime. The Second World War and the German occupation became a national disaster for Belarusians.

Keywords: German propaganda, "Belarusization", the General District of Belarus, pseudo-statehood.

References

1. *Belarus' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* – Belarus during the Great Patriotic War. Minsk. 2005. 544 p.
2. *Belarus' partizanskaya. Illyustrirovannaya enciklopediya partizanskogo dvizheniya v Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* – Partisan Belarus. An illustrated encyclopedia of the partisan movement in Belarus during the Great Patriotic War. Minsk. Belarusian Encyclopedia n. a. Petrus Brovka. 2019. 352 p.
3. *Bernev S. K. Agitacionno-propagandistskaya deyatel'nost' nacistской Germanii na okkupirovannoj territorii Severo-Zapada RSFSR v 1941–1944 gg.: celi, osnovnye napravleniya, krah : diss. ... kand. ist. nauk* [Agitation and propaganda activities of Nazi Germany in the occupied territory of the North-West of the RSFSR in 1941–1944: goals, main directions, collapse : diss. ... PhD in Historical Sciences]. SPb. 2008. 36 p.
4. *Bimbasov R. G. Organizaciya ustnoj propagandy i agitacii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Severnoj Osetii)* [The organization of oral propaganda and agitation during the Great Patriotic War (based on the materials of North Ossetia)] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia. 2020. No. 19 (2). Pp. 361–373. DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373.
5. *Ivlev I. A., Yudenkov A. F. Oruzhiem kontrpropagandy Sovetskaya propaganda sredi naseleniya okkupirovannoj territorii SSSR 1941–1944 gg.* [The weapon of counter-propaganda Soviet propaganda among the population of the occupied territory of the USSR 1941–1944]. M. 1988. 234 p.
6. *Mamaeva T. P., Pushkarenko E. A. Belorusskaya nacional'naya ideya kak instrument nemeckoj propagandy na territorii General'nogo okruga Belarus'* [The Belarusian national idea as an instrument of German propaganda in the territory of the General District of Belarus] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Bryansk State University. 2021. No. 4. Pp. 80–88. DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88.
7. NARB (National Archive of the Republic of Belarus). F. 370. Inv. 1. File 411.
8. NARB. F. 380. Inv. 1. File 1.
9. NARB. F. 381. Inv. 1. File 1.
10. *Pushkarenko E. A. Antisovetskaya propaganda nemeckih vlastej na okkupirovannoj sovetskoj territorii SSSR (na materialah General'nogo okruga Belarus')* [Anti-Soviet propaganda of the German authorities in the occupied Soviet territory of the USSR (based on the materials of the General District of Belarus)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2021. No. 471. Pp. 170–174. DOI: 10.17223/15617793/471/20.
11. *Pushkarenko E. A. Nemeckaya politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussii v 1941–1944 godah* [German policy and propaganda in the field of culture on the territory of the General District of Belarus in 1941–1944] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* – News of Saratov University. A new series. Series: History. International relations. 2021. Vol. 21. Is. 2. Pp. 167–174. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-2-167-174.
12. *Roman'ko O. V. Belorusskie kollaboracionisty. Sotrudnichestvo s okkupantami na territorii Belorussii. 1941–1945* [Belarusian collaborators. Cooperation with the occupiers on the territory of Belarus. 1941–1945]. M. Centrpoligraf. 2013. 478 p.
13. *Solov'ev A. K. Belorusskaya Central'naya Rada: sozdanie, deyatel'nost', krah* [The Belarusian Central Council: creation, activity, collapse]. Minsk. Belarus. 1995. 176 p.
14. *Filonenko M. I. Psihologicheskaya vojna nemecko-fashistskih vojsk protiv chastej Krasnoj Armii i nasele-niya vremenno okkupirovannyh territorij v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Voronezhskoj oblasti. 1942–1943 gg.) : diss. ... kand. ist. nauk* [The psychological war of the German fascist troops against units of the Red Army and the population of temporarily occupied territories during the Great Patriotic War (based on the materials of the Voronezh region. 1942–1943) : diss. ... PhD in Historical Sciences]. Voronezh. 2006. 40 p.
15. *Schlootz J. Nemeckaya propaganda v Belarusi, 1941–1944: konfrontaciya mezhdu propagandoj i dejstvitel'nost'yu: vystavka v Berline, Minske i Moskve* [German propaganda in Belarus, 1941–1944: the confrontation between propaganda and reality: an exhibition in Berlin, Minsk and Moscow]. Berlin. 1997. 80 p.
16. *Lych L. Nacyanal'na-kul'turnae zhyccyo Belarusi na terytoryi funkcyyanavannya nyameckaga akupacyjnaga rezhymu (cherven' 1941 – lipen' 1944 g.)* [The national and cultural life of Belarus in the territory of the functioning of the German occupation regime (June 1941 – July 1944)]. Minsk. 2011. 334 p.
17. *Ranica* – Morning. 06.09.1942. No. 33.
18. *Turonak Yu. Belarus' pad nyameckaj akupacyyaj* [Belarus under German occupation]. Minsk. Belarus. 1993. 236 p.
19. Archiwum Akt Nowych. Mf. Aleks. T-454. R.102/306-308.
20. *Kube W. Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung* // *Deutsche Zeitung im Ostland*. 30.08.1942. No. 237.
21. *Mejer P. Die Weissruthenien* // *Deutsche Post aus dem Osten*. 1941. No. 11.
22. *Quinkert B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche "geistige" Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen*. Paderborn : F. Schöningh. 2009. 285 p.

Евреи в политической ссылке на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Касанов Антон Сергеевич

кандидат исторических наук. Россия, г. Киров. E-mail: kasanv@rambler.ru

Аннотация. Несмотря на то, что тема вятской политической ссылки в дореволюционной России длительное время была в фокусе внимания историков, по сей день в историографии остаются определенные белые пятна. Существует значительное количество исследований, посвященных католикам, выходцам из Польши, оказавшимся в Вятской губернии после подавления восстаний в начале 30-х и 60-х гг. XIX в. В то же время по ряду политических и идеологических причин история ссылки российских евреев в различные регионы России долгое время оставалась неизученной. Формирование еврейской общины Вятской губернии до сих пор не стало предметом отдельного исследования. Целью статьи является изучение разных аспектов политической ссылки евреев Российской Империи на территории Вятской губернии на рубеже XIX–XX вв. Задачами исследования стали подсчет количества ссыльных, изучение географии их происхождения, отношения с административным и полицейским аппаратом губернской администрации, распределение по территории Вятско-Камского региона, адаптация к условиям жизни среди населения Вятской губернии, политическая и общественная деятельность в условиях репрессий и так далее. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования материалов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Кировской области. В завершении статьи делается вывод о том, что ссылка евреев в регион носила массовый характер, большинство из них были направлены в конкретные географические точки губернии (Орловский и Малмыжский уезды), ссыльные оказывали сопротивление репрессивной системе в виде побегов, сохраняя преданность вере и политическим убеждениям.

Ключевые слова: евреи, политическая ссылка, черта оседлости, Вятская губерния, политические репрессии, Эстер Гольде, Федор Дан (Гурвич).

В региональной историографии пока не появилось отдельных исследований, посвященных ссылке евреев в Вятскую губернию в конце XIX – начале XX вв. Лишь краевед А. Л. Рашковский в статье, посвященной истории еврейской общины в Вятке, упоминает, что «революция 1905–1907 гг. способствовала высылке в Вятскую губернию многих людей, причастных к революционным событиям, среди них также было много евреев» [4, с. 624]. Рашковский выделяет лидера меньшевиков Федора Дана (Гурвича), который в рассматриваемый период находился в ссылке в Орловском уезде. Краевед Т. К. Николаева, рассказывая про семью жившего в Вятке дантиста Дона Аронсона, упоминает, что у него дома в начале XX в. собирались ссыльные евреи [1, с. 173]. Изучение документов Центрального государственного архива Кировской области (ЦГАКО) дало возможность впервые подробно исследовать тему пребывания евреев в вятской ссылке, изучить их социальный статус, географию происхождения и проживания, отношения с представителями органов власти, местным населением.

Вятская земля длительный период была центром политической ссылки. Особенно интенсивно это происходило на рубеже XIX–XX вв. В 1897–1905 гг. в Вятско-Камский регион выслали 427 человек: 376 мужчин и 51 женщину [2, с. 77]. После небольшого перерыва пика этот процесс достиг в 1907 г., когда, по подсчетам историка П. Н. Луппова, в Вятскую губернию из различных регионов России прибыло 3448 политических активистов [2, с. 132]. Такое большое число ссыльных объяснялось тем, что репрессивные механизмы во многом стали опираться на пункт 17 статьи 19 положения о местностях, состоящих на военном положении. Этот пункт давал возможность генерал-губернаторам высылать отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением об этом министерства внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора. Таким образом, удалить из региона можно было теперь абсолютно любого человека.

В 1907 г. в целях борьбы с революционным движением военное положение было объявлено в Привислинском крае, Прибалтийском, в трех кавказских губерниях и областях, в Одесском градоначальстве, Ростове-на-Дону, Харькове, Кременчуге, Белостоке. Из этих мест-

ностей и хлынул в Вятскую губернию поток политических ссыльных, среди них много было и евреев. По документам фондов канцелярии вятского губернатора (ф. 582), губернского (714) и городского (721) жандармских управлений Центрального государственного архива Кировской области нам удалось установить 63 фамилии евреев, высланных в разные уезды Вятской губернии в 1907 г. Всего за период с 1897 по 1908 гг. мы составили список из 100 евреев, прошедших через вятскую ссылку. Ее сроки в этот период чаще всего составляли два или три года.

География происхождения евреев, оказавшихся в вятской ссылке, весьма обширна. Можно выделить несколько территорий, из которых они были высланы в Вятскую губернию. Во-первых, это Царство Польское, чьи земли в составе Российской империи были объединены в Привислинский край. Сосланы в Вятку оказались и жители крупных городов (Варшава, Радом, Калиш, Вильно, Белосток, Остров, Плоцк), и обитатели маленьких еврейских местечек. Так, в Вятской губернии появились уроженцы местечка Тауроген Ковенской губернии Меер Рабинович, Юдель и Айзик Ширезоны, из местечка Долгиново Виленской губернии прибыли Мовша и Иосель Рубины, Хаим-Давид Шварцбард приехал из деревни Воля Варшавского уезда. Также к этому направлению ссылки относятся и высланные в годы Первой русской революции жители Минской и Витебской губерний.

Второе направление можно условно назвать «Южным». В 1907 г. семь человек «за политическую неблагонадежность» были сосланы в Вятскую губернию из Одессы и Одесской губернии. Иосель Волфзон, Мойша Кройн, Хана Штромберг, Михаил Коган, Рувин Фрайденберг, Сура-Ривка Ривеликс, Самуил Штомберг отправились в разные уезды: Вятский, Котельничский, Уржумский, Глазовский, Нолинский, Яранский. Причем только двоим (Ривеликс, Фрайденберг) из одесских ссыльных разрешили жить вместе в населенном пункте – селе Кайгородском Котельничского уезда. В это же время с юга России высылаются Хаим Санкевич из г. Ставрополя, Моисей Идельсон из г. Ростова-на-Дону, Евсей Геккер из г. Мариуполя, Моисей Федер-Меер из г. Николаева.

В годы Первой русской революции нам не удалось обнаружить ни одного еврейского ссыльного, который был бы отправлен в Вятскую губернию из Москвы или Санкт-Петербурга. Однако на рубеже XIX–XX вв. несколько евреев из столиц все-таки были высланы в Вятку. Так, в уездный город Слободской в 1899 г. на четыре года был сослан мещанин из г. Санкт-Петербурга Шлем Блох. В это же время жители г. Подольска Московской губернии Хаим-Берг и Давид Занцы оказались в Котельничском уезде. Однако примечательно то, что братья Занцы сосланы были не по политическим мотивам, а из-за постоянных нарушений закона. Оба они являлись рецидивистами, неоднократно судимыми за кражи. О своем тяжелом положении в вятской глубинке Занцы много раз писали губернатору, требуя от него денежного пособия, одежды и обуви. В итоге Давид Занц в марте 1899 г. из ссылки сбежал, а в декабре, после возвращения в Котельничский уезд, поступил на военную службу в распоряжение Котельничского воинского начальника [7, л. 31].

В Вятской губернии ссыльные отправлялись в основном в Орловский и Малмыжский уезды, где только в 1907 г. оказалось два десятка евреев. Причем в уездных городах их не оставляли, назначая местом для проживания села и деревни. За период с 1897 по 1907 гг. удалось установить 31 ссыльного, отправленного в разные населенные пункты Орловского уезда, 20 этапировали в Малмыжский. Немногочисленные еврейские ссыльные жили в Глазовском, Котельничском, Слободском, Нолинском уездах. Все они время от времени по разным вопросам приезжали в Вятку, но сама колония ссыльных в губернском центре была невелика. Лишь в 1907 г. сюда были сосланы 9 человек из Виленской и Ковенской губерний, еще один еврей (Иосель Волфзон) в 1905 г. был отправлен на территорию Вятского уезда.

Жизнь в деревнях и селах не устраивала еврейских ссыльных, многие из которых были людьми хорошо образованными, желали заниматься различными видами бизнеса или работать по своему ремеслу, но в сельской местности сделать это было невозможно. Поэтому почти каждый ссыльный писал Прощения на имя вятского губернатора с просьбой переменить место жительства на уездный или губернский город. В этих документах встречаются разные аргументы, почему нужно принять такое решение.

Во-первых, это невозможность работать в месте ссылки. Даже при наличии и необходимых умений, и желания сделать это было очень непросто по совокупности разных причин. Так, ссыльный Абель Рудашевский в 1899 г. писал губернатору, что хотел бы заниматься ремонтом сапог в Котельниче, но у него ничего не получается. В частности, он указывал: «...В Котельниче нет кожевенных заводов, вырабатывающих готовые кожи для обуви, и местные

мастера-сапожники добывают все необходимые материалы в Вятке и даже из более отдаленных крупных центров. В силу этого материал стоит им несравненно дешевле. Я не могу того делать, так как на каждую поездку в Вятку должен испрашивать разрешения Господина Губернатора, что с временем на ответ требует срока до двух месяцев. Поручать на комиссию покупку необходимых материалов Котельничским сапожникам я не могу уже потому, что они отказываются от такой комиссии, не желая своими услугами создавать себе лишнего конкурента. Покупать же в Котельниче кожу и прочие материалы у Котельничских торговцев стоит настолько дорого, что работать становится невозможно... Наконец, в качестве простого вольнонаемного рабочего к местным мастерам я не могу поступить при всем моем желании, ввиду того, что последние относятся с боязнью ко мне, как к политическому ссыльному...» [9, л. 31–32]. Рудашевский просил перевести его в слободу Кукарку или в Вятку, но губернатор Николай Клингенберг не разрешал. При подобных условиях многие ссыльные евреи жили, голодая и прося милостыню, ходатайствовали к губернским властям о денежном пособии, но им часто отказывали по формальным причинам.

Еще один аргумент в Прошениях о смене места ссылки на Вятку это религиозный фактор. Ссылный из Одессы Риввин Фрейденберг в августе 1905 г. писал губернатору: «Прошу распоряжения о назначении мне места жительства в том городе, где проживают евреи, ввиду того, что я человек преклонных лет 60, иудейского исповедания и не могу исполнять должность своей религии в христианской семье» [11, л. 5]. Но в итоге Фрейденбергу разрешили жить лишь в селе Кайгородском Орловского уезда. В начале XX в. еврейские молельные дома действовали в губернии только в Вятке и Сарапуле, в других городах диаспора была малочисленна, и ее представителям допускалось время от времени проводить молебны на частных квартирах. В губернском центре по данным Вятского губернского правления за 1902 г. проживало 66 евреев с семьями, в Сарапуле – 25 [22, л. 13–26, 45–52 об.]. Таким образом, только здесь ссыльные могли посетить религиозные мероприятия.

Но губернская администрация чаще всего отказывала даже не только в переезде, но и в простом посещении Вятки или Сарапула в праздничный день. Например, ссылный Лейба-Бер Ляутерштейн в марте 1907 г. писал губернатору: «Прошу о перемене моего жительства из села Березова в город Вятку, по невозможности в губернский город в Орлов, и, в крайнем случае, прошу хотя бы дать мне отпуск на время наступающего праздника Еврейской пасхи для празднования среди единоверцев-иудеев в городе Вятке» [13, л. 6]. Однако начальник губернии не разрешил Ляутерштейну поехать на молебен.

Наконец, еще одна причина, по которой ссыльные евреи стремились в Вятку, касалась слабого развития медицинского обслуживания в уездах губернии. Многие болезни удавалось вылечить только в Вятке, но для поездки туда нужно было получить соответствующее разрешение губернатора. В качестве примера можно привести историю 23-летнего Шмуля Киршебаума – ссыльного из города Радома Привислинского края. В село Верходворье Орловского уезда Киршебаум прибыл после нахождения в тюрьме города Сандомира и ссылки в Олонецкой губернии. Вследствие этого у него появилось офтальмологическое заболевание. После того, как Киршебаум подал Прошение губернатору, ссыльному разрешили поехать в Вятку только на три дня. Однако за это время решить проблемы со здоровьем не удалось, он приехал в губернский город в июне и августе 1907 г., но стало очевидно, что требуется дальнейшее лечение. После долгой переписки Киршебауму лишь осенью следующего года было дозволено уехать лечиться на территорию Австро-Венгрии. Все это время над ним вели негласное наблюдение. В то же время проживавшей в Орловском уезде ссыльной Идель Штернбок поехать лечиться в Вятку не разрешили, хотя она указывала губернатору, что после этапирования из Самарской тюрьмы «страдает сильной болезнью головы и груди» [15, л. 3].

Почти все ссыльные дожидались перевода на место поселения в Вятском тюремном замке. Условия содержания там оставляли желать лучшего, поэтому узники отправляли прошения губернатору с просьбами не держать их долго в тюрьме, и если нет транспорта, разрешить за свой счет уехать в выбранное им место проживания. Так, Цивилия Гурвич писала губернатору С. Д. Горчакову: «Принимая во внимание, что я выслана Варшавским Господином Губернатором на Ваше распоряжение, чтобы поселить меня в одном из уездов губернии, а не чтобы содержать в тюрьме... Я уже девятый день жду высылки и никакого ответа нет, мое настоящее заключение ничем не основано и, наконец, я уже заявляла Вашему сиятельству, что каждый лишний день заключения плохо сказывается на моем здоровье. Ввиду этого я требую немедленной высылки в назначенный мне уезд. При чем прошу, чтобы мне разрешили

поехать туда на свои деньги» [18, л. 7, 7 об.]. В вятскую тюрьму Гурвич этапирована к 8 марта, Прощение на имя губернатора она подала 16, а в место ссылки, село Березовское Орловского уезда, прибыла 30 марта.

Ссылные евреи прибывали в Вятскую губернию как по отдельности, так и целыми партиями вместе со ссылными жителями Привислинского края католического вероисповедания, горцами с Кавказа и «политически неблагонадежными» активистами из разных регионов России. Большинство из ссылных были довольно молодыми людьми, никогда до этого не состояли под судом, по сословной принадлежности являлись мещанами или рабочими. Некоторых ссылали парой, поэтому важно было оставаться вместе в то время, когда местная администрация наоборот часто пыталась расселить их по разным населенным пунктам. Ссылный Элиаш Розенбаум в феврале 1907 г. в Прощении на имя губернатора писал: «Сим имеем просить Ваше Высокоблагородие про ласковое выслушание нашей просьбы... Со мной вместе из г. Варшавы едет моя любезница Мания Лихтенштейн, я нижеподписанный осмеливаюсь просить про разрешение жить нам в Вятской губернии вместе, ибо в противном случае у нее как у женщины появится невозможность жить самой в неизвестном крае и условиях...» [16, л. 3, 3 об.]. К сожалению, в архивном деле не сохранились документы, которые бы пояснили, разрешено ли было двум влюбленным жить вместе. В другом случае все в том же 1907 г. в Вятке оказались отец и два его сына. 45-летнего мещанина из местечка Долгиново Виленской губернии Мовшу Рубина сослали в губернский центр вместе с 19-летним сыном Иоселем. Здесь же в скором времени появился еще один сын Мовши – Гирш, который приехал на свидание к родственникам и попал под негласное наблюдение со стороны полиции. Ее сотрудники смогли установить место сбора всей семьи – дом Семакова на Копанской улице [25, л. 5].

Судьба ссылных в Вятке полностью зависела от воли губернатора и местных чиновников. По прибытии в регион евреи подписывали специальную бумагу, в которой соглашались с порядком обращений к должностным лицам – писать можно было только на имя уездного исправника и губернатора, обратиться напрямую к министру внутренних дел, членам Дома Романовых или кому-то из высокопоставленных чиновников не представлялось возможным. Важнейшим звеном бюрократической машины был уездный исправник и сотрудники его аппарата. Именно эти люди решали все вопросы на местах, давали характеристики на ссылных, которые влияли, в частности, на их перевод в уездный или губернский город, поездку с целью лечения или бизнеса, а также на выделение денежного пособия.

В документах канцелярии губернатора встречаются дела о конфликтах ссылных и уездных чиновников. Так, в августе 1899 г. высланный в Котельнич из Виленского уезда Абель Рудашевский направил губернатору жалобу на хамское отношение со стороны помощника исправника. Рудашевский писал: «26-го августа сего 1899 года вызванный господином помощником Исправника в Котельничское полицейское управление по касающемуся до меня делу, я подвергся с его стороны грубому обращению на «ты». На просьбу мою заменить слово «ты» словом «вы» Господин помощник исправника ответил мне, что я не дворянин. Глубоко сомневаюсь, что право на вежливое обращение принадлежит только одним дворянам, так как по всей России лица, поставленные в служебной иерархии несравненно выше, чем представители уездной полиции, всегда и ко всем политическим обращаются на «Вы». Ввиду этого имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства представителям Котельничской полиции о соблюдении самой элементарной вежливости по отношению ко мне» [9, л. 25].

Жаловались ссылные евреи и на недопустимое к ним отношение со стороны уездной полиции. В 1899 г. высланный из Санкт-Петербурга в Слободской Шлем Блох написал губернатору, что над ним издевается полицейский надзиратель. Не получая никакой финансовой поддержки, Блох вынужден влачить жалкое существование, не имея даже денег на аренду комнаты. Когда холодным октябрьским вечером ссылный вместе с тремя товарищами пришел в полицию и попросился там переночевать, надзиратель Люминарский ответил ему, что «здесь не ночлежный дом», и попытался выгнать Шлема. Тот пояснил, что идти некуда, тогда надзиратель приказал полицейским силой удалить ссылных. После небольшой потасовки Блох отправился на квартиру к уездному исправнику и с помощью его вмешательства ссылным разрешили переночевать в полиции. По этому делу было проведено дознание, из которого выяснилось, что многие ссылные в Слободском за неимением денег на аренду жилья действительно ночевали в полиции, при этом часто находясь в состоянии алкогольного опьянения. Люминарский указал, что Блох вел себя дерзко, ругался матом, обращался к полицейскому на «ты», хамил и пытался устраивать потасовки.

Непростые отношения существовали и среди ссыльных. Так, по версии полицейских причиной конфликта стало то, что надзиратель отказался «по горячим следам» ночью расследовать дело о краже ссыльным Линдбергом денег у Шлема Блоха. Люминарский не хотел расследовать это дело, поэтому Блох начал кричать «Экая ты важная птица! Надел малину и думаешь, что ты чиновник!» [10, л. 8]. После этого началась ругань и потасовка. В итоге «квартирный вопрос» для Шлема Блоха и его товарищей так и не был решен, более того, жалобу самого ссыльного признали необоснованной, Блох был привлечен к ответственности за оскорбление полицейского надзирателя.

Серьезной проблемой являлось плохое материальное положение ссыльных евреев, большинство из которых были представителями непривилегированных сословий (мещане, крестьяне, рабочие) и не имели финансовых ресурсов годами существовать без работы в уездах Вятской губернии. Ссыльные ранее жили в городах, попав же в сельскую местность, им было трудно найти хоть какую-то работу, особенно в зимний период. Оставалась надежда на скромное по размерам казенное пособие (1 руб. 50 коп., с августа 1907 г. – 3 руб.), получить его также было не просто из-за сложности бюрократических процедур.

Многие ссыльные голодали, вынуждены были побираться, о своем тяжелом положении они писали и публично в газеты, и частным порядком на имя губернатора. В фонде его канцелярии сохранились такие обращения, которые дают понимание о степени отчаяния многих ссыльных евреев. Так, Лейба-Бер Ляутерштейн сообщал чиновнику: «Попав под надзор полиции в глухую местность Орловского уезда, в Березовскую волость, я нахожусь в крайне безысходном положении ввиду отсутствия в этой местности заработков и неимении при сем денег, на присылку которых из дома я не могу рассчитывать, так как оставил там мать, жену и пятеро маленьких детей...» [13, л. 4]. Другой ссыльный из этого же уезда обращал внимание на то, что он «не способен к крестьянской работе и с самого малолетства проживал в городе, работал в ресторане официантом, а в месте водворения моего не представляется возможным найти себе пропитания...» [18, л. 18]. При этом были и те, кто организовал себе небольшое коммерческое дело. Например, Меер Рабинович, проживая в Вятке, занимался продажей бритв и зарабатывал менее 8 рублей в месяц. Но сумма это была небольшая, поэтому Рабиновичу все равно пришлось обратиться с просьбой назначить ему пособие.

Побеги с места ссылки в начале XX в. стали для ссыльных евреев обыденным явлением. На 1 января 1908 г. из 2562 ссыльных губернии в бегах оказалось 775 лиц (34 % от общего количества ссыльных) [2, с. 132]. Если они отлучались с места проживания, то начинался розыск, который чаще всего приводил к поимке сбежавшего. Искали в соседних губерниях и на родине беглеца. Существовали и те, кто сбежал несколько раз и вполне успешно. Так, варшавский мещанин Литман Энгель был сослан в село Верхошижемье 4 марта 1907 г., но 1 апреля сбежал и скрывался до 4 июня. Энгеля нашли в Варшаве, вернули в Орловский уезд, но 5 августа он снова сбежал, и на этот раз его искали почти год [12, л. 10]. Литман никак не мог смириться со ссылкой и в тот небольшой временной период, когда он еще находился в Верхошижемье, нарушил запрет на прямое обращение к членам царской семьи и написал письмо императрице Александре Федоровне с просьбой амнистировать и вернуть его в Варшаву.

Иногда поимке ссыльных мешало их большое число, путаница с именами и документами. Например, весной 1907 г. в Вятскую губернию сослали Илью Сейделя и Езекиля Сейделя. Одного отправили в Глазовский уезд, другого – в Нолинский. Илья Сейдель сбежал уже через неделю после нахождения в ссылке, но поймать его не удавалось, так как долгое время разного уровня чиновники не могли разобраться, кто же сбежал – Илья или Езекиль. Выяснению личностей ссыльных и обстоятельств побега одного из них посвящена обширная переписка. В иных случаях ссыльные сами пытались запутать полицию и придумывали себе новые имена. Так, высланный в село Верходворье мещанин из Варшавы Йосек Боймель после побега выдавал себя за некоего Иосифа Козловского. Когда его задержали в Челябинске, то обнаружили, что «приметами и фотографической карточкой это не он, а другое лицо» [14, л. 5]. Боймель был этапирован в Орловский тюремный замок, а потом отправлен в новую ссылку – в Оренбург.

Фотокарточки и подробные описания внешности беглецов помогали полиции их искать. Указывались в документах и особые приметы, например, 17-летний ссыльный из Ростова-на-Дону Моисей Идельсон имел на обеих руках татуировки с изображением якоря [19, л. 120]. Он отличился тем, что бежал с места ссылки в Малмыжском уезде четыре раза. Резонансной была история 19-летнего ученика аптекаря из г. Двинска Давида Рапопорта, который в 1907 г. сбежал из тюремного замка г. Малмыжа и оказал сопротивление сотрудникам

полицей. Рапопорт был избит, получив удар обнаженной шашкой по спине, после задержания его отправили в больницу. Дело о побеге рассматривалось Казанским военно-полевым судом, в начале июля 1908 г. Рапопорт был оправдан «по недосказанности обвинения в учинении этого деяния» [21, л. 61].

Конкретные причины, по которым евреев ссылали в Вятскую губернию, установить не всегда представляется возможным. Чаще всего в документах встречаются одни и те же формулировки: «ввиду его вредной для общественного порядка и спокойствия деятельности» или «обвиняемый в принадлежности к преступным организациям и революционной деятельности». В числе причин ссылки в документах также называются: подстрекательство к аграрным беспорядкам, принадлежность к революционным организациям, сношения с революционерами и так далее. Наказывали ссылкой и участников рабочего движения. Так, в 1907 г. восемь рабочих кружевной фабрики еврейского вероисповедания из г. Калиша высланы в Малмыжский уезд. Самому молодому из них (Моисею Глядштейну) было всего 18 лет, самому возрастному (Гершу Элиашевичу) – 42 [20, л. 40, 58].

Большинство ссыльных в изгнании не занимались ничем крамольным и концентрировались на выживании. Однако некоторые продолжали и в вятской глубинке свою революционную деятельность. Так, в 1908 г. сосланный в деревню Верхняя Толмачевщина уроженец Келецкой губернии Абрам Струж был обвинен в распространении нелегальной литературы. В Орловском уезде Струж жил вместе с другим ссыльным Францом Бонке. 24 марта тот по своим делам поехал в Орлов, а зайдя в чайную, встретил некоего человека, который предложил взять почитать несколько книг. Эти печатные издания Бонке привез в свой дом. Во время следствия Абрам Струж подтвердил, что видел те самые книги, но какого они содержания, не знает, так как не умеет читать по-русски [24, л. 6–7]. Интересно, что среди более чем трех десятков книг, конфискованных у Бонке и Стружа, были не только сочинения известных авторов (Григория Данилевского, Макса Штирнера, Карла Маркса) и труды по актуальным темам рабочего движения или революционной борьбы, но и монография деятеля германского и международного рабочего движения Августа Бебеля «Антисемитизм и коллективизм в Германии».

В противоправительственной агитации обвинили летом 1907 г. сосланного в Нолинский уезд 20-летнего мещанина г. Ставрополя Хаима Санкевича. Пристав 2-го стана установил, что 9 июня в селе Лудяны собралось много крестьян для религиозных торжеств по поводу Троицкой субботы. Здесь же на сельской площади находились и ссыльные кавказцы в национальных костюмах. Вокруг них образовалась толпа около 50 человек, людей интересовало, что это за люди и почему они живут в селе. Внезапно подошел ссыльный Санкевич и начал «... разъяснять о роспуске Государственной Думы, о том, что высланы они за то, что стояли за крестьян, также говорил по поводу неправильного сбора с крестьян податей, порицал действия правительства...» [23, л. 6]. Пристав, увидев такую ситуацию, распорядился арестовать Санкевича и донести об инциденте прокурору вятского окружного суда, начальнику вятского жандармского управления и судебному следователю.

Против Санкевича дали показания трое крестьян, все они утверждали, что он критиковал правительство и его социально-экономическую политику. Санкевич был арестован и помещен в тюрьму города Нолинска. Оттуда он написал письмо начальнику вятского жандармского управления. Санкевич утверждал, что был арестован «по невежеству стражников», так как антиправительственной агитации никакой не было, а состоялся лишь частный разговор с некоторыми из крестьян. Ссыльные грузины не владели русским языком, поэтому именно Санкевичу пришлось пояснять за них, как они все оказались в Нолинском уезде. Прошение ссыльного Хаима Санкевича было рассмотрено, вскоре его освободили, но в Лудяне не оставили, а перевели в село Богородское, причем жил он теперь один, а не с другими ссыльными.

Не революционную, но общественную деятельность продолжила в Вятской губернии врач Эстер Гольде. В декабре 1898 г. она была на два года выслана из города Плоцка в уездный Орлов. 25-летняя Гольде имела хорошее образование: училась в Плоцкой гимназии, затем в Женевском и Парижском университетах, сдала экзамены на звание женщины-врача на медицинском факультете Московского университета. По прибытии на место ссылки Гольде добилась разрешения поехать в Вятку для покупки необходимых медицинских инструментов. Поскольку в Орлове «медицинская практика не может обеспечить в материальном отношении», то Гольде переехала в Слободской [8, л. 34]. Там она была допущена до работы в земской больнице и принимала участие в лечении стационарных больных.

Также Эстер подружилась с директором народных училищ Вятской губернии, известным просветителем и гуманистом Александром Красевым. Дважды (в июле и октябре в 1899 г.) Гольде отлучалась в Вятку и помогала ему по переводу на иностранные языки некоторых статей по народному образованию, предназначенных для Парижской выставки. На этой выставке в 1900 г. Вятская губерния была удостоена нескольких золотых медалей за успехи в деле просвещения. Вероятно, Гольде занималась переводом на французский язык монографии Красева «Краткий очерк возникновения и постепенного развития начальных народных училищ Вятской губернии с 1786 по 1896 г.». Эта книга была представлена на выставке в Париже на русском и французском языках [3, л. 72]. Далеко не каждый чиновник мог позволить себе такого рода взаимодействие со ссыльной, однако Красев имел репутацию человека с критическим подходом к российским реалиям, бескорыстного энтузиаста просвещения и сторонника повсеместного внедрения женского образования.

Несмотря на такую полезную деятельность, Гольде находилась в фокусе внимания полиции. Чиновников волновало, что ее товарищи по польскому освободительному движению присылают письма, а некоторые даже посещают Гольде в ссылке. Так, в июне 1899 г. в Вятку приехала ее подруга варшавская мещанка иудейского вероисповедания Цирния Баумригер. В ноябре 1899 г. Гольде было разрешено уехать в Плоцк помогать в лечении серьезно болевшей матери.

Отношения с местными жителями у ссыльных евреев были непростыми. С одной стороны, по «делу Санкевича» мы видим, что простые нолинские крестьяне могли скромными финансовыми пожертвованиями помочь ссыльному. При этом многие евреи жаловались на не самое доброе отношение к себе со стороны вятчан. Так, проживавший в селе Круглыжском Котельничского уезда Хаим-Берг Занц указывал в прошении губернатору: «...не могу приобрести себе работы, так как не имею никакого ремесла, а службы не могу достать, потому что каждый порицает за то, что я еврей...» [6, л. 10]. Чиновники разного уровня часто провоцировали местное население против ссыльных, указывая на то, что это люди другой культуры, религии, их можно и нужно унижать, так как они «бесправные». В Орловском уезде, где проживало много ссыльных евреев, исправник Зезюкин объявил местным торговцам, что принимать деньги нужно очень осторожно, так как ссыльные привезли с собой 2000 фальшивых рублей в монетах на 50 и 15 копеек. Такие, на первый взгляд, нелепые слухи в итоге порождали крайне настроенное отношение жителей уездов и волостей к ссыльным.

За два-три года ссылки в отрыве от родины, культуры и религии ссыльные меняли взгляды на жизнь. Некоторые отрекались от иудаизма и переходили в православие. Так, после трех лет ссылки в Котельниче принял крещение Абель Рудашевский, он получил имя Евгений Александров и был намерен уехать на место жительства в Уссурийский край [9, л. 58]. 21-летний варшавский мещанин Абель Бык не только перешел в православие под именем Виктор Павлов, но и женился на вдове из села Истобенского Марии Налетовой. При этом в Варшаве у него осталась супруга Мария. Когда в июне 1908 г. Павлов ходатайствовал перед губернатором о переводе его в Вятку, то получил отказ ввиду того, что женившись на состоятельной даме, он имеет возможность безбедно существовать и в Орловском уезде [17, л. 18]. От ссылки Павлов был освобожден только в апреле 1910 г. Также крещены были сосланные в Яранский и Уржумский уезды мещане Шая Цепелевич и Ревекка Ревзон.

Таким образом, в начале XX в. в Вятской губернии в ссылке оказались десятки евреев из разных регионов Российской империи. В основном это были образованные люди, молодые мещане из преимущественно больших городов, которых на срок в 2–3 года лишили права находиться на родине. В Вятской губернии ссыльные евреи направлялись в села и деревни Орловского, Малмыжского и других уездов, в Вятке появлялись лишь эпизодически. Местные власти не позволяли ссыльным жить и в уездных городах. Причины таких процессов заключались в попытке противостоять дестабилизации политической ситуации в городах, к тому же в годы Первой русской революции именно по крупным населенным пунктам прошла волна черносотенных погромов, имевших и антисемитскую направленность.

Жизнь евреев в вятской ссылке была очень тяжелой, они получали маленькое «кормовое» пособие либо его не выплачивали вообще, заработать деньги самостоятельно часто не представлялось возможным. Негативными факторами также был произвол местной администрации и ее чрезмерный надзор, недоверие со стороны вятчан, переживания по поводу оставшихся на родине членов семей, невозможность общаться с ними. Тем не менее многие ссыльные евреи выдержали все те трудности, с которыми им пришлось столкнуться, не от-

реклись от своей веры и политических взглядов. Некоторые из них в дальнейшем стали крупными общественно-политическими фигурами, например, теоретик меньшевизма Федор Дан (Гурвич) и врач, деятель польской социалистической партии Эстер Гольде. Лишь малая часть евреев осталась в Вятской губернии после окончания ссылки, как правило, они пытались вернуться в свои города и местечки либо эмигрировать за пределы России.

Список литературы

1. Николаева Т. К. Аронсоны в Вятке // Герценка: Вятские записки : [научно-популярный альманах]. Вып. 20. Киров, 2011. 272 с.
2. Луппов П. Н. Политическая ссылка и Вятский край. Москва, 1933. 206 с.
3. Помелов В. Б. Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги : монография. Киров, 2007. 149 с.
4. Рашковский А. Л. Еврейская община в Вятском крае // Хлынов-Вятка-Киров. История и современность : историко-статистический сборник. Киров, 2014. 906 с.
5. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 582. Оп. 159. Д. 270.
6. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 269.
7. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 270.
8. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 159. Д. 356.
9. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 103.
10. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 160. Д. 384.
11. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 166. Д. 110.
12. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 72.
13. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 51.
14. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 112.
15. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 122.
16. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 123.
17. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 154.
18. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 169. Д. 612.
19. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 870.
20. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 170. Д. 886.
21. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 181. Д. 299.
22. ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 320. Д. 72.
23. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 680.
24. ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 941.
25. ЦГАКО. Ф. 721. Оп. 1. Д. 825.

Jews in political exile on the territory of Vyatka Governorate at the turn of the XIX–XX centuries

Kasanov Anton Sergeevich

PhD in Historical Sciences. Russia, Kirov. E-mail: kasanv@rambler.ru

Abstract. Despite the fact that the topic of Vyatka political exile in pre-revolutionary Russia has been the focus of historians' attention for a long time, certain white spots remain in historiography to this day. There is a significant amount of research devoted to Catholics, immigrants from Poland, who found themselves in the Vyatka Governorate after the suppression of uprisings in the early 30s and 60s of the XIX century. At the same time, for a number of political and ideological reasons, the history of the exile of Russian Jews to various regions of Russia has remained unexplored for a long time. The formation of the Jewish community in Vyatka Governorate has not yet been the subject of a separate study. The purpose of the article is to study various aspects of the political exile of the Jews of the Russian Empire on the territory of the Vyatka Governorate at the turn of the XIX–XX centuries. The objectives of the study were to count the number of exiles, study the geography of their origin, relations with the administrative and police apparatus of the provincial administration, distribution across the territory of the Vyatka-Kama region, adaptation to living conditions among the population of the Vyatka Governorate, political and social activities in conditions of repression, and so on. The implementation of research tasks was achieved on the basis of the use of materials extracted from the funds of the Central State Archive of the Kirov region. At the end of the article, it is concluded that the exile of Jews to the region was massive, most of them were sent to specific geographical points of the governorate (Oryol and Malmyzhsky counties), the exiles resisted the repressive system in the form of escapes, while remaining faithful to faith and political beliefs.

Keywords: Jews, political exile, pale of settlement, Vyatka province, political repression, Esther Golde, Fedor Dan (Gurvich).

References

1. Nikolaeva T. K. *Aronsony v Vyatke* [Aronsons in Vyatka] // *Gercenka: Vyatskie zapiski : [nauchno-populyarnyj al'manah]* – Hertsenka: Vyatka notes : [popular science almanac]. Is. 20. Kirov. 2011. 272 p.
2. Luppov P. N. *Politicheskaya ssylka i Vyatskij kraj* [Political exile and the Vyatka region]. M. 1933. 206 p.
3. Pomelov V. B. *Prosvetiteli Vyatskogo kraja: rossijskie deyateli kul'tury i mestnye uchenye-pedagogi : monografiya* [Enlighteners of the Vyatka region: Russian cultural figures and local scientists and teachers : monograph]. Kirov. 2007. 149 p.
4. *Rashkovskij A. L. Evrejskaya obshchina v Vyatskom krae* [The Jewish community in the Vyatka region] // *Hlynov-Vyatka-Kirov. Istoriya i sovremennost' : istoriko-statisticheskij sbornik* – Khlynov-Vyatka-Kirov. History and modernity : a historical and statistical collection. Kirov. 2014. 906 p.
5. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 582. Inv. 159. File 270.
6. CSAKR. F. 582. Inv. 159. File 269.
7. CSAKR. F. 582. Inv. 159. File 270.
8. CSAKR. F. 582. Inv. 159. File 356.
9. CSAKR. F. 582. Inv. 160. File 103.
10. CSAKR. F. 582. Inv. 160. File 384.
11. CSAKR. F. 582. Inv. 166. File 110.
12. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 72.
13. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 51.
14. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 112.
15. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 122.
16. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 123.
17. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 154.
18. CSAKR. F. 582. Inv. 169. File 612.
19. CSAKR. F. 582. Inv. 170. File 870.
20. CSAKR. F. 582. Inv. 170. File 886.
21. CSAKR. F. 582. Inv. 181. File 299.
22. CSAKR. F. 583. Inv. 320. File 72.
23. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 680.
24. CSAKR. F. 714. Inv. 1. File 941.
25. CSAKR. F. 721. Inv. 1. File 825.

Филателистический Интернационал: в тени Коминтерна

Иванов Андрей Сергеевич

аспирант кафедры культурологии и философии,

Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь. E-mail: andreyivanov1997@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме распространения советского коллекционирования в международной среде через специально созданную организацию Филателистического Интернационала в 1920–1930-е гг. Исследование проведено на материалах журнала «Советский филателист», впоследствии преобразованный в «Советский коллекционер», и приложения к журналу на иностранном языке Radio de Filintern. Обращение к этой теме обусловлено значимой стороной политических, экономических и культурных идей в международной повестке РСФСР, а позднее СССР. Вместе с тем само коллекционирование как культурно-досуговая практика претерпела метаморфозу от собственной аполитичности к политически-ангажированной деятельности. Руководство советских коллекционерских организаций рассматривало филателию и бонистику как значимый канал приобщения иностранных граждан к достижениям социалистического общества. Сама деятельность коллекционеров рассматривалась как средство, помогающее человеку прийти к социалистическим ценностям посредством собирания и изучения советских марок, согласно канонам «идейного коллекционирования».

Цель статьи заключается в описании деятельности Филателистического Интернационала согласно хронологическому принципу. Автор приходит к выводу, что Филинтерн являлся типичным квазиобщественным образованием в структуре Коммунистического Интернационала, преследующим своей целью пропаганду ценностей Советского государства среди иностранных сообществ коллекционеров. Отмечается, что деятельность Филателистического Интернационала носила номинальный и краткосрочный характер, оказывая влияние на небольшое число людей ввиду малочисленности коллекционеров в принципе и большей доли советских граждан среди участников организации.

Ключевые слова: история СССР, Филинтерн, советское коллекционирование, филателия, международные отношения, общественные организации в СССР.

О феномене советского коллекционирования написано большое количество работ, главным образом, носящих обзорный и концептуальный характер. Так, обращаясь к изучению советского коллекционирования, Д. Грант находит в нем государственный конструкт, имеющий своей целью распространение социалистических идей на общество и механизмы идеологического контроля со стороны советского государства [33]. Однако такой взгляд представляется односторонним, поскольку в инициированных государством процессах он упускает второе звено цепи – людей, для которых, как утверждает О. В. Игнатьева, коллекционирование являлось формой индивидуального выбора и досуга [7]. К. Богданов в статье «К истории филателии в СССР. Обзор тем и исследовательских контекстов» акцентировал внимание на социально-психологическом и культурно-антропологическом интересе индивида к маркам в советском обществе. Он приходит к выводу, что филателия в СССР становится формой допустимой свободы на границе интересов индивида и государства [2, с. 19–21]. В последние годы опубликовано несколько работ А. В. Якуба и Н. В. Якуб, посвященные различным аспектам филателии в СССР [25; 26; 27]. В их работе на примере тематических журналов показан процесс монополизации партийно-государственными органами филателии в СССР.

Иначе в историографии обстоит дело с освещением деятельности Филателистического Интернационала [23; 24; 33]. Некоторые его грани освещены отечественными и зарубежными авторами, но во всех случаях это освещение носит фрагментарный характер, не отражая в полной мере специфических черт организации, ее задач и деятельности.

Коммунистический Интернационал, образованный по настоянию В. И. Ленина в 1919 г., имел множество отделений, среди которых: Крестинтерн, Профинтерн, Спортинтерн и так далее. Отделения Коминтерна должны были оказывать влияние на все стороны общественной жизни, экспортируя ценности страны диктатуры пролетариата в другие государства. Одним из таких отделений являлся Филинтерн, ведущий свою деятельность в 1924–1932 гг. и сочетающий в себе весьма странный синтез филателии, бонистики и других форм коллекционирования с идеей объединения рабочих и крестьян для последующей мировой революции.

В Советской республике с самого ее образования пристально следили за деятельностью коллекционеров. Вскоре после прихода к власти большевиков коллекционирование объектов, имеющих материальную ценность, было практически уничтожено как культурная практика путем национализации частных собраний и коллекций [7, с. 81–82]. Однако экспроприация частных собраний не затронула такие формы коллекционирования, как филателия, бонистика и так далее [17, с. 26–82].

Советское руководство достаточно быстро выявило ценность филателии как экономического, культурного и идеологического вспомогательного средства. По предложению Ф. Г. Чучина, старого большевика, в РСФСР была учреждена государственная монополия на коллекционирование, легальное выражение которого осталось лишь в филателии, бонистике, филкартии и прочих, на первый взгляд, неприметных формах. В сентябре 1921 г. учреждается отделение по филателии и бонам Центральной Комиссии помощи голодающим при ВЦИК, цель которого заключалась в продаже советских за границу. Ф. Г. Чучину отводилась роль уполномоченного представителя отделения и главного редактора нового журнала «Советский коллекционер» [27, с. 215].

Новоиспеченное руководство разглядело в филателии потенциал, который намеривалось использовать во внешней политике государства, что совпадало с трендами советской власти в 1919–1928 гг. [5, с. 129–148]. Так, в 1922 г. в «Советском коллекционере» публикуется статья «Филателия и пропаганда», в которой утверждается:

«Выпускаемые нашими органами марки, посвященные специальным кампаниям и событиям (как то: помгол, помдет, годовщина Революции), должны за границей особенно побуждать в коллекционере глубокий интерес к поводам для выпуска подобных марок.

Собиранием марок более всего занимается молодежь. Поэтому пропаганду эту надо связать с Коммунистическим Интернационалом Молодежи.

Здесь семя упадет на благодатную почву. Если же коллекционер является нашим другом по своему классовому положению, то ясно, что, постепенно переходя от одного к другому, в конце концов он доберется и до более высоких материй» [9].

Несмотря на то, что филателия в глазах советских деятелей являлась не самой высокой «материей», ей отводилась роль одного из каналов воздействия на умы иностранной молодежи. Отсутствие источников личного происхождения не позволяет нам выявить, были ли намерения большевиков относительно филателии серьезны и идейны или ими руководила возможность занять какую-либо нишу для получения личных благ, повторяя феномен прожектерства Нового времени. Так или иначе, спустя несколько лет дискуссий о том, каким должно быть советское коллекционирование, на страницах всесоюзного журнала «Советский филателист» в июне 1924 г. публикуется объявление о предстоящем всесоюзном совещании членов Всероссийского общества филателистов (ВОФ):

«Это совещание должно положить основание международному объединению коллекционеров-филателистов и бонистов, – на почве отстаивания и защиты их трудовых интересов путем кооперирования обмена филателистическими и бонными материалами и коллективных закупок таковых материалов у наиболее добросовестных и сочувствующих такому объединению филателистических фирм всего мира» [8, цит. по: 24, с. 220].

Отвечая на вопрос о целях будущей организации, Б. Розов пишет в том же номере журнала:

«Прежде всего он (Филателистический интернационал. – прим. А. С.) должен будет объединить трудящихся-филателистов всех стран для борьбы с марочной буржуазией... Самому сильному оружию буржуазной филателии – филателистической прессе – будет противопоставлена красная филателистическая пресса – интернациональный печатный орган Филинтерна, рука об руку с красным “Советским филателистом”» [16].

До официального учреждения Филинтерна главный редактор «Советского филателиста» Ф. Г. Чучин сделал заявление о выпуске бюллетеня, освещающего деятельность Филинтерна и советского коллекционирования. Бюллетень получил название Radio de Filintern и впоследствии стал составной частью основного советского филателистического журнала. В рамках Radio de Filintern планировался выпуск статей на четырех языках: эсперанто, английский, французский и немецкий [22].

В июле 1924 г. была опубликована программа Филателистического интернационала:

«1. Пропаганда международного объединения филателистов-трудящихся всех стран для борьбы с организованными филателистами-торговцами.

2. Печатная война всем фальсификаторам почтовых марок и бон, спекулянтам, нечестным обменщикам и всем врагам филателии.

3. Борьба с измышлениями и извращениями буржуазной филателистической прессой филателистической действительности.

4. Широкая популяризация идейной филателии и ее научного, этического эстетического, педагогического и экономического значения; приближение филателии к широким массам трудящихся.

5. Внедрение в филателию языка эсперанто и установление, таким образом, живой связи филателистов всего мира между собой.

6. Установление института филкоров во всем мире, чтобы с помощью их следить за всеми неприятельскими актами и своевременно парировать их на страницах журнала и установить своевременный обмен новостями со всего света.

7. Организация кооперативного снабжения членов Филинтерна филателистическими материалами» [11].

Резолюцию программы Филинтерна сопровождало объявление редакции журнала на немецком языке о признании марок различных государственных образований времен Гражданской войны фальсификациями и учреждении официального каталога ВОФ:

«...Этот каталог дает возможность коллекционерам-филателистам всего мира заглянуть в свои альбомы и извлечь из них то барахло и дерьмо, которое они приобрели благодаря бесовскому обману как подлинный русский товар. Но на самом деле они никогда и не издавались в России и не признаются ни Всероссийским обществом филателистов, в который входят все российские коллекционеры и представители периферийных государств, ни Филателистическим союзом – Ассоциацией помощи детям в лице Организации Уполномоченного по филателии и бонам. Всем коллекционерам, желающим поближе познакомиться с подлинными изданиями России и стран Ближнего зарубежья в период войны и революции, мы настоятельно рекомендуем приобрести Каталог русских почтовых марок, составленный нами совместно с Экспертным бюро Уполномоченного по филателии и бонам» [28].

В первые месяцы существования Филинтерна его членами стали 102 человека, из которых 62 иностранцы. Обнародованный список содержит обширную географическую принадлежность: Германия, США, Франция, Нидерланды, Австрия, Италия, Великобритания, Испания, Китай, Люксембург, Норвегия, Португалия, Швеция и Румыния [21]. Отсутствие других источников не позволяет подтвердить или опровергнуть подлинность этого списка, но стоит задать вопрос: каким образом призыв, обнародованный на русском и четырех других заявленных ранее языках, нашел отклик в столь разнообразных странах и проверялся ли этот список другими советскими инстанциями? В любом случае, оправдание учреждения международной филателистической организации требовало вступление в нее иностранных граждан.

В конце декабря 1924 г. состоялся первый конгресс Филинтерна, где были обсуждены вопросы, по смыслу совпадающие с программой организации, а также принято решение о вступлении Всесоюзного общества филателистов в Филателистический интернационал в качестве национального отделения СССР [24, с. 222]. Также были установлены требования к членским взносам: 10 коп. в месяц с граждан СССР, 1 рубль в месяц для иностранцев и требования к заграничному обмену:

«1. Обмен разрешать только членам Всесоюзного Общества Коллекционеров и Филателистического Интернационала...

2. Запретить какой бы то ни было обмен с заграничными фирмами и торговцами.

3. Разрешить к пересылке за границу и к получению из-за границы не более как по 5 экземпляров каждого сорта марок или бон при условии, если означенный обмен не будет превращаться в торговлю...

4. Понизить ставки налога по заграничному обмену...

5. Разрешать к пересылке в один адрес каждому коллекционеру не более двух писем в месяц (орфография и пунктуация сохранены. – прим. А. С.)» [15].

С января 1925 г. «Советский филателист» получает название «Советский коллекционер», что свидетельствует об институционализации индивидуального коллекционирования в рамках филателии, бонистики, филокартии и прочих непримечательных, на первый взгляд, формах. Еще через год, в январе 1926 г., «Советский коллекционер» совмещают с Radio de Filintern, что указывает на несостоятельность идеи выпуска отдельного журнала за рубежом. Б. Раевский указывал, что объединение двух журналов позволит не распылять усилия советского филателистического руководства и материальные средства подписчиков, целью объединенного журнала он констатировал:

«Он должен всемерно бороться на глазах читателей со всеми уродливыми явлениями, реакционными течениями и консервативными традициями, стаскивающими наше движение с правильной общественно-научной дороги и мешающими его нормальному развитию» [13, с. 3].

В том же месяце была представлена официальная структура Филинтерна, включающая в себя: а) Конгресс организации, созываемый раз в три года и состоящий из делегатов от каждой национальной секции; б) Исполнительный орган Филинтерна, включающий в себя семь постоянных членов, непосредственно Президиум организации возглавил Л. К. Эйфхус. Исполнительный орган, помимо Президиума, включал в себя редакционный отдел, кооперативный отдел и центральный офис секции молодежной филателии; в) Национальные секции, коих на начало 1926 г. насчитывалось восемь: Германия, Нидерланды, Австрия, США, Чехословакия, Швейцария, Франция и СССР [37, с. 31]; г) Районные и местные отделения Филинтерна. Центральный орган Филинтерна располагался в Москве в том же здании, что и Всероссийское общество коллекционеров [32].

При национальных секциях создавались распределительные отделы, чьей задачей была продажа советских марок по заниженным ценам, что должно привлекать новых членов в Филинтерн. Руководителям национальных секций ставилось в обязанность обмениваться опытом привлечения неопитов, в случае нехватки филателистических материалов незамедлительно сообщать в Исполнительный орган [30].

Молодежное отделение Филинтерна возглавил М. Н. Артамонов, ранее возглавивший юношеское отделение Всероссийского общества коллекционеров. Он опубликовал призыв, суть которого заключалась в создании юношеских национальных филателистических секций с целью оградить молодежь от влияния «нечестных и жадных торгашей» и пропагандировать идейную филателию, рассматривающую марку как «историко-культурный документ эпохи» [29].

Иностранные члены Филателистического Интернационала делились на две категории, исходящие из платежеспособности. Первую категорию составляли люди, оплатившие годовую подписку в размере 7 долларов 35 центов, за что получали ежемесячный журнал, полный список членов для обмена и первоочередное право покупки марок. Вторая категория – лица, оплатившие годовой взнос в размере 2 доллара 35 центов, получая за это членский билет, список других участников и возможность приобретать марки [36]. К марту 1926 г. в Филинтерне состояло 412 человек, из которых 382 граждане СССР [18].

Таким образом, Филинтерн являлся типичным советским органом с разветвленным аппаратом. Как утверждает А. В. Якуб: «Данная организация фактически создавалась как квази-общественная организация, поскольку реальный контроль за ней сохранялся за советскими государственными органами в области филателии...» [23, с. 182]. Заметим, что над «государственными органами в области филателии» существовали вышестоящие организации, а также не следует упускать из виду Коммунистический Интернационал, в чьем ведении находились все образованные в СССР международные организации. Более того, деятельность Филинтерна носила коммерческий характер для иностранных членов: годовой взнос представлял собой немалую сумму, исходя из материальных возможностей человека, формировались его права в этом обществе, не стоит и говорить о невключении тех, кто оплачивать взнос не мог.

Тем не менее, согласно докладу Л. К. Эйфхуса, советская филателия и ее организации расцветали, в отличие от своих западных коллег:

«За прошедший год филателия в западноевропейских странах пережила период такого упадка, который не наблюдался в последние десятилетия... В СССР можно заметить обратное. И это свидетельствует не только об отсутствии кризиса, но и о продолжающемся, хотя и медленном, развитии. За последний год секция Филинтерна расширилась с 33 отделений до 64 местных отделений с 1926 членами. Молодежных групп было 20, а в настоящее время их насчитывается 63. Количество членов молодежной организации увеличилось с 720 до 2185» [31].

В этой статистике Леонгард Карлович учитывал статистику, включающую данные СССР. Согласно спискам членов Филинтерна, дела у международной организации шли медленно, в связи с чем каждая национальная секция принимала на себя обязательство принять как минимум сто новых членов [35]. С этой целью Исполнительный орган Филинтерна распорядился о снижении цен на марки на 50 % [31].

Насколько удалось добиться поставленной цели национальным секциям и Исполнительному органу Филателистического Интернационала, можно судить по отсутствию в Radio de Filintern свежих публикаций. За период второй половины 1926–1927 гг. в международном

приложении «Советского коллекционера» помещались лишь статьи, переведенные с русского языка на другие (чаще всего на немецкий), зачастую старые. Следствием чего в марте 1928 г. стала отставка Л. К. Эйфхуса, которому вменялось в вину отсутствие продуктивной деятельности на поприще международной филателистической борьбы. Вместе с отставкой Леонгарда Карловича был распущен весь Исполнительный орган Филинтерна. Новым правлением было принято решение проводить собрания Президиума и Исполнительного органа не реже одного раза в месяц [34].

С апреля 1928 г. в приложении Radio de Filintern журнала «Советский коллекционер» появился раздел «В Исполкоме Филинтерна», где публиковались отчеты о проведенных за месяц мероприятиях. Также в журнале появляется критика деятельности Филинтерна, суть которой заключается в:

«Основными недочетами работы, как это выяснилось из заслушанных отчетов, препятствующими успешной деятельности секций, являются неаккуратность при обмене со стороны советских коллекционеров, послужившая отходом от Филинтерна части его иностранных членов, затем высокий членский взнос, отсутствие в журнале новостей на немецком и статей о марках европейских и других государств, отсутствие у секций средств на организационные расходы, нерегулярный выпуск журнала и списков обменщиков» [3].

Все эти замечания были восприняты редакцией журнала и Президиумом Филинтерна как руководство к действию. В журнале публикуется несколько статей на немецком языке, продублированных с русского и содержащих призывы к активным действиям, успехам в создании новых национальных и местных отделений Филинтерна [20]. С регулярностью выпуска журнала также возникали трудности: первый номер вышел только в марте и совмещал в себе первые три годовых выпуска. Иначе дело обстояло с неопитами Филинтерна и работой национальных секций. Так, к началу 1929 г. в Филинтерне состояло уже 2313 членов. Список членов Филинтерна, опубликованный в журнале, сгруппирован по странам и содержит разрозненные номера членских билетов: из заявленных 2313 членов в нем упоминается только 77 [19].

В последующие годы не было выпущено ни одной статьи на иностранном языке. С 1930 пропал и раздел Radio de Filintern. О существовании Филателистического Интернационала напоминала лишь обложка журнала: «Орган СФА, ВОК и Филинтерна» и единичные положительные отзывы иностранных коллекционеров, опубликованные на русском языке:

«Коллекционирование советских марок английскими филателистами приобретает все большую популярность. Если прежние дореволюционные марки всегда коллекционировались очень охотно, то нынешняя новая школа коллекционеров особенно настаивает на том, что не следует пренебрегать выпусками РСФСР и УССР, утверждают даже, что марки советских выпусков гораздо интереснее прежних до 1917 года» [12, с. 20].

В период с 1930 по 1932 гг. повестка журнала перешла от былой борьбы с «филателистической буржуазией» к освещению общесоюзных трендов – пятилетки, «развернутое наступление на кулака», «коллективизации деревни» и так далее [6]. Расписавшись в несостоятельности идеи пропаганды мировой революции и социалистических ценностей посредством распространения советского коллекционирования, в «Советском коллекционере» публикуется статья об учреждении нового международного органа: «Международная федерация корреспондентов-интернационалистов (Кифинтерн)» [10]. Вдобавок редакция журнала подвергается резкой критике по поводу упрощения материалов, больших членских взносов, дороговизны пересылки и подписки, отсутствия коллекционерских материалов. Показательным в этом отношении может служить письмо в редакцию «Советского коллекционера» от некоего В. Бибикова, который ставит под сомнение достоинство освещения журналом таких форм коллекционирования, как собирательство спичечных коробков или фантиков от конфет [1]. Редколлегия журнала отозвалась на это письмо критикой в адрес В. Бибикова, где утверждает, что суть советского коллекционирования не в том, что собирать, а в том, как именно это делать. В последнем номере журнала редакция публикует статью, содержащую критику журнала и предложение о его дальнейшей судьбе:

«Сделать “СК” бесплатным приложением к какой-нибудь рабочей газете, – это значит выбросить все статьи по специальным вопросам, а их в каждом номере немало. Тогда журнал станет менее интересным для среднего коллекционера. Оставить эти статьи, значит – дать сразу непосильную работу начинающему коллекционеру. Отсюда выход – издавать в виде того же приложения небольшую, в 2–4 страницы газету с популярным изложением вопросов коллекционирования» [4].

Большинство авторов, затрагивающих тему Филинтерна, констатируют, что он действовал до роспуска Коминтерна в 1943 [23; 24; 33], но подобные суждения не находят подтверждение в источниках публицистического характера. Этот вопрос требует дальнейшей проработки.

Таким образом, Филателистический Интернационал представляется как один из неудачных экспериментов Советского государства, нацеленный на пропаганду политических, экономических и культурных идей международному сообществу. Заметим, что коллекционирование в СССР само по себе было избрано в качестве экспериментального полигона, успех которого позволил продвигать апробированные на советском сообществе коллекционеров опыты на внешний рынок.

Несмотря на заявленную политизацию советского коллекционирования и нематериальный характер, советские и иностранные члены Филинтерна акцентировали внимание на обеспечении их предметами коллекционирования. Членство в организации носило иерархический характер, зависящий от платежеспособности коллекционера.

На примере Филателистического Интернационала отчетливо видна структура и характер подобных организаций. Заявленная демократичность носит весьма номинальный характер, за которым скрывается бюрократичность и разветвленность аппарата, зачастую приводящая к дезориентации однотипных организаций и формированию конфликтных ситуаций между ними.

Список литературы

1. Бибииков В. Каким должен быть наш журнал // Советский коллекционер. 1932. № 10–12. С. 294.
2. Богданов К. А. К истории филателии в СССР. Обзор тем и исследовательских контекстов // Acta Slavica Iaponica. 2020. Т. 40. С. 19–21.
3. В Исполкоме Филинтерна // Советский коллекционер. 1928. № 5. С. 29.
4. Вальб. Еще о продвижении филателии в массы // Советский коллекционер. 1932. № 10–12. С. 285.
5. Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 374 с.
6. Дунин-Борковский К. И. Десять лет // Советский коллекционер. 1932. № 1. С. 1–2.
7. Игнатьева О. В. Советское коллекционирование в контексте культурной революции // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 80–89.
8. К организации Филинтерна // Советский филателист. 1924. № 6. С. 1–2.
9. Л. Э. Филателия и пропаганда // Советский филателист. 1922. № 3–4. С. 13.
10. Международная федерация корреспондентов-интернационалистов (Кифинтерн) // Советский коллекционер. 1932. № 5. С. 138.
11. Международная филателия // Советский филателист. 1924. № 7. С. 26–28.
12. Пикеринг В. Письмо английского филателиста // Советский коллекционер. 1930. № 1. С. 20–21.
13. Раевский Б. «Советский филателист», «Советский коллекционер», Radio de Filintern // Советский коллекционер. 1926. № 1. С. 1–3.
14. Редакция «Советского филателиста». К организации Филинтерна // Советский филателист. 1924. № 6. С. 1.
15. Резолюция по докладу «Коллекционирование в СССР и заграничный обмен» // Советский филателист. 1925. № 4. С. 13–14.
16. Розов Б. Филателистический интернационал // Советский филателист. 1924. № 6. С. 3–4.
17. Рыбак К. Е. Теория и практика комплектования музейных фондов: анализ методологической и нормативной базы (1917–1991). М. : Ин-т наследия, 2021. 198 с.
18. Список членов Филателистического Интернационала // Советский коллекционер. 1926. № 3. С. 34–40.
19. Список членов Филинтерна // Советский коллекционер. 1929. № 1. С. 88–91.
20. Тиль А. Пролетарское филателистическое движение. 1929. № 1. С. 73.
21. Чучин Ф. Г. Международная филателия // Советский филателист. 1924. № 10. С. 24–25.
22. Чучин Ф. Г. Международная филателия // Советский филателист. 1924. № 6. С. 29.
23. Якуб А. В. Международные отношения, государство и общественные организации в области филателии в СССР в первой половине 1920-х гг. // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2022. Т. 9. № 2 (34). С. 179–185.
24. Якуб А. В. Филателистический интернационал как элемент «мягкой силы» в дипломатии СССР: 1924 год, начало // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 219–223.
25. Якуб А. В. Государство и филателия в Советской России начала 1920-х гг.: нормативно-правовая база // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 75–78.
26. Якуб А. В. Становление советского филателистического движения в 1917–1941 гг.: идентификация «свои» и «чужие» глазами современников // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 178–186.

27. Якуб А. В., Якуб Н. В. Коллекционерская и филателистическая пресса в РСФСР/СССР в первой половине 20-х гг. XX в.: от плюрализма к монополизму // Ученые записки Казанского университета. 2020. Т. 162. С. 210–226.
28. An die Philatelisten aller Welt (Die Briefmarken Russlands betreffend) // Советский филателист. 1924. № 7. С. 1.
29. Artamonoff M. N. Die Vereinigung der Jugend! // Советский коллекционер. 1926. № 1. С. 26–27.
30. Babitzky B. Die Fragen der Kooperation // Советский коллекционер. 1926. № 1. С. 25–26.
31. Eichfuss L. Die II-Jahresgeneralversammlung der Sektion USSR der Philatelistischen Internationale // Советский коллекционер. 1926. № 4. С. 28–29.
32. Eichfuss L. Die Struktur der Organization der Filintern // Советский коллекционер. 1926. № 1. С. 1–2.
33. Grant J. The Socialist Construction of Philately in the Early Soviet // Comparative Studies in Society and History. 1995. Vol. 37. No. 3. Pp. 476–493.
34. Mitteilungen der Filintern // Советский коллекционер. 1928. № 3. С. 28.
35. Nachrichten unserer Sektionen // Советский коллекционер. 1926. № 3. С. 28.
36. Neue Eintrittsbedingungen der Philintern // Советский коллекционер. 1926. № 3. С. 29.
37. Philatelistische Internationale (Weltvereinigung von Briefmarkensammler) // Советский коллекционер. 1926. № 1. С. 31–32.

Philatelic International: in the Shadow of the Comintern

Ivanov Andrey Sergeevich

postgraduate student of the Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture.
Russia, Perm. E-mail: andreyivanov1997@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the spread of Soviet collecting in the international environment through a specially created organization of the Philatelic International in the 1920s and 1930s. The research was conducted on the materials of the journal "Soviet Philatelist", later transformed into "Soviet Collector", and the appendix to the magazine in a foreign language Radio de Filintern. The appeal to this topic is due to the significant side of political, economic and cultural ideas on the international agenda of the RSFSR, and later the USSR. At the same time, collecting itself as a cultural and leisure practice has undergone a metamorphosis from its own apolitical nature to politically engaged activities. The leadership of Soviet collectors' organizations considered philately and bonistics as a significant channel for introducing foreign citizens to the achievements of socialist society. The very activity of collectors was considered as a means to help a person come to socialist values by collecting and studying Soviet stamps, according to the canons of "ideological collecting".

The purpose of the article is to describe the activities of the Philatelic International according to the chronological principle. The author concludes that the Filintern was a typical quasi-social formation in the structure of the Communist International, aiming to promote the values of the Soviet state among foreign communities of collectors. It is noted that the activities of the Philatelic International were nominal and short-term in nature, influencing a small number of people due to the small number of collectors in principle and a larger proportion of Soviet citizens among the participants of the organization.

Keywords: history of the USSR, Filintern, Soviet collecting, philately, international relations, public organizations in the USSR.

References

1. Bibikov V. *Kakim dolzhen byt' nash zhurnal* [What our magazine should be] // *Sovetskij kollektioner – Soviet collector*. 1932. No. 10–12. P. 294.
2. Bogdanov K. A. *K istorii filatelii v SSSR. Obzor tem i issledovatel'skih kontekstov* [On the history of philately in the USSR. Review of topics and research contexts] // *Acta Slavica Iaponica*. 2020. Vol. 40. Pp. 19–21.
3. *V Ispolkome Filintern* – In the Executive Committee of the Filintern // *Sovetskij kollektioner – Soviet collector*. 1928. No. 5. P. 29.
4. Val'b. *Eshche o prodvizhenii filatelii v massy* [More about the promotion of philately to the masses] // *Sovetskij kollektioner – Soviet collector*. 1932. No. 10–12. P. 285.
5. Watlin A. Yu. *Komintern: idei, resheniya, sud'by* [Comintern: ideas, decisions, destinies]. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) : Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 2009. 374 p.
6. Dunin-Borkovskij K. I. *Desyat' let* [Ten years] // *Sovetskij kollektioner – Soviet collector*. 1932. No. 1. Pp. 1–2.
7. Ignat'eva O. V. *Sovetskoe kollektionirovanie v kontekste kul'turnoj revolyucii* [Soviet collecting in the context of the cultural revolution] // *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanitarian studies in Siberia and the Far East*. 2019. No. 4. Pp. 80–89.
8. *K organizacii Filintern* – To the organization of the Filintern // *Sovetskij filatelist – Soviet philatelist*. 1924. No. 6. Pp. 1–2.

9. L. E. *Filateliya i propaganda* [Philately and propaganda] // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1922. No. 3–4. P. 13.
10. *Mezhdunarodnaya federaciya korrespondentov-internationalistov (Kifintern)* – International Federation of Correspondents Internationalists (Kifintern) // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1932. No. 5. P. 138.
11. *Mezhdunarodnaya filateliya* – International philately // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1924. No. 7. Pp. 26–28.
12. *Pikering V. Pis'mo anglijskogo filatelista* [Letter from an English philatelist] // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1930. No. 1. Pp. 20–21.
13. *Raevskij B. "Sovetskij filatelist", "Sovetskij kollekcjoner", Radio de Filintern* ["Soviet philatelist", "Soviet collector", Radio de Filintern] // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 1. Pp. 1–3.
14. *Redakciya "Sovetskogo filatelista". K organizacii Filinterna* – Editorial office of the "Soviet philatelist". To the organization of the Filintern // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1924. No. 6. P. 1.
15. *Rezolyuciya po dokladu "Kollekcionirovanie v SSSR i zagranichnyj obmen"* – Resolution on the report "Collecting in the USSR and foreign exchange" // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1925. No. 4. Pp. 13–14.
16. *Rozov B. Filatelisticheskiy internacional* [Philatelic International] // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1924. No. 6. Pp. 3–4.
17. *Rybak K. E. Teoriya i praktika komplektovaniya muzejnyh fondov: analiz metodologicheskoy i normativnoj bazy (1917–1991)* [Theory and practice of acquisition of museum funds: analysis of the methodological and regulatory framework (1917–1991)]. M. Institute of Heritage, 2021. 198 p.
18. *Spisok chlenov Filatelisticheskogo Internacionala* – List of members of the Philatelic International // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 3. Pp. 34–40.
19. *Spisok chlenov Filinterna* – List of members of the Filintern // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1929. No. 1. Pp. 88–91.
20. *Thiel A. Proletarskoe filatelisticheskoe dvizhenie* [The Proletarian philatelic movement]. 1929. No. 1. P. 73.
21. *Chuchin F. G. Mezhdunarodnaya filateliya* [International philately] // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1924. No. 10. Pp. 24–25.
22. *Chuchin F. G. Mezhdunarodnaya filateliya* [International philately] // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1924. No. 6. P. 29.
23. *Yakub A. V. Mezhdunarodnye otnosheniya, gosudarstvo i obshchestvennye organizacii v oblasti filatelii v SSSR v pervoj polovine 1920-h gg.* [International relations, the state and public organizations in the field of philately in the USSR in the first half of the 1920s] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki* – Herald of Omsk University. A series of Historical sciences. 2022. Vol. 9. No. 2 (34). Pp. 179–185.
24. *Yakub A. V. Filatelisticheskiy internacional kak element "myagkoj sily" v diplomatii SSSR: 1924 god, nachalo* [Philatelic International as an element of "soft power" in the diplomacy of the USSR: 1924, the beginning] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya Istoricheskie nauki* – Herald of Omsk University. A series of Historical sciences. 2017. No. 3 (15). Pp. 219–223.
25. *Yakub A. V. Gosudarstvo i filateliya v Sovetskoj Rossii nachala 1920-h gg.: normativno-pravovaya baza* [The state and philately in Soviet Russia in the early 1920s: the regulatory framework] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* – Herald of Tomsk State University. History. 2020. No. 66. Pp. 75–78.
26. *Yakub A. V. Stanovlenie sovetskogo filatelisticheskogo dvizheniya v 1917–1941 gg.: identifikaciya "svoi" i "chuzhie" glazami sovremennikov* [The formation of the Soviet philatelic movement in 1917–1941: identification of "friends" and "strangers" through the eyes of contemporaries] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2020. No. 459. Pp. 178–186.
27. *Yakub A. V., Yakub N. V. Kollekcionerskaya i filatelisticheskaya pressa v RSFSR/SSSR v pervoj polovine 20-h gg. XX v.: ot pyuralizma k monopolizmu* [Collector's and philatelic press in the RSFSR/USSR in the first half of the 20s of the XX century: from pluralism to monopolism] // *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* – Scientific notes of the Kazan University. 2020. Vol. 162. Pp. 210–226.
28. *An die Philatelisten aller Welt (Die Briefmarken Russlands betreffend)* // *Sovetskij filatelist* – Soviet philatelist. 1924. No. 7. P. 1.
29. *Artamonoff M. N. Die Vereinigung der Jugend!* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 1. Pp. 26–27.
30. *Babitzky B. Die Fragen der Kooperation* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 1. Pp. 25–26.
31. *Eichfuss L. Die II-Jahresgeneralversammlung der Sektion USSR der Philatelistischen Internationale* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 4. Pp. 28–29.
32. *Eichfuss L. Die Struktur der Organization der Filintern* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 1. Pp. 1–2.
33. *Grant J. The Socialist Construction of Philately in the Early Soviet* // *Comparative Studies in Society and History*. 1995. Vol. 37. No. 3. Pp. 476–493.
34. *Mittelungen der Filintern* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1928. No. 3. P. 28.
35. *Nachrichten unserer Sektionen* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 3. P. 28.
36. *Neue Eintrittsbedingungen der Philintern* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 3. P. 29.
37. *Philatelistische Internationale (Weltvereinigung von Briefmarkensammler)* // *Sovetskij kollekcjoner* – Soviet collector. 1926. No. 1. Pp. 31–32.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 355/359(091)(510)«1938/1943»

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.054

Советские военные советники в Китайской Республике в 1938–1943 гг. (по материалам воспоминаний)

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматриваются особенности деятельности советских военных советников, командированных в 1938–1943 гг. в Китайскую Республику для оказания помощи в строительстве современной по тому времени армии, в планировании и проведении оборонительных и наступательных операций. Представлена организационная структура советнического аппарата, включая 4-х главных военных советников (М. И. Дратвин, А. И. Черепанов, К. М. Качанов, В. И. Чуйков). Отмечается, что в аппарате советников были представители всех родов войск: общевойсковые, артиллерийские, авиационные, танковые, инженерные, специалисты по связи, ПВО, тылу, разведки, а также военные врачи. На основе воспоминаний рассматриваются особенности деятельности советников на китайском театре военных действий, специфика взаимоотношений с китайскими военачальниками. По свидетельству мемуаристов, направленные в Китай советские офицеры не проходили специальное обучение для выполнения функций советников, опыт советников, работавших в Китае в 1920-е гг. обобщен не был, а инструкции представителей наркомата обороны носили самый общий характер: надо помочь китайским товарищам. В воспоминаниях выделяется несколько проблем в работе советников с китайскими генералами: наличие в командном составе китайских вооруженных сил генералов-феодалов, получивших военное образование в военных академиях западных стран и Японии и имевших свое представление о задачах борьбы с японской агрессией; разрыв в воинских званиях (советские майоры – советники китайских генералов); возрастной барьер (советники были значительно моложе китайских генералов, которым они должны были что-то советовать); языковой барьер. К числу психологических особенностей китайских генералов советники относили привязанность к традициям и нетерпимость к критике, даже самой разумной. С этим были связаны рекомендации особого подхода к китайским генералам. Рассматривается вопрос, связанный со взаимоотношениями в ходе войны руководителей Гоминьдана и КПК, Чан Кайши и Мао Цзэдуна. Подчеркивается, что отзыв советников в СССР в 1943 г. был связан прежде всего с ростом масштабов американской военной помощи Китаю, в том числе советниками.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, японская агрессия, китайская армия, военная помощь, советники.

Главной целью советской внешней политики в середине 1930-х гг. становится противодействие агрессивной политике нацистской Германии в Европе и «милитаристско-фашистской» Японии [13, с. 536] в Азии. В рамках этого направления своей деятельности руководство СССР предпринимало попытки создания систем коллективной безопасности в Европе и Азии из стран – потенциальных жертв агрессии, добившись лишь локального успеха подписанием договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией в мае 1935 г. [5, с. 309–312; 6, с. 333–336], имевших к сожалению, ограниченный характер применения. Опираясь на растущую военно-экономическую мощь страны, советское руководство было готово не только к коллективным действиям, которые так и не состоялись не по вине СССР, но и в одиночку противодействовать силовыми методами расширению зоны влияния мирового фашизма.

7 июля 1937 г. Япония начала полномасштабную войну против Китая, рассчитывая на быстрый разгром слабой китайской армии, ее капитуляцию и превращение Китая в свою колонию. Обращение антисоветски настроенного президента Китайской Республики Чан Кайши

к западным державам за военной помощью осталось без ответа, тогда он был вынужден искать пути сближения с СССР. Поскольку в той ситуации стратегическим интересам Советского Союза отвечал самостоятельный независимый Китай, имевший шанс превращения в японскую колонию и плацдарм для нападения на СССР, советское руководство продемонстрировало встречное движение [17; 19, с. 430], завершившееся подписанием Договора о ненападении 21 августа 1937 г. [7, с. 466–468] и аффилированных с ним устных договоренностей о военной помощи и политико-экономических условиях ее оказания [10, с. 74–76].

Обращаясь к Сталину с просьбой о поставках военной техники, оружия и военного снаряжения, правительство Чан Кайши одновременно просило направить в Китайскую Республику и советских военных специалистов. Это было продиктовано необходимостью обслуживания советской военной техники и обучения китайских военнослужащих навыкам владения ею, а также необходимостью подтягивания уровня китайских командных кадров в сферах управления военными подразделениями, планирования и проведения военных операций.

Проблема участия советских военных советников в войне Китая против Японии не становилась предметом исследования как общих, так и специальных работ отечественных историков и в советский и постсоветский периоды, авторы которых, как правило, акцентировали внимание на результатах деятельности советников [1; 2; 3; 4; 14; 18]. В нашем исследовании рассматривается прежде всего специфика взаимоотношений советников с китайскими командирами.

В самом начале японо-китайской войны аппарат военного атташе посольства СССР в Китайской Республике разработал для командования китайской армии ряд рекомендаций неотложного характера с целью изменения неудачного хода военных действий: «Решительно отказаться от применения пассивной обороны, активизировать действия на всех фронтах, создать в каждой армии маневренные группы из кавалерии и пехоты, посаженной на автомобили, наносить ими решительные удары по флангам наступающих войск; шире использовать слабые стороны противника, прежде всего территориальную разобщенность его войсковых групп; смелее осуществлять внезапные нападения на эти группы; глубже проникать в промежутки между ними; перестроить систему обороны, вместо линейной обороны создать систему обороны, состоящую из отдельных опорных пунктов, связанных в огневом отношении; иметь достаточно сильные резервы с задачей нанесения контрударов, противодействовать японским обходам; приучать войска не бояться выхода противников на фланги и в тыл; смело вести борьбу в полуокружении и окружении не только в городах, но и в полевых условиях; преодолеть боязнь техники противника; в тех случаях, когда нет возможности технике противника противопоставить свою технику, шире опираться на преимущество, даваемое местностью и временем суток; для борьбы с танками использовать огонь гранатометчиков, стрельбу снайперов по смотровым щелям, смелее завлекать противника в такие районы, где по условиям местности ему трудно передвигаться и использовать технику; внедрить в среду командного состава твердое понимание необходимости взаимодействия во всех инстанциях; заменить на командных должностях тех генералов, которые отстали в понимании современных способов вооруженной борьбы; организовать партизанское движение в тылу противника, подчинить его центральному руководству и увязать действия партизан с операциями регулярных войск на фронте» [3, с. 57, 58].

К сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин предложенные рекомендации не нашли практического воплощения. Весной 1938 г. китайская и советская стороны принимают согласованное решение о направлении в Китай военных советников. Первая группа военных советников в составе 27 человек прибыла в Китай в мае – июне 1938 г. В дальнейшем их число возросло, на 20 октября 1939 г. в китайской армии находилось 80 советников: в пехоте – 27, в артиллерии – 14, в инженерных войсках – 8, в бронетанковых войсках – 12, в войсках связи – 12, в войсках химзащиты – 2, в тыловых частях – 3, в военных госпиталах – 2. Всего в 1937–1940 гг. в Китае работали более 300 советских военных советников [18, с. 127].

Группу военных советников возглавлял главный военный советник, в разное время это были М. И. Драгвин (май 1938 – август 1939), А. И. Черепанов (август 1938 – август 1939), К. М. Качанов (сентябрь 1939 – февраль 1941), В. И. Чуйков (февраль 1941 – февраль 1942). Примечательно, что некоторые военные советники успели поучаствовать не только в войне Китая против Японии, но и в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Так, К. М. Качанов выполнял обязанности главного военного советника Народной армии Испанской Республики в 1938–1939 гг.

А. И. Черепанов и М. И. Дратвин воевали в Китае в качестве советников Национально-революционной армии правительства Сунь Ятсена в 1923–1927 гг. и 1925–1926 гг. соответственно.

Деятельность советников распространялась на центральные военные органы Китайской Республики и действующую армию (основные военные районы). В аппарате советников были представители всех родов войск: общевойсковые, артиллерийские, авиационные, танковые советники, саперы, военные врачи, специалисты по связи, тылу, противовоздушной обороне и разведке. При центральных органах и войсках старшими советниками работали И. П. Алферов (5-й военный район), Ф. Ф. Алябушев (9-й военный район), П. Ф. Батицкий, А. К. Берестов (2-й военный район), Н. А. Бобров, А. Н. Боголюбов, А. В. Васильев, М. М. Матвеев (3-й военный район), Р. И. Панин, П. С. Рыбалко, М. А. Щукин (1-й военный район) и др. Старшими советниками были: по авиации П. Н. Анисимов, Ф. П. Польшин, П. В. Рычагов, Г. И. Тхор, Т. Т. Хрюкин; по танкам – П. Д. Белов, Н. К. Чесноков; по артиллерии и ПВО – И. Б. Голубев, Я. М. Табутченко, И. А. Шилов; по инженерным войскам – И. П. Батуров, А. Я. Калягин, А. П. Ковалев; по военно-медицинской службе – П. М. Журавлев; по разведке – И. Г. Ленчик, С. П. Константинов, М. С. Шмелев и др. [22, с. 119].

По свидетельству В. И. Чуйкова, военные советники прикомандировывались к военным районам, в состав которых входило несколько армий и которые соответствовали нашему понятию фронт, кроме Особого района, контролировавшегося КПК. В коммунистических войсках, – пишет Чуйков, – наших военных советников не было, «там находилось несколько наших корреспондентов, которых пропускали туда только с ведома самого Чан Кайши» [23, с. 92]. Чуйков, конечно, мог и не знать, что под видом корреспондентов ТАСС в Особом районе работали советские военные специалисты [20, с. 185].

С учетом испанского опыта были разработаны обязанности военного советника, который обязывался помогать китайскому командиру во всех сферах его деятельности: в принятии боевых решений, в обучении командного состава, в организации военного снабжения, в осуществлении контроля за выполнением приказов, в составлении программ боевой подготовки [3, с. 58, 59]. В случае несогласия советника с решением китайского командира он имел право оперативного информирования главного военного советника и через него главнокомандующего армией Китайской Республики.

Некоторые проблемы в деятельности советских военных советников в Китае нашли отражение в воспоминаниях генерал-лейтенанта А. Я. Калягина. «Мало кто представляет себе, – писал Калягин, – что военный советник – сложная и ответственная должность, к которой не готовила ни одна академия мира. Мы не составляли исключения: боевой опыт Первой мировой и гражданской войн, академическая подготовка и опыт командования частями и соединениями говорили о наших возможностях как военачальников, но не о способностях военных советников. Перед тем как приступить к работе, мы смутно представляли себе круг обязанностей советников и меру его ответственности. Опыт наших предшественников, работавших в Китае в 1924–1927 гг., обобщен не был, инструкции товарищей, напутствующих нас при отъезде, носили общий характер: мы интернационалисты и обязаны помочь народу, попавшему в беду» [9, с. 53].

Калягин сообщает, что в процессе работы возникало много сложностей, причем не только в чисто военных вопросах, но и в непривычной обстановке в стране, в провинции, в волости. «Именно умение понять эту обстановку и приспособиться к ней, – подчеркивает Калягин, – определяло наше взаимоотношение с генералами и представителями местной власти». Первой проблемой Калягин считал то обстоятельство, что советы приходилось давать генералам-феодалам, получившим военное образование в академиях США, Германии, Англии, Японии и имевших свое представление о социально-политической обстановке в стране и задачах борьбы с японской агрессией. «Опыт показал, – отмечает Калягин, – что советник в какой-то мере должен быть и дипломатом: не спешить, советы давать только на основе фактов, подтвержденных документами и оправданных историческим опытом. Нужно быть и психологом: заботиться о престиже собеседника, предвидеть его намерения».

Второй проблемой Калягин считал «немалый разрыв в воинских званиях», так, по его словам, при командующем первым военным районом генерале Вэй Лихуане советником работал майор М. А. Щукин, при командующем третьим военным районом генерале Се Яо – майор М. М. Матвеев. «В ряде мест, – пишет Калягин, – советниками были капитаны. Согласитесь, не каждый генерал сразу примет предложение советника-капитана, если даже эти предложения отлично обоснованы и безупречно сформулированы» [9, с. 62]. Как отмечает Калягин,

«китайские генералы заботились прежде всего о своем престиже, сохранении авторитета». «Потеря лица» считалась непоправимым позором, поэтому предложения советников-капитанов изучались иногда так долго, что они становились не актуальными, зато «престиж генералов» оставался незыблемым [9, с. 63].

С проблемой разрыва в воинских званиях был связан и возрастной барьер. Советниками работали капитаны и майоры 25–30 лет, подполковники и полковники – 35–40 лет, в то время как китайские генералы, как правило, находились в возрасте 55–70 лет. «Игнорировать этот барьер мы не могли, – пишет Калягин, – и преодолевали его при помощи скромности, простоты в обращении и внимательности, что действовало безошибочно... и за все время работы в Китае не было ни одного случая размолвки из-за ущемленного самолюбия генералов. Наши предложения со вниманием изучались и с незначительными изменениями проводились в жизнь. Это был показатель боевого содружества советников с китайской национальной армией, доброго согласия и взаимного понимания» [9, с. 63].

Третьей проблемой Калягин считал языковой барьер, преодолеть который советники пытались через быстрое освоение китайского языка, что оказалось нереальным, используя язык-посредник – английский, немецкий, французский, которыми владели и многие китайские офицеры, обучавшиеся в военных академиях Европы, используя схемы, чертежи, диаграммы. «Знание языка страны, – подчеркивает Калягин, – одно из непереносимых условий при подборе советников. Язык сближает с народом, повышает качество выполняемой советниками работы и, что немаловажно, – исключает возможность искажения фактов и выводов при переводе» [9, с. 64].

Штаб главного военного советника принял активное участие в подготовке обороны г. Уханя, предложив свой план, согласно которому предполагалось измотать и обескровить противника на заранее подготовленных рубежах. Как пишет Калягин, «советники понимали, что отныне за все неудачи на фронте они будут нести долю ответственности перед китайским народом, поэтому принимали эффективные меры к тому, чтобы подготовить резервные части к активным боевым действиям против хорошо вооруженной и по-современному обученной японской армии. Наши товарищи не сидели в кабинетах, а ездили по фронтам и штабам, стремясь доказать необходимость проведения тех или иных мероприятий и осуществить их» [9, с. 236].

В разгар битвы за Ухань произошла замена главного военного советника: на смену М. И. Дратвину в августе 1938 г. прибыл А. И. Черепанов, который представил китайскому командованию новые предложения по вопросам обороны города [22, с. 121, 122]. Он не разделял упаднические настроения китайских генералов, готовившихся к очередному отступлению. Предложения Черепанова о контратаках на отдельных участках и активной обороне на других были поддержаны Чан Кайши, однако до их полной реализации дело не дошло [21, с. 631–633].

Анализируя итоги сражения за Ухань, Калягин отмечает, что в ходе пятимесячных боев (13 июля – 12 ноября 1938 г.) японская армия потеряла около 444 тыс. солдат и офицеров, в том числе 148 тыс. убитыми, и что китайские потери составляли примерно такую же цифру. «Именно здесь под Уханем, – пишет Калягин, – японская армия лишилась ореола непобедимости, а главное – японские солдаты с этих пор утратили веру в победу над Китаем. В то же время китайская армия и ее армейские кадры показали рост боевого мастерства, умение владеть современной военной техникой, приобрели уверенность в своих силах» [9, с. 284].

Калягин приводит в своих мемуарах консолидированное мнение китайских историков о том, что «одной из важнейших причин длительной и стойкой обороны Уханя являлась советская помощь вооружением, активная работа советников и боевые успехи советских летчиков-добровольцев» [9, с. 284, 285]. Как отмечает Черепанов в своих воспоминаниях, китайское командование не сразу разобралось в новой для них тактике ведения боевых действий. Хорошим примером для китайского командования Черепанов считает операцию под Чанша, разработанную советскими советниками, в ходе которой японские войска не только были остановлены, но и отброшены от города на значительное расстояние [21, с. 635–647].

Позитивные результаты, достигнутые армией Китая к концу 1938 г., стали в значительной степени следствием деятельности советских военных советников, обладавших высокой боевой подготовкой и сумевших в короткие сроки обучить китайских военнослужащих владению советским оружием. По мнению советских военных историков, «деятельность советников очень быстро стала давать ощутимые результаты: повысилась организованность личного состава, усилилась четкость управления, возросла грамотность принимаемых реше-

ний, поднялась боеспособность и активность китайских войск... разработанные ранее советскими представителями рекомендации начали практически претворяться в жизнь» [3, с. 59].

Оснащенные советской боевой техникой и вооружением 40 пехотных дивизий стали самыми боеспособными из 246 дивизий армии Чан Кайши. Благодаря советской помощи к августу 1938 г. была сформирована первая в китайской армии мотомеханизированная дивизия, шла ускоренная подготовка танковых экипажей, сыгравших важную роль в одном из боев в районе Ханькоу в октябре 1938 г. Самым главным результатом деятельности советских военных советников можно считать изменившееся соотношение боевых потерь личного состава китайской армии и армии Японии, составлявших в начале войны 5:1 и даже 8:1 во время битвы за Шанхай и практически уравнившихся к началу 1939 г. [8, с. 204, 205].

В. И. Чуйков, будущий герой Сталинградской битвы и будущий маршал Советского Союза, после аудиенции у Сталина в декабре 1940 г. получил назначение на должность военного атташе в посольстве СССР в Китайской Республике с последующим принятием обязанностей главного военного советника при Чан Кайши. Вместе с ним в Китай направлялись 15 военных советников и специалистов, никто из которых, как отмечает Чуйков, не владел китайским языком [23, с. 60].

В. И. Чуйков, изучавший китайский язык и имевший опыт взаимодействия с китайскими военными, отмечает этнопсихологические особенности китайских командиров, с которыми взаимодействовали советские военные советники, и сообщает о выработанных им рекомендациях для улучшения взаимопонимания. Он пишет об особой чувствительности китайцев, их привязанности к сложившимся обычаям и нетерпимости «к критике, даже самой разумной». Чуйков рассказывает о выработанном им «особом подходе» во взаимоотношениях с китайскими военачальниками, который сводился к следующему: «Скажем, китайский генерал принимает решение на оборону или наступление. В этом решении много несуразностей, чтобы не сказать большего. Если советник открыто раскритикует план, он этим наживет себе врага, в лучшем случае китайский генерал будет его игнорировать и не станет приглашать к разработке планов и решений. Во всех случаях советник, изучая решение или план китайского военачальника, должен во всеулышание признать и объявить его хорошим, если не гениальным или превосходным. Но под предлогом, чтобы подчиненные китайского генерала лучше поняли и усвоили план, попросить разрешение внести несколько уточнений... Такая помощь будет принята, и предложение советника станет приводиться в жизнь как решение или план самого китайского командующего. В случае успешного выполнения этого решения или плана операции советник должен остаться в стороне, все лавры победы или успеха во всеулышание адресовать своему генералу, а при неудаче – найти причины, оправдывающие действия командира и войск, и даже поздравить с победой» [23, с. 128, 129].

Чуйков подчеркивает, что ему и его помощникам пришлось приложить большие усилия, чтобы донести до военных советников эту нехитрую азбуку взаимоотношений с китайскими командирами. «И те, – пишет Чуйков, – кто усвоил этот особый подход к китайцам, необходимый для того, чтобы совместно с ними работать и воевать против японцев, научились более эффективно помогать им и в то же время, когда это было нужно, удерживать от ошибок» [23, с. 129].

Как явствует из мемуаров Чуйкова, самой сложной проблемой в его работе оказались взаимоотношения Гоминьдана и КПК. Сталин, напутствуя Чуйкова перед командировкой в Китай, подчеркивал, что КПК опирается на «беднейших, забытых и неграмотных крестьян... недооценивает растущий рабочий класс, а это не может не наложить свой отпечаток на ее идеологию, на ее лозунги, на ее понимание политических задач в революции. В китайской компартии довольно значительны националистические устремления. В ее рядах недостаточно развито чувство интернациональной солидарности. Вместо того, чтобы на этом этапе объединиться в единый фронт против японского агрессора, Чан Кайши и Мао Цзедун не забыли старые разногласия. С той и другой стороны идет борьба за влияние и власть. Мао боится Чан Кайши, а Чан Кайши боится Мао... Казалось бы, китайские коммунисты нам ближе, чем Чан Кайши. Казалось бы, им и должна быть оказана главная помощь... Но эта помощь выглядела бы как экспорт революции в страну, с которой мы связаны дипломатическими отношениями. КПК и рабочий класс еще слабы, чтобы быть руководителем в борьбе против агрессора... Кроме того, империалистические державы едва ли допустят замену Чан Кайши китайской коммунистической партией». В качестве главной задачи Сталин обозначил «крепко связать руки японскому агрессору... чтобы избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры

нападут на нашу страну», а для этого надо было «не только помочь Чан Кайши и его генералам умением воспользоваться оружием, которое мы им посылаем, но и внушить Чан Кайши уверенность в победе над японскими захватчиками» [23, с. 56–58].

Вскоре после приезда Чуйкову пришлось реагировать на военную провокацию Чан Кайши в отношении Новой 4-й армии КПК в Южном Аньхое. Как пишет Чуйков, «положение было не из легких. Мы имели договорные обязательства перед правительством Чан Кайши, наши душевные симпатии были с китайскими коммунистами... Вместе с тем, если бы мы открыто объявили о поддержке китайских коммунистов, Чан Кайши под давлением своих западных покровителей и соратников по Гоминьдану вновь мог пойти на осложнение отношений с нами, что было бы на руку японским агрессорам. Оставалась лишь одна возможность – дать понять Чан Кайши, что его агрессивные действия против коммунистов... могут повлиять на поставку военной помощи со стороны Советского Союза» [23, с. 76].

Анализируя результаты своей деятельности по доведению до Чан Кайши возможности прекращения советской военной помощи в ответ на междуусобную борьбу с КПК, Чуйков отмечает, что в тот период Чан Кайши «временно не пошел на дальнейшее обострение борьбы с коммунистами». По мнению Чуйкова, этому способствовали как не радужные перспективы ухудшения отношений с Советским Союзом, так и тяжелая социально-экономическая обстановка в стране, вызывавшая массовое недовольство и отрицательное отношение к возобновлению гражданской войны с КПК [23, с. 84].

С течением времени, отмечает Чуйков, пришло осознание, что внутри КПК и Гоминьдана влиятельные силы выступали против единого антияпонского фронта, преследуя свои узкопартийные интересы. Так, Чан Кайши, используя статус главнокомандующего, при каждом удобном случае пытался подставить войска КПК под удар японцев или поставить им заведомо невыполнимую задачу с целью максимально ослабить их или уничтожить. Часть руководства КПК во главе с Мао Цзедун, понимая политику Чан Кайши, «также считали, – пишет Чуйков, – своим врагом номер один не японцев, а Гоминьдан и его армию. Между ними шла жестокая, хотя и скрытая борьба, но о ней знали многие» [23, с. 70].

Постепенно Чуйков пришел к следующему выводу: «Чан Кайши и Мао Цзедун одинаково считали, что исход начавшейся Второй мировой войны должен и будет решаться в борьбе между великими державами, в то время как они, избегая активных действий против агрессора, должны сберечь и накопить силы для будущей схватки друг с другом» [23, с. 70].

Скрытая вражда руководства КПК и Гоминьдана отрицательно сказывалась на проведении боевых операций против японских войск. Как пишет Чуйков, «за время пребывания в Чунцине я неоднократно был свидетелем, как срывалась организация взаимодействия регулярных войск КПК и гоминьдановской армии. Ответственными за это были в равной степени и Мао Цзедун, и Чан Кайши» [23, с. 146].

Как пишет Чуйков, «Мао считал, что война с Японией ему была навязана Коминтерном, который, якобы, связал КПК руки в рамках единого фронта с Гоминьданом, что в военных действиях с японцами КПК мало что приобретала, но многое теряла, поскольку помощь Китаю со стороны западных держав и Советского Союза шла центральному правительству, т. е. Чан Кайши, а последний ничем не помогал КПК и ее вооруженным силам» [23, с. 146].

В обязанности главного военного советника, по свидетельству Чуйкова, входило еженедельное участие в заседаниях Военного совета, официальным председателем которого был сам Чан Кайши, проходившего, как правило, под председательством военного министра. От КПК в состав совета входили два представителя – Чжоу Эньлай и маршал Фэн Юйсян, которых Чуйков ни разу не видел на заседаниях и считал это большой ошибкой. «Такой демонстративный бойкот военного совета со стороны представителя КПК, – подчеркивает Чуйков, – подрывал основу совместной борьбы против японцев, свидетельствовал о непрекращающихся разногласиях между КПК и Гоминьданом» [23, с. 139].

Как отмечает Чуйков, Чан Кайши через свою службу контрразведки держал под контролем деятельность советских военных советников, подсылая своих агентов, организуя прослушивание помещений и наружное наблюдение. «Мы знали, – пишет Чуйков, – что в наших помещениях были установлены аппараты подслушивания, но считали напрасным трудом их обезвреживать или ликвидировать... наоборот, стремились через эту аппаратуру дезинформировать соответствующие службы». Чуйков также отмечает, что он никогда не замечал наружной слежки, «но только потому, что ее вели весьма искусно» [23, с. 139].

В. И. Чуйков, последний главный военный советник в Китае, полагал, что основной причиной свертывания деятельности советских военных советников стало не начало Великой

Отечественной войны, а масштабная военная помощь США режиму Чан Кайши после нападения Японии на Перл-Харбор. Такого же мнения придерживается Н. Л. Мамаева [12, с. 33, 34]. Американское руководство, терпевшее военные поражения на первом этапе Тихоокеанской войны, было крайне заинтересовано в Китае как в союзнике и, соответственно, в активизации китайского фронта. «Одновременно, – пишет Чуйков, – все более четко начала проявляться ориентация гоминьдановского руководства во главе с Чан Кайши на Соединенные Штаты. Я считал, что в такой обстановке мне как главному военному советнику делать в Китае нечего. Конкурировать своими советами с американским генералом Стилуэллом было нецелесообразно и даже вредно. Вмешиваться или давать советы Чан Кайши или генеральному штабу китайской армии, как помогать американцам и англичанам в борьбе с японцами, я не мог, и это не имело смысла». На самом деле В. И. Чуйков был отозван советским руководством из Китая в связи со скандалом, вызванным его интервью одной из китайских газет 2 января 1942 г., в котором он, якобы, заявил о планах СССР вступить в войну с Японией после победы над Германией [11, с. 115–117; 23, с. 262].

Одностороннее решение советского правительства об отзыве военных советников в 1943 г. стало реакцией на действия китайского руководства, связанные с переводом советских военных советников, подозреваемых в сочувствии к КПК, на преподавательскую работу в военных учебных заведениях. Поводом послужила постановка вопроса адмиралом Янь Сюаньчэном об отзыве советника по авиации [16, с. 290]. По мнению Н. Л. Мамаевой, события Великой Отечественной войны практически не отразились на решимости советского руководства и дальше помогать Китайской Республике. Сокращение военных поставок было обусловлено растущим потоком американского оружия, поставляемого армии Чан Кайши по ленд-лизу [12, с. 33, 34].

Как видно из приведенных выше воспоминаний советских военных советников, их деятельность в Китае была сопряжена с серьезными трудностями, существенно влиявшими на ее эффективность. Тем не менее большинство отечественных и зарубежных историков дают высокую оценку вкладу советских военных специалистов в процесс модернизации вооруженных сил Китайской Республики. Такого же мнения придерживалось и руководство КР, в обращении к советскому правительству в январе 1940 г. подчеркивалось, что благодаря деятельности советских военных советников «отмечаются большие успехи в деле вооруженного сопротивления Китая агрессорам» [15, с. 566].

Одним из показателей качества советских военных советников в Китае можно считать высокие воинские звания, полученные ими в период Великой Отечественной войны: маршалы Советского Союза П. Ф. Батицкий, В. И. Чуйков, маршалы родов войск П. В. Рычагов, П. Ф. Жигарев, П. С. Рыбалко, К. П. Козаков, генералы П. И. Батов, А. Н. Боголюбов, А. Г. Рытов, М. И. Дратвин, А. И. Черепанов, А. Я. Калягин, Р. И. Панин, И. П. Алферов, М. И. Блохин, Г. И. Тхор, Н. В. Славин и др.

Список литературы

1. Астафьев Г. В. Интернациональная помощь СССР Китаю (1917–1945 гг.) // Вопросы истории. 1984. № 9. С. 74–82.
2. Бородин Б. А. Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне 1937–1941. М. : Мысль, 1965. 200 с.
3. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М. : Воениздат, 1975. 190 с.
4. Волкова И. В. Участие советских военных советников в обороне «Трехградья Ухань» 1938 г. (по материалам мемуаров) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3. URL: <http://www.science-education.ru/131-23873> (дата обращения: 09.12.2022).
5. Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Французской Республикой. 2 мая 1935 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 18. М. : Политиздат, 1973. С. 309–312.
6. Договор о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Чехословацкой. 16 мая 1935 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 18. М. : Политиздат, 1973. С. 333–336.
7. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. 21 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 466–468.
8. Из протокола № 2 заседания бригады по разработке китайского вопроса. 5 июля 1939 г. // ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Т. V. 1937 – май 1943 / ред.: М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 204–205.

9. Калягин А. Я. По незнакомым дорогам (записки военного советника в Китае). Изд. 2-е, доп. М. : Наука, 1979. 445 с.
10. Краткая запись Г. Димитрова беседы с И. В. Сталиным в Кремле. 11 ноября 1937 г. // ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Т. V. 1937 – май 1943 / ред.: М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 74–76.
11. Ледовский А. М. Записки дипломата // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 1. С. 108–118.
12. Мамаева Н. Л. Дипломатия СССР и США и проблема внутривосточной стабильности в Китае в период японо-китайской войны / ред. С. Г. Лузянин // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М. : Институт Дальнего Востока РАН, 2012. С. 30–36.
13. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 гг. / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. Изд. 2-е, испр. М. : Дело : РАНХиГС, 2020. 696 с.
14. Мильбах В. С., Назаренко И. С. Особенности деятельности советских военных советников и специалистов в Китае в 1937–1941 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 39. С. 59–67.
15. Нота правительства Китайской Республики Советскому правительству с просьбой дополнительно направить в Китай военных советников разных родов войск на 1940 г. / отв. ред. С. Л. Тихвинский // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV: Советско-китайские отношения. 1917–1945 гг. Кн. 1: 1937–1944 гг. М. : Памятники исторической мысли, 2000. С. 566, 567.
16. Панюшкин А. С. Записки посла: Китай 1939–1944 гг. М., 1981. 319 с.
17. Сидоров А. Ю. Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 122–138.
18. Сотникова И. Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 123–133.
19. Телеграмма Народного Комиссара Иностранных Дел СССР Полномочному Представителю СССР в Китае Д. В. Богомолу. 31 июля 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Т. 20. Январь – декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. С. 430.
20. Телеграмма Дэн Фа Г. Димитрову. 28 марта 1939 г. // ВКП(б), Коминтерн и КПК в период антияпонской войны. Т. V. 1937 – май 1943 / ред. М. Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 185.
21. Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Наука, 1976. 648 с.
22. Чудодеев Ю. В. Советские военные советники в Китае (1937–1942 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2. С. 117–124.
23. Чуйков В. И. Миссия в Китае. Записки военного советника. М. : Наука, 1981. 270 с.

Soviet military advisers in the Republic of China in 1938–1943 (based on memoirs)

Novikov Mikhail Vasil'evich

Doctor of Historical Sciences, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the specifics of the activities of Soviet military advisers sent to the Republic of China in 1938–1943 to assist in the construction of a modern army at that time, in planning and conducting defensive and offensive operations. The organizational structure of the soviet apparatus is presented, including 4 chief military advisers (M. I. Dratvin, A. I. Cherepanov, K. M. Kachanov, V. I. Chuikov). It is noted that the staff of advisers included representatives of all branches of the armed forces: combined arms, artillery, aviation, tank, engineering, communications, air defense, logistics, intelligence, as well as military doctors. Based on the memoirs, the features of the advisers' activities in the Chinese theater of operations, the specifics of relations with Chinese military leaders are considered. According to memoirists, Soviet officers sent to China did not receive special training to perform the functions of advisers, the experience of advisers who worked in China in the 1920s. It was not generalized, and the instructions of the representatives of the People's Commissariat of Defense were of the most general nature: it is necessary to help the Chinese comrades. In the memoirs, several problems stand out in the work of advisers with Chinese generals: the presence in the command structure of the Chinese armed forces of feudal generals who received military education in military academies of Western countries and Japan and had their own idea of the tasks of combating Japanese aggression; the gap in military ranks (Soviet majors – advisers to Chinese generals); the age barrier (the advisers were much younger than the Chinese generals, to whom they had to advise something); the language barrier. The advisers attributed attachment to traditions and intolerance to criticism, even the most reasonable, to the psychological character-

istics of Chinese generals. Related to this were recommendations for a special approach to Chinese generals. The issue of the relationship between the leaders of the Kuomintang and the CPC, Chiang Kai-shek and Mao Zedong during the war is being considered. It is emphasized that the recall of advisers to the USSR in 1943 It was primarily associated with the growing scale of American military assistance to China, including advisers.

Keywords: USSR, Republic of China, Japanese aggression, Chinese army, military assistance, advisers.

References

1. Astaf'ev G. V. *Internacional'naya pomoshch' SSSR Kitayu (1917–1945 gg.)* [International assistance of the USSR to China (1917–1945)] // *Voprosy istorii – Questions of history*. 1984. No. 9. Pp. 74–82.
2. Borodin B. A. *Pomoshch' SSSR kitajskomu narodu v antiyaponskoj vojne 1937–1941* [Soviet aid to the Chinese people in the anti-Japanese war of 1937–1941]. M. Mysl (Thought). 1965. 200 p.
3. *Voennaya pomoshch' SSSR v osvoboditel'noj bor'be kitajskogo naroda – Military assistance to the USSR in the liberation struggle of the Chinese people*. M. Voenizdat. 1975. 190 p.
4. Volkova I. V. *Uchastie sovetских voennykh sovetnikov v oborone "Trehgrad'ya Uhan" 1938 g. (po materialam memuarov)* [Participation of Soviet military advisers in the defense of the "Three Cities of Wuhan" in 1938 (based on memoirs)] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 2015. No. 2–3. Available at: <http://www.science-education.ru/131-23873> (date accessed: 09.12.2022).
5. *Dogovor o vzaimnoj pomoshchi mezhdu Soyuzom Sovetskih Socialisticheskikh Respublik i Francuzskoj Respublikoj. 2 maya 1935 g.* – Agreement on mutual assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the French Republic. May 2, 1935 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 18 – Documents of the foreign policy of the USSR*. Vol. 18. M. Politizdat. 1973. Pp. 309–312.
6. *Dogovor o vzaimnoj pomoshchi mezhdu Soyuzom Sovetskih Socialisticheskikh Respublik i Respublikoj Chexoslovackoj. 16 maya 1935 g.* – Agreement on Mutual Assistance between the Union of Soviet Socialist Republics and the Czechoslovak Republic. May 16, 1935 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 18 – Documents of the Foreign policy of the USSR*. Vol. 18. M. Politizdat. 1973. Pp. 333–336.
7. *Dogovor o nenapadenii mezhdu Soyuzom Sovetskih Socialisticheskikh Respublik i Kitajskoj Respublikoj. 21 avgusta 1937 g.* – Non-aggression agreement between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of China. August 21, 1937 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 20 – Documents of the foreign policy of the USSR*. Vol. 20. January – December 1937. M. Politizdat. 1976. Pp. 466–468.
8. *Iz protokola № 2 zasedaniya brigady po razrabotke kitajskogo voprosa. 5 iyulya 1939 g.* – From the minutes No. 2 of the meeting of the brigade for the development of the Chinese issue. July 5, 1939 // *VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny. T. V. 1937 – maj 1943 – VKP(b)*, the Comintern and the CPC during the anti-Japanese war. Vol. V. 1937 – May 1943 / ed.: M. L. Titarenko, M. Leitner et al. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. Pp. 204–205.
9. Kalyagin A. Ya. *Po neznakomym dorogam (zapiski voennogo sovetnika v Kitae). Izd. 2-e, dop.* [On unfamiliar roads (notes military Adviser in China). 2nd Ed., suppl.] M. Nauka (Science). 1979. 445 p.
10. *Kratkaya zapis' G. Dimitrova besedy s I. V. Stalinyim v Kremlje. 11 noyabrya 1937 g.* – Brief recording of G. Dimitrov's conversation with I. V. Stalin in the Kremlin. November 11, 1937 // *KP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny. T. V. 1937 – maj 1943 – VKP(b)*, the Comintern and the CPC during the anti-Japanese war. Vol. V. 1937 – May 1943 / ed.: M. L. Titarenko, M. Leitner et al. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. Pp. 74–76.
11. Ledovskij A. M. *Zapiski diplomata* [Notes of a diplomat] // *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 1991. No. 1. Pp. 108–118.
12. Mamaeva N. L. *Diplomatiya SSSR i SShA i problema vnutripoliticheskoy stabil'nosti v Kitae v period yapon-kitajskoj vojny* [Diplomacy of the USSR and the USA and the problem of internal political stability in China during the Sino-Japanese war / ed. S. G. Luzyanin] // *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy vo Vtoroj mirovoj vojne – The role of the USSR and China in achieving victory in World War II*. M. Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences. 2012. Pp. 30–36.
13. Mann M. *Istochniki social'noj vlasti : v 4 t. T. 3. Global'nye imperii i revolyuciya, 1890–1945 gg.* [Sources of social power : in 4 vols. Vol. 3. Global empires and revolution, 1890–1945] / transl. from English by D. Y. Karasev; ed. by S. Moiseev. Ed. 2nd, corr. M. Delo : RANEP. 2020. 696 p.
14. Mil'bah V. S., Nazarenko I. S. *Osobennosti deyatel'nosti sovetских voennykh sovetnikov i specialistov v Kitae v 1937–1941 gg.* [Features of the activities of Soviet military advisers and specialists in China in 1937–1941] // *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya – News of Irkutsk State University. A series History*. 2022. Vol. 39. Pp. 59–67.
15. *Nota pravitel'stva Kitajskoj Respubliki Sovetskomu pravitel'stvu s pros'boj dopolnitel'no napravit' v Kitaj voennykh sovetnikov raznykh rodov vojsk na 1940 g.* – Note from the Government of the Republic of China to the Soviet Government with a request to additionally send military advisers of various branches of the armed forces to China for 1940 / ed. S. L. Tikhvinsky // *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke. T. IV: Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1917–1945 gg. Kn. 1: 1937–1944 gg.* – Russian-Chinese relations in the twentieth century. Vol. IV: Soviet-Chinese relations. 1917–1945. Book 1: 1937–1944. M. Monuments of historical thought. 2000. Pp. 566, 567.

16. Panyushkin A. S. *Zapiski posla: Kitaj 1939–1944 gg.* [Ambassador's notes: China 1939–1944]. M. 1981. 319 p.
17. Sidorov A. Yu. *Problema zaklyucheniya pakta o nenapadenii v sovetsko-kitajskih otnosheniyah (1932–1937 gg.)* [The problem of concluding a non-aggression pact in Soviet-Chinese relations (1932–1937)] // *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 2009. No. 1. Pp. 122–138.
18. Sotnikova I. N. *Pomoshch' SSSR Kitayu v antiyaponskoj vojne 1937–1945 gg.* [Assistance of the USSR to China in the anti-Japanese war of 1937–1945] // *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 2011. No. 3. Pp. 123–133.
19. *Telegramma Narodnogo Komissara Inostrannyh Del SSSR Polnomochnomu Predstavitelju SSSR v Kitae D. V. Bogomolovu. 31 iyulya 1937 g.* – Telegram of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR to the Plenipotentiary Representative of the USSR in China D. V. Bogomolov. July 31, 1937 // *Dokumenty vneshnej politiki SSSR – Documents of the foreign policy of the USSR*. Vol. 20. January – December 1937, M. Politizdat. 1976. P. 430.
20. *Telegramma Den Fa G. Dimitrovu. 28 marta 1939 g.* – Telegram from Dan Fa to G. Dimitrov. March 28, 1939 // *VKP(b), Komintern i KPK v period antiyaponskoj vojny – VKP(b), the Comintern and the CPC during the anti-Japanese War*. Vol. V. 1937 – May 1943 / ed. M. L. Titarenko, M. Leitner et al. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2007. Pp. 185.
21. Cherepanov A. I. *Zapiski voennogo sovetnika v Kitae* [Notes of a military adviser in China. 2nd ed., corr. and suppl.] M. Nauka (Science). 1976. 648 p.
22. Chudodeev Yu. V. *Sovetskie voennye sovetniki v Kitae (1937–1942 gg.)* [Soviet military advisers in China (1937–1942)] // *Problemy Dal'nego Vostoka – Problems of the Far East*. 1988. No. 2. Pp. 117–124.
23. Chujkov V. I. *Missiya v Kitae. Zapiski voennogo sovetnika* [Mission in China. Notes of a military adviser]. M. Nauka (Science). 1981. 270 p.

Женщина-шпионка во Франции в годы Первой мировой войны*

Галкина Юлия Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений,
доцент кафедры новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет.

Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0002-4863-5027.

Researcher ID: AAE-4045-2020. E-mail: galkinskaya@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена специфике деятельности женщин в «массовом шпионаже» начала XX в. Первая мировая война обусловила появление новых практик противостояния и специфических стратегий мобилизации населения. Так, женщины, чей социальный облик традиционно подразумевал реализацию в лоне семьи, стали объектом пропаганды и ресурсом, который возможно задействовать в борьбе с врагом. Автор статьи прослеживает основные каналы привлечения женщин к войне спецслужб, реконструирует отношение профессиональных разведчиков к женщинам-шпионкам, рассматривает мотивации поступления женщин на такого рода службу. В качестве вывода предлагается идея, что женская гендерная принадлежность не имела негативный контекст при отборе агентов спецслужб: женщины обладали важными разведывательными возможностями и способностями, отличными от мужских, а общая неразвитость разведывательного и контрразведывательного дела в начале XX в. не позволяла утверждать об однозначно позитивном опыте использования мужчин (по сравнению с женщинами) в войне спецслужб. Настоящая статья является актуальной ввиду слабого исследовательского внимания по отношению к роли женщин в войнах спецслужб во французской историографии, а также в контексте политизированности т. н. «гендерной истории» в историографии США и стран Запада. Автор обращает внимание на актуальный (главным образом, в англо-американской историографии) тренд «деконструкции» образа Маты Хари как «антигероини» спецслужб, на долгое время задавший специфические ориентиры для восприятия женщины-шпионки как *femme fatale*, между тем, Мата Хари являлась характерным образом эпохи, а не исключением из несуществующих правил.

Ключевые слова: шпионаж, французские женщины, гендерная история, Первая мировая война, Франция, Мата Хари.

Сюжеты, связанные с деятельностью женщин-шпионок в военных конфликтах XX в., являются, пожалуй, наиболее волнующими и притягательными для современной культуры: приключения и личные жизненные траектории женщин, снискавших славу в шпионском ремесле, были востребованы с 1930-х гг. и актуальны по сей день. В современной западной науке и публицистике самым ярким женским образом, олицетворяющим шпионаж первой половины XX в., является Мата Хари. Однако академическое сообщество относится к ее персоне неоднозначно, критикуя за дилетантизм и формирование специфического образа женщин в спецслужбах как соблазнительниц-дилетанток [15]. В свою очередь, некоторые ученые говорят о Мате Хари как об архетипическом образе «опасной женщины», востребованном в первой половине XX в., и демонстрирующем доминирование патриархальной культуры, связанной с боязнью женщины, ее силы: «массовая культура прославляла мистическую женщину-вампа», отчего реальное понимание роли женщин в разведке было утрачено [21]. Американская исследовательница Т. Проктор предлагает деконструировать устоявшийся образ женщины в разведке и покончить с представлением о том, что шпионка тождественна соблазнительнице [Ibid]. Попытка Проктор глорифицировать военные усилия женщин, а также «деконструировать мужской нарратив» привела к тому, что образ шпионки в ее исследованиях обрел ореол горячей, честной патриотки, лишенной низменных или просто неоднозначных черт характера. Справедливо стремясь продемонстрировать многообразие женского инструментария в войне спецслужб, Проктор отмечает, что образ «шпионки-проститутки» не соответствует историческим реалиям [Ibid]. Между тем, если мы говорим о массовом шпионаже первой половины XX в., то именно женщины с сомнительной репутацией являлись «пехотой» спецслужб [5; 16, р. 126]. Британский разведчик О. Пинто, анализируя деятельность

женщин в шпионском ремесле, писал, что единственный способ эффективно использовать женщину – предложить ей добывать разведсведения, прибегая к методу т. н. «медовой ловушки», когда факт близких отношений с мужчиной-врагом использовался для дальнейшего шантажа [5, с. 32–33]. Пинто акцентировал внимание на том, что «такая женщина должна иметь душу проститутки» [там же]. В работе знаменитого сексолога М. Хиршфельда о Первой мировой войне, посвятившего исследование феномену сексуальности в военное время, приводилось мнение специалиста в области спецслужб: «Трудно найти женщину, которая, помимо всех других качеств красоты, светскости, элегантности и ума, обладала бы еще той бездушностью и беспринципностью, которая одна только может гарантировать успех шпиону» [23, р. 238]. Подобный подход к использованию женщин в войне спецслужб остается актуальным и по сей день, однако в условиях начала XX в. арсенал социальных ролей у женщин был не столь широк, следовательно, физическая привлекательность оставалась одним из важнейших критериев.

К сожалению, по объективным причинам источниковедческого плана исследований, посвященных проблеме работы публичных женщин на полицию или спецслужбы, не существует, хотя документооборот структур, ответственных за ведение разведки и контрразведки в странах Антанты демонстрирует широкий интерес военных к деятельности любого рода пансионатов, кафе и т. д. на оккупированных территориях (считалось, что такие заведения располагают к романтическим контактам), а также наблюдение за связями французских и бельгийских женщин с немецкими офицерами и солдатами [21]. «Рассадником шпионажа», вызвавшим тревогу французского военного руководства, была даже практика *mairaines* – «крестных матерей», когда любая женщина могла выступить в роли «крестной» для бойца, у которого нет семьи, с целью переписки, отправки подарков на фронт, т. е. для поднятия боевого духа солдат. В реальности такие переписки часто отличались фривольностью, разлагали солдат, а завязывавшийся контакт мог иметь неприятные последствия по причине того, что «крестная» собирала информацию для врага. Поэтому за подобной патриотической практикой внимательно следили представители спецслужб Третьей Республики [20]. Французский антрополог А. Деверп в работе «Шпион. Историческая антропология секретности современного государства» отмечает, что портрет женщины-шпионки в годы Великой войны действительно имел сексуализированные черты с элементами жестокости, садизма и маскулинности, что касалось, например, художественных воплощений Э. Шрагмюллер или М. Хари [13, р. 164], но обывательское или литературное восприятие разведчицы вряд ли можно считать достоверной реконструкцией их подлинного восприятия современниками. Тем более, как отмечал исследователь, нельзя игнорировать прогрессивную мобилизацию женщин, свидетельствующую как о растущем уровне их профессионализации, так и возросшей степени вовлеченности в политическую жизнь своего государства [ibid, р. 165]. В 1930-х гг. шпионские рассказы, как вымышленные, так и основанные на реальных свидетельствах, пользовались широкой популярностью. Так, издатель Ш.-Р. Дюма продал порядка сорока тысяч экземпляров своих историй о работе Второго бюро¹ во время Великой войны, а издательство Бодиньер опубликовало шестидесятитомную серию «Тайная война» (*La Guerre Secrete*). Популярность шпионских приключений во Франции в 1930-е гг. отражала общественное «увлечение шпионажем», обусловленное событиями 1914–1918 гг., международной нестабильностью интербеллум, политической поляризацией, страхом перед потенциальными противниками – Германией, распространением коммунизма и т. д. [19, р. 11].

Одним из слабых мест в освещении заявленной нами проблематики является внимание к популярным, исключительным (в смысле – особенным) биографиям. За пределами исследовательского внимания остается множество вопросов: каковы были институциональные механизмы привлечения женщин к такого рода деятельности? Какое отношение среди профессионалов разведки бытовало по отношению к шпионкам? Каков социальный портрет женщины, вызвавшей стать агентом разведки? Современная французская историография отличается обилием беллетризованных биографий известных французских и бельгийских разведчиц: в качестве примера можно привести таких авторов, как Р. Коффер, Р. Рюффен, Н. Анри, Р. Дерюк и др. В академическом ключе, с привлечением оригинальных материалов французских и бельгийских архивохранилищ, женские траектории в спецслужбах в 1914–1918 гг. рассматривают два исследователя – Ш. Антье (С. Antier) и Э. Дебрейн (E. Debryune).

¹ Второе Бюро Генерального Штаба Франции – структура, отвечавшая за внешнюю разведку в годы Первой мировой войны.

Исследователи часто стремятся подчеркнуть, что мемуары военных – резидентов французской разведки, сотрудников Второго Бюро Генерального штаба армии и полиции, отличаются негативными репликами в отношении женщин-шпионок: женщинам приписывалось множество недостатков, таких как нехватка терпения, нервозность, стремление идти на поводу у собственных чувств [3, с. 62; 16, р. 125]: подобный «джентльменский набор» можно найти у капитана французской разведки Л. Лаказа в книге «Четыре года разведывательной работы». Считалось, что «используя свои чары, шпионка неизбежно оказывается в ловушке: она поддается любви и предает страну», их нервы играют негативную роль. Л. Лаказ, в годы войны неоднократно прибегавший к вербовке женщин (обладавших определенными разведывательными возможностями – имевшие поклонников в немецком консульстве, работавшие прислужкой у интересующих разведку лиц), в итоге писал о необходимости отказаться от подобной практики: «вербовка кокоток представляла опасность не для противника, а для нас». Лаказ солидаризировался с мнением о том, что максимум, на что годна женщина – работа в контрразведке при условии хорошего начальника, но для шпионажа она не годится [3, с. 62]. Французский разведчик, Ж. Крозье, напротив, активно привлекал в свою агентуру женщин. По его мнению, на стороне прекрасного пола было очарование, которого мужчины лишены, а в сметливости, умственных способностях и умении молчать женщины не уступали мужчинам, правда, отличались от мужчин повышенной жестокостью [2, с. 125–126]. Отношение к женщинам-агентам рознилось в зависимости от их мотивации и, конечно, от того, были они на своей стороне или на стороне врага: французский инспектор парижской префектуры, контрразведчик Ш. Фо-Па-Биде, занимавшийся делом М. Хари, негативно отзывался о ней, как о «банальной куртизанке», интересом которой были деньги, а не благородное чувство любви к Родине [10, р. 2]. В свою очередь, префект полиции А. Монури, вспоминая о работе двойного агента М. Ришар, называл ее не иначе как Мария Египетская [17, р. 71], очевидно, проводя параллель со святой – покаявшейся блудницей.

Сотрудниками Второго бюро осознавался потенциал женщин, а точнее возможности и перспективные направления задействования их в разведывательной или диверсионной работе. В документе «Об организации Службы разведки» 1915 г., хранящемся в фондах Второго Бюро Исторической службы Министерства обороны Франции, указывалось, что «в некоторых случаях мы можем рассматривать женщин как вербовщиков, хотя их роль, как правило, ограничивается ролью простого агента или осведомителя» [22]. Консерватизм оказывался неуместен, когда дело касалось защиты государственных интересов в военное время: женщины также привлекались для распространения слухов, выгодных противной стороне, для укрытия мужчин-шпионов и диверсантов, для фабрикация подложных документов, в качестве агентов влияния и т. д. Французы полагали, «если рождается доброе или дурное мнение, женщины с легкостью его разносят» [18]. Несмотря на то, что привлечение женщин к разведработе во Франции вряд ли можно назвать массовым, тотальная война способствовала широкому вовлечению в борьбу против врага всех желающих, поэтому специального исключения для женщин в разведке не делалось (хотя женщинам, стремившимся попасть на фронт, безусловно, отказывали). Если кадровый сотрудник видел, что дама обладает разведывательными или разведспособностями, она имела все основания для «приобщения» к войне спецслужб. В связи с этим говорить о гендерном дисбалансе между мужчинами и женщинами в шпионаже вряд ли корректно: военные чиновники в принципе в начале Великой войны мало доверяли агентурному методу сбора информации о противнике [16, р. 131], вне зависимости от того, кто составляет штат этой агентуры. Среди агентов Второго Бюро числилось множество проходимцев, а прошлому завербованных не уделялось должного внимания.

Какие же мотивы побуждали женщину выбрать такое ремесло? Недоброжелатели отмечали, что женщины занимаются этим из личного любопытства, жадности, тщеславия. Но и здесь не существовало однозначного взгляда: отмечалось, что женщины проявляли исключительный патриотизм, они редко вызывали подозрение, и когда к хитрости добавлялась красота, они преуспевали больше, чем мужчины. Если обратиться к материалу, преподаваемому в разведшколах Франции, то в некоторых пособиях отмечалось, что будущий разведчик должен непременно остерегаться женщин (*méfiez-vous les femmes*) [Ibid, р. 130], тем более что истории о том, как молодые офицеры попадали под обаяние женщин, особенно содержащих сомнительные заведения и курильни опиума, неоднократно описывались в соответствующей литературе [3, с. 122; 4, с. 42–43]. Традиционным мотивом здесь выступало мужское мотовство и страсть к порокам – истратив все деньги на женщин, выпивку и наркотики, скомпро-

метировав себя недостойным поведением, военные становились легкой приманкой для дальнейшего шантажа с целью получения секретных сведений в обмен на сокрытие информации о нравственной и финансовой деградации предателя. Специфику коммуникации офицеров со светскими дамами сотрудники спецслужб осознавали и с точки зрения психологических особенностей мужчин: так, дамам следовало заводить знакомства с офицерами и активно участвовать в совместных алкогольных возлияниях: считалось, что с женщиной наедине мужчина вряд ли начнет обсуждать служебные вопросы, но в компании своих сослуживцев он охотно ввяжется в споры, в ходе которых сможет сболтнуть сведения, составляющие тайну [1, с. 101]. Если мы рассмотрим каноничные биографии знаменитых французской и бельгийской разведчиц Марты Ришар или Габриэль Пети, то увидим, что они отправились на войну после смерти их мужей: смерть близкого человека стала триггером, после которого женщина выражала готовность заниматься любой неприятной работой. В популярной культуре нередко фиксировался мотив женской мести за погибших близких [21]. Однако представляется, что подобные построения были «примирительными» в контексте послевоенной глорификации разведчиц: «семейный фактор» облагораживал стремление женщин стать частью войны спецслужб. Хотя в ряде случаев, когда мужчина привлекался к работе спецслужбами и впоследствии погибал, его жена и/или родственницы предлагали свои услуги с целью продолжить дело супруга/родственника [12, р. 75].

Если мужчина имел возможность отправиться на фронт, то у женщины такой возможности не существовало, и участие в шпионской деятельности стало для нее способом ощутить себя солдатом. Бельгийский исследователь Э. Дебрейн отметил, что в Бельгии женщины составляли 25 % от числа всех агентов, иногда возглавляли сети (24 разведсети из 224 управлялись женщинами [Ibid., р. 75]). Семнадцатилетняя Ирэн Бастен, агент сети «Белой дамы», так описывала свой опыт: «Наконец-то сбылось то, чего я желала, я иду работать на страну как солдат» [Ibid, р. 86]. Часто мотивация была продиктована нежеланием быть впоследствии обвиненной в сотрудничестве с немцами, в проституции, а также нежеланием выглядеть пассивной перед лицом вторжения [11, р. 75]. Шпионаж часто был семейным предприятием, в этом случае бывает непросто отличить: выступает женщина как самостоятельный агент или как жена, которая поддерживает мужа в усилиях по сбору и передаче информации [Ibid]. Патриотизм, по мнению исследователя Э. Дебрейна, являлся ведущей мотивацией для занятий разведкой, тем более что шпионаж в начале XX в. воспринимался скорее как постыдная, общественно осуждаемая практика, при этом патриотический порыв часто сопрягался с яркой германофобией [Ibid, р. 56]. Впрочем, некоторые женщины шли на подобную работу, подзуживаемые чувством авантюризма и «спортивного состязания». Как писала одна из агентов сети «Белой Дамы»: «чем больше становилась опасность, тем очаровательнее была служба в наших глазах» [Ibid, р. 58].

Женщины были весьма подвержены действию пропаганды, идеи о «маленькой героической Бельгии, над которой было совершено насилие» (что постоянно муссировалось в прессе), могли приводить в состояние патриотического подъема. Разведчица Габриэль Пети писала перед арестом и смертью: «Я выполнила самую прекрасную миссию, о которой только могла мечтать женщина во время войны. Если я умру на службе, я умру как солдат, представляя свой флаг» [8, р. 152]. 21-летняя Марсель Семмер, занимавшаяся диверсионной работой в полосе отступающей французской армии и арестованная немецким патрулем, говорила: «Я сирота, у меня только одна мать – Франция» [14, р. 112].

Женщины обладали специфическими разведывательными возможностями, работая прислужкой, кельнершами и официантками, держательницами модных салонов, учительницами немецкого/французского языков. На территории Бельгии Красный Крест охотно привечал женщин-медсестер, которые имели возможность собирать информацию от населения, а также немецких, французских и бельгийских раненых [8, р. 144–145]. Но и те женщины, которые не входили в какие-либо официальные институты, могли в инициативном порядке заниматься наблюдением за передвижениями немецких войск.

В годы Первой мировой войны и позднее, в межвоенный период, стали известны имена многих французских и бельгийских женщин-разведчиц: Марта Ришар, Луиза Беттини (псевдоним – Алиса Дюбуа), Мария-Леония Ванхут, Матильда Лебрен², Габриэль Пети. Однако все

² Матильда Лебрен имеет менее известную судьбу. Она являлась двойным агентом: французские спецслужбы поручили ей пересечь немецкую границу и поселиться в Меце с немецкой семьей в качестве гувернантки. Она передавала сведения о складах боеприпасов, расположении и количестве войск,

эти случаи – «исключение из той постоянной работы женщин-шпионов, которая в большей своей части является грязной и мелкой, как и работа всякого шпиона, будь то мужчина или женщина» [4, с. 81–82]. Большинство женщин не снискали себе великой славы и работали курьерами, почтовыми ящиками, наблюдательницами за подвижным составом. Кроме того, женщины редко занимали руководящие должности, а структура их контактов позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения интенсивности межличностной коммуникации женщины также находились на периферии и редко замыкали на себя информационные потоки [12, р. 80].

Требующим исследовательского внимания вопросом является механизм привлечения женщин на такого рода работу. Большинство женщин, собиравших сведения о передвижениях немецкой армии и техники, привлекались к работе благодаря собственной семье. Профессиональные связи, равно как и дружеские, в случае женщин не играли практически никакой «рекрутинговой роли» (в отличие от мужчин), что было обусловлено их невысоким уровнем образования и домашним характером занятости [Ibid, р. 83]. Большинство женщин, входивших в состав разведсетей, были в браке.

Другой широко распространенный вариант вербовки – это работа по беженцам. Разведслужбы союзников (на территории Нидерландов или в Фолькстоне) при допросе беженцев, пересекающих границу, получали информацию об оккупированной зоне и выявляли наиболее способных и расположенных к разведработе агентов [11, р. 69]. Так была завербована Габриэль Пети.

Более сложный для анализа материал дают биографии знаменитых разведчиц. Выдающаяся роль, которую они могли играть в войне спецслужб, невозможность раскрыть действительные подробности своей работы, приводили к тому, что воспоминания этих женщин отличались высокой степенью легендарности. Так, согласно официальной версии, представленной самой М. Ришар, она получила возможность стать разведчицей благодаря «посредничеству» друга семьи «Зозо» (наст. имя – Жан Виолан), который сообщил о ней капитану Ляду, начальнику французской контрразведки [6]. Ришар была женщиной-авиатором, по всей видимости, имела множество дружеских связей, посещала увеселительные заведения. При этом ранняя судьба Ришар могла вызвать лишь сочувствие: она росла в неблагополучной семье, непростое детство в итоге привело ее на работу в солдатские бордели, она была вынуждена длительное время скрываться от полиции из-за заражения венерическими заболеваниями своих клиентов [напр.: 9]. Впоследствии Ришар при счастливом стечении обстоятельств вышла замуж за обеспеченного француза и освоила ремесло авиатора. Оснований полагать, что она была привлечена к сотрудничеству спецслужбами будучи публичной женщиной, у нас нет. Однако отметим, что во французской традиции существовала практика *condé* – сговора («молчаливого контракта») между полицейским/сотрудником спецслужб и преступником (в нашем случае – проституткой), согласно которому преступник продолжал осуществлять свою нелегальную деятельность, но взамен предоставлял ценные сведения сотруднику полиции, позволявшие раскрывать и предупреждать иные преступления/наблюдать за деятельностью вражеских разведчиков [напр.: 24, р. 151]. Можно сказать, что помимо вышеописанных ситуаций, сотрудники спецслужб обращали внимание на лиц, находившихся в окружении интересующих их объектов разработки и имели возможность привлечь к сотрудничеству ту или иную женщину, которая составляла ближнее окружение объекта оперативной заинтересованности.

Еще одной важной стороной жизни женщин-шпионов, на сегодняшний день исследованная недостаточно, стала их послевоенная судьба и профессиональное признание. Многие погибшие в годы Великой войны разведчицы были воспеты в национальном сознании: о Г. Пети в Бельгии говорили, что «у Франции есть Жанна д'Арк, а у Бельгии – Габриэль Пети» [14, р. 156]. Французскую разведчицу Л. де Беттини также сравнивали с Жанной д'Арк. Таким образом, погибшие женщины, работавшие в годы войны на союзные спецслужбы, удостоились статуса национальных героинь, стали могущественными символами своих наций. Однако подавляющее большинство женщин – представителей бельгийских или французских разведсетей – не получили наград и почестей, поскольку не являлись кадровыми военными. В рамках реализации социальной политики после 1918 г. правительства отдавали приоритет

структуре укреплений. Знание немецкого языка Лебрен скрывала. Ее «звездным часом» стало раскрытие диверсионной деятельности других женщин – г-жи Химено-Санчес и Пфаадт, работавших в портах Ниццы и Тулона и передававших сведения о кораблях, направлявшихся в Салоники. Лебрен выдавала себя за сообщницу этих женщин. Впоследствии две дамы были осуждены и расстреляны [8].

вдовам, сиротам и ветеранам, которых было значительно больше [8, р. 154]. Подобная ситуация характерна как для женщин, так и для мужчин – солдат тайного фронта. На наш взгляд, это было также связано с разногласиями между общественным мнением, которое стремилось «превратить» шпиона в героя, придать социальную важность своим усилиям в годы войны и позицией официальных властей, которая оставалась во многом консервативной. Как отмечал Э. Дебрейн, французы и бельгийцы, завербованные спецслужбами, позитивно встретили «переименование» своей «должности» из шпиона в агента-наблюдателя, кроме того, они стремились «милитаризировать» свой статус, хотели ощутить себя настоящими солдатами, принимать присягу и получить общественное признание. Они были крайне разочарованы отсутствием подвижек в этой сфере после войны [11, р. 61].

Таким образом, тотальная война и мобилизационные практики Первой мировой войны были направлены на сознание не только мужчин, но и женщин. Растущее участие гражданского населения в войне способствовало стиранию различий между комбатантами и некомбатантами, поэтому шпионаж, ставший массовым в начале XX в., с недостаточно развитой системой охраны государственной тайны, принимал в свои ряды многих желающих, не выделяя какой-либо пол как более или менее способный к шпионскому делу. Мужчины и женщины обладали разными разведывательными возможностями и способностями, органично дополняли друг друга. Потенциальные сложности были связаны не с гендерными различиями, но с неразвитостью разведывательного и контрразведывательного дела к началу Великой войны. Как и мужчины, женщины проходили краткосрочное обучение разведывательному ремеслу: идентификации вражеских подразделений и техники, способам передачи информации своим кураторам [12, р. 76]. При этом в отличие от мужчин-шпионов женщины были гораздо более медийными персонами: вероятно, это было связано с потребностями пропаганды – необходимостью подчеркнуть, что в новом мировом конфликте даже женщина готова воевать и рисковать своей жизнью.

Список литературы

1. Клембовский В. Организация военного шпионства в Австрии // Военно-исторический сборник. 1921. Вып. 4. С. 94–104.
2. Крозье Ж. Тайные миссии. Записки агента французского Второго бюро штаба армий. М. : Principium, 2020. 224 с.
3. Лаказ Л. Четыре года разведывательной работы (1914–1918 гг.). М. : Государственное военное издательство Наркомата Обороны Союза ССР, 1937. 135 с.
4. Паутина. Система германского шпионажа. М. : В. Португалов, 1915. 125 с.
5. Пинто О. Охотник за шпионами. М. : Воениздат, 1959. 222 с.
6. Рише М. Агент-двойник // С риском для жизни. М. : Политиздат, 1991. URL: http://militera.lib.ru/memo/french/riche_r_m/index.html (дата обращения: 18.10.2023).
7. Antier C. *La guerre secrète des résistantes et espionnes françaises et belges en 1914–1918?* // *La Résistance en France et en Belgique occupées (1914–1918)*. Lille : Publications de l'Institut de recherches historiques du Septentrion, 2013. URL: <http://books.openedition.org/irhis/3342> (дата обращения: 10.10.2023). DOI: 10.4000/books.irhis.3342.
8. Antier C. Resister, espionner: nouvelle fonction pour la femme en 1914–1918 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2008. № 4. Pp. 143–154. DOI: 10.3917/gmcc.232.0143.
9. Contre-espionnage. Souvenirs vécus et inédits du commissaire Faux-Pas Bidet // *Le Matin* (Paris). 1937. 28 Mai.
10. Coquart E. Marthe Richard, de la petite à grande vertu. P. : Payot, 2006. 297 p.
11. Debruyne E., van Ypersele L. De la guerre de l'ombre aux ombres de la guerre. Bruxelles : Éditions Labor, 2004. 316 p.
12. Debruyne E. «Une guerre des femmes»? L'engagement féminin dans les réseaux de renseignement en Belgique et en France occupées // *Revue de recherches sur le renseignement*. 2022. № 1. Pp. 69–96. DOI: 10.18278/rrr.1.1.5.
13. Dewerpe A. Espion, une anthropologie historique du secret d'Etat contemporain. P. : Gallimard, 1994. 478 p.
14. Doucet M.-M. Héros et héroïnes: stéréotypes et représentations genrés dans la littérature patriotique de la Grande Guerre en France (1914–1919). Thèse présentée à la faculté des études supérieures et de la recherches en vue de l'obtention de la maîtrise ès arts en histoire. Département d'Histoire-Géographie, faculté des Arts et des Sciences Sociales. Mai 2010. 201 p.
15. Kauffer R. Les femmes de l'ombre. L'histoire occultée des espionnes. P. : Perrin, 2019.
16. Lahaie O. Pratique du renseignement humain en France pendant la Grande Guerre: permanences et évolutions // *Espionnage et renseignement pendant la Première Guerre mondiale*. Actes du colloque

international organisé par l'Académie du renseignement le 26 novembre 2014. P. : La documentation française, 2017. Pp. 123–144.

17. *Maunoury H.* Police de Guerre (1914–1919). P. : Editions de la Nouvelle Revue critique, 1937. 222 p.

18. Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE). Fond Philippe Berthelot. Service de propagande, Russie (nov. 1915 – fev. 1917). Programme de propagande en Russie.

19. *Miller M.* Shanghai on the métro. Spies, intrigue, and the French between the wars. Berkeley : University of California Press, 1994. 448 p.

20. *Naour J.-Y., Le.* Épouses, marraines et prostituées: le repos du guerrier, entre service social et condamnation morale // Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre. Paris : Autrement, 2004.

21. *Proctor T.* Female intelligence. Women and Espionage in the First World War. N. Y. : New York University Press, 2003.

22. Service historique de la Défense, Terre (SHD/T). 7 NN 2431. Organisation du Service de Renseignement. Annexe II. Recrutement et Instruction des Recruteurs et des Indicateurs.

23. *The sexual history of the World War.* N. Y. : Cadillac Publishing Co, 1941. 346 p.

24. *Zimmer L.* Un septennat policier. Dessous et secrets de la police républicaine. P. : Fayard, 1967. 240 p.

A female spy in France during the First World War

Galkina Yulia Mikhailovna

PhD of Historical Sciences, associate professor of the Department of Theory and History of International Relations, associate professor of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University, Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0002-4863-5027. ResearcherID: AAE-4045-2020.
E-mail: galkinskaya@gmail.com.

Abstract. The article is devoted to the specifics of women's activities in the "mass espionage" of the early XX century. The First World War led to the emergence of new practices of confrontation and specific strategies for mobilizing the population. Thus, women, whose social appearance traditionally meant realization in the bosom of the family, have become an object of propaganda and a resource that can be used in the fight against the enemy. The author of the article traces the main channels of attracting women to the war of the special services, reconstructs the attitude of professional intelligence officers to female spies, examines the motivations of women entering this kind of service. As a conclusion, the idea is proposed that female gender did not have a negative context when selecting intelligence agents: women had important intelligence capabilities and abilities different from men's, and the general underdevelopment of intelligence and counterintelligence in the early twentieth century. It did not allow us to assert an unambiguously positive experience of using men (compared to women) in the war of the special services. This article is relevant due to the weak research attention in relation to the role of women in the wars of the special services in French historiography, as well as in the context of the politicization of the so-called "gender history" in the historiography of the United States and Western countries. The author draws attention to the current (mainly in Anglo-American historiography) trend of "deconstruction" of the image of Mata Hari as an "antiheroine" of the special services, which for a long time set specific guidelines for the perception of a female spy as a femme fatale, meanwhile, Mata Hari was a characteristic image of the era, and not an exception to non-existent rules.

Keywords: espionage, French women, gender history, World War I, France, Mata Hari.

References

1. *Klembovskij V.* Organizaciya voennogo shpionstva v Avstrii [Organization of military espionage in Austria] // *Voенно-istoricheskij sbornik* – Military historical collection. 1921. Is. 4. Pp. 94–104.

2. *Crozier J.* Tajnye missii. Zapiski agenta francuzskogo Vtorogo byuro shtaba armij [Secret missions. Notes of an agent of the French Second Bureau of the Army Headquarters]. M. Principium. 2020. 224 p.

3. *Lakaz L.* Chetyre goda razvedyvatel'noj raboty (1914–1918 gg.) [Four years of intelligence work (1914–1918)]. M. State Military Publishing House of the People's Commissariat of Defense of the USSR. 1937. 135 p.

4. *Pautina.* Sistema germanskogo shpionazha – The web. The system of German espionage. M. V. Portugalov. 1915. 125 p.

5. *Pinto O.* Ohotnik za shpionami [The Spy Hunter]. M. Voenizdat. 1959. 222 p.

6. *Richet M.* Agent-dvojniki [Double agent] // *S riskom dlya zhizni* – At risk to life. M. Politizdat. 1991. Available at: http://militera.lib.ru/memo/french/richer_m/index.html (date accessed: 18.10.2023).

7. *Antier C.* La guerre secrète des résistantes et espionnes françaises et belges en 1914–1918? // *La Résistance en France et en Belgique occupées (1914–1918)*. Lille : Publications de l'Institut de recherches historiques du Septentrion, 2013. Available at: <http://books.openedition.org/irhis/3342> (date accessed: 10.10.2023). DOI: 10.4000/books.irhis.3342.

8. *Antier C.* Resister, espionner: nouvelle fonction pour la femme en 1914–1918 // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2008. No. 4. Pp. 143–154. DOI: 10.3917/gmcc.232.0143.
9. *Contre-espionnage. Souvenirs vécus et inédits du commissaire Faux-Pas Bidet* // *Le Matin* (Paris). 1937. 28 Mai.
10. *Coquart E.* Marthe Richard, de la petite à grande vertu. P. : Payot, 2006. 297 p.
11. *Debruyne E., van Ypersele L.* De la guerre de l'ombre aux ombres de la guerre. Bruxelles : Éditions Labor, 2004. 316 p.
12. *Debruyne E.* «Une guerre des femmes»? L'engagement féminin dans les réseaux de renseignement en Belgique et en France occupées // *Revue de recherches sur le renseignement*. 2022. No. 1. Pp. 69–96. DOI: 10.18278/rrr.1.1.5.
13. *Dewerpe A.* Espion, une anthropologie historique du secret d'Etat contemporain. P. : Gallimard, 1994. 478 p.
14. *Doucet M.-M.* Héros et héroïnes: stéréotypes et représentations genrés dans la littérature patriotique de la Grande Guerre en France (1914–1919). Thèse présentée à la faculté des études supérieures et de la recherche en vue de l'obtention de la maîtrise ès arts en histoire. Département d'Histoire-Géographie, faculté des Arts et des Sciences Sociales. Mai 2010. 201 p.
15. *Kauffer R.* Les femmes de l'ombre. L'histoire occultée des espionnes. P. : Perrin, 2019.
16. *Lahaie O.* Pratique du renseignement humain en France pendant la Grande Guerre: permanences et évolutions // *Espionnage et renseignement pendant la Première Guerre mondiale. Actes du colloque international organisé par l'Académie du renseignement le 26 novembre 2014*. P. : La documentation française, 2017. Pp. 123–144.
17. *Maunoury H.* Police de Guerre (1914–1919). P. : Editions de la Nouvelle Revue critique, 1937. 222 p.
18. Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve (AMAE). Fond Philippe Berthelot. Service de propagande, Russie (nov. 1915 – fev. 1917). Programme de propagande en Russie.
19. *Miller M.* Shanghai on the métro. Spies, intrigue, and the French between the wars. Berkeley : University of California Press, 1994. 448 p.
20. *Naour J.-Y., Le.* Épouses, marraines et prostituées: le repos du guerrier, entre service social et condamnation morale // *Combats de femmes 1914–1918. Les femmes, pilier de l'effort de guerre*. Paris : Autrement, 2004.
21. *Proctor T.* Female intelligence. Women and Espionage in the First World War. N. Y. : New York University Press, 2003.
22. Service historique de la Défense, Terre (SHD/T). 7 NN 2431. Organisation du Service de Renseignement. Annexe II. Recrutement et Instruction des Recruteurs et des Indicateurs.
23. *The sexual history of the World War*. N. Y. : Cadillac Publishing Co, 1941. 346 p.
24. *Zimmer L.* Un septennat policier. Dessous et secrets de la police républicaine. P. : Fayard, 1967. 240 p.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94+004(41/99)«197»

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.056

Несостоявшееся сотрудничество: ЭВМ и компьютерные технологии в контексте научно-технического взаимодействия сверхдержав в 1970-е гг.*

Ильин Дмитрий Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-8034-2072.
ResearcherID: N-7521-2016. E-mail: dimahist@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу трансфера компьютеров и компьютерных технологий между США и СССР в условиях разрядки международной напряженности 1970-х гг. На основании документов отечественных архивов (РГАНИ и РГАЭ), опубликованных англоязычных источников рассмотрены характерные черты и тенденции развития советской компьютерной индустрии на фоне американского бенчмарка, оценки советских ЭВМ и их производства американскими разведчиками, экспертами, политиками, а также коммерческое и научно-техническое взаимодействие отдельных компьютерных фирм США («Hewlett-Packard», «IBM», «Control Data») с советскими партнерами. Автор приходит к следующим выводам. Во-первых, отставание СССР от Соединенных Штатов в области компьютерной техники осознавалось советским руководством как значимая проблема, и в качестве одного из инструментов преодоления этого разрыва рассматривались научно-техническое и торговое сотрудничество с американскими компаниями. Во-вторых, даже в условиях разрядки коммерческие контакты с американскими производителями компьютерной техники подразумевали преодоление барьеров экспортного контроля США, американцы по-прежнему были склонны считать передаваемые Советам компьютеры общего назначения угрозой своей национальной безопасности. В-третьих, далеко не все американские фирмы были готовы идти на серьезное научно-техническое сотрудничество с Советским Союзом (случай «IBM»), а если такое сотрудничество и начиналось, то его результаты нельзя назвать прорывными для советской компьютерной отрасли (случаи «Hewlett-Packard» и «Control Data»). В целом ни введенные в 1980 г. администрацией Картера санкции против поставок высокотехнологичной продукции, ни низкая результативность сотрудничества с США не нанесли непоправимый вред советской индустрии ЭВМ. Однако и качественный прорыв в ее развитии в рассмотренный период не произошел.

Ключевые слова: разрядка, советско-американские отношения, высокие технологии, трансфер технологий, компьютеры.

Введение. Разрядка международной напряженности, охватывающая период с конца 1960-х гг. по рубеж 1970–1980-х гг., сопровождалась не только рядом важных договоренностей между США и СССР в области ограничения вооружений и урегулированием отдельных региональных проблем, но и активизацией сотрудничества сверхдержав в торгово-экономической и научно-технической сферах. За первую половину 1970-х гг. было оформлено более десятка межправительственных соглашений о сотрудничестве, охватывающих широкий перечень сфер, от космоса и медицины до сельского хозяйства и жилищного строительства. К концу десятилетия перечень успешно реализуемых научно-технических проектов ученых двух стран насчитывал несколько десятков пунктов, а количество соглашений о сотрудничестве с американскими частными фирмами перевалило за шестьдесят [8, с. 377, 390]. Заметные успехи были достигнуты в области химического катализа, разработки МГД-генераторов, искусственного сердца. В июле 1975 г. состоялась историческая стыковка на околоземной орбите «Союза» и «Аполлона» с проведением программы совместных экспериментов.

© Ильин Дмитрий Владимирович, 2023

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01876.

В большом перечне областей и сфер взаимодействия Соединенных Штатов и Советского Союза область электроники и компьютеров занимала специфическое место. С одной стороны, обе сверхдержавы обладали значительным научно-техническим потенциалом в данной сфере, что теоретически могло создавать условия для плодотворного и конструктивного взаимодействия сторон и здесь. Сам исторический контекст эпохи ранней глобализации, с нарастающими тенденциями взаимозависимости и взаимодополняемости разных стран и регионов [46], этому должен был способствовать. С другой стороны, электроника и вычислительная техника неразрывно были связаны с военно-промышленным комплексом в двух государствах, чьи секреты и «внутренняя кухня» охранялись особенно тщательно в условиях холодной войны [22, с. 54–55]. Соответственно, научно-техническое сотрудничество высокого уровня сложности, подразумевающее не просто трансфер технологий и продукции, но также совместные разработки и совместное создание высокотехнологичной продукции, требовало «стыковки» не только в научных, организационных, коммерческих вопросах, но и принципиальных решений на уровне органов национальной безопасности.

Указанные факторы во многом определили специфику отражения в историографии сюжетов и проблем взаимодействия сверхдержав в компьютерной области. Становлению и развитию советской кибернетики, оформлению отрасли отечественной микроэлектроники, судьбе конкретных моделей и систем посвящено немало работ как в отечественной [1; 2, с. 145–170; 3; 9; 21], так и в зарубежной историографии [32; 37]. Вместе с тем вопросы советско-американского взаимодействия сравнительно редко становились предметом отдельного внимания исследователей. Вслед за обзорной статьей 1979 г. за авторством Сеймура Гудмана [34], основанной на данных текущей американской аналитики и публикациях советской периодики, трансфер компьютерных технологий Запада (и в первую очередь – из США) в страны социалистического лагеря затрагивался в рамках нескольких обобщающих коллективных работ [27; 47; 48], в монографиях [36; 39] и в отдельных статьях [30; 35]. На современном этапе наиболее заметными публикациями следует признать статью и монографию Ф. Кейна, в которых автор основное внимание уделяет периоду 1950-х – первой половине 1970-х гг. [25; 26]. Заложенную еще в период холодной войны историографическую традицию изучения экспортного контроля продолжила опубликованная в 2013 г. книга Б. Чепмена [27]. Схожей тематике посвящена публикация К. Лесли, в которой рассматривается практика контроля за компьютерными технологиями по линии СОСОМ в 1950-е – начале 1990-х гг. [38].

Таким образом, можно констатировать, что компьютерная проблематика как элемент взаимодействия США и СССР в научно-технической сфере пока еще в недостаточной мере отражена в историографии. В настоящей статье автор стремился затронуть взаимодействие сверхдержав в области ЭВМ и сопутствующих технологий не только в контексте существовавших ограничений и запретов, но и возможностей сотрудничества эпохи разрядки, не реализованных в силу этих запретов и отдельных политических решений.

Модернизация компьютерной промышленности СССР в 1960–1970-е гг. Важной вехой в развитии отечественного производства электроники стало постановление Совмина СССР от 30 декабря 1967 г. «О дальнейшем развитии разработки и производства средств вычислительной техники», согласно которому в отрасли предполагалось к концу IX пятилетки (1975 г.) совершить серьезный количественный и качественный скачок: нарастить выпуск средств вычислительной техники более чем в 4,5 раза (до 2,1 млрд руб.), реконструировать 56 действующих и построить 40 новых заводов, разработать в течение 1970–1972 гг. и запустить в производство типовой комплекс ЭВМ «Ряд» третьего поколения [10, л. 42]. Но уже на ранних стадиях реализация проекта столкнулась с рядом трудностей. Отдел оборонной промышленности ЦК КПСС в июне 1969 г. фиксировал существенное отставание от графика ввода новых производственных мощностей, недофинансирование строительных работ, а также задержку на 6–12 месяцев в разработке новых ЭВМ. Имелись проблемы и с финансированием закупок импортного оборудования для предприятий [10, лл. 43–44, 68–71].

Большая часть затруднений так или иначе преодолевалась, но зачастую – с сохранением или увеличением отставания в разработке и производстве ЭВМ не только и не столько от внутренних планов, а от лучших мировых ориентиров, в частности – от Соединенных Штатов. В докладе Государственного комитета при Совете министров СССР по науке и технике (ГКНТ), направленном в ЦК КПСС в мае 1973 г., отмечалось отставание СССР от США, Японии и ряда западноевропейских государств не только по количественным показателям валового производства, размеру имеющегося парка ЭВМ, доле вычислительной техники в капитальных вло-

жениях, но также по качественной структуре парка вычислительных машин и эффективности их использования. В частности, в США на долю малых и мини-ЭВМ уже в 1970 г. приходилось 56,1 % имеющегося парка, а к 1975 г. прогнозировалось увеличение показателя до 71,6 % при снижении доли других сегментов (средних, больших и сверхбольших). Для Советского Союза была характерна иная тенденция – усиленный рост доли средних ЭВМ (до 60 % к 1975 г.) при полном отсутствии сверхбольших машин. Советские ЭВМ работали в среднем 49 % от календарного фонда времени, американские – 64 % [11, лл. 21–24, 34–35]. Причины такого разрыва аналитики ГКНТ видели в организационной и технической неподготовленности советских пользователей, дефиците программ и периферийных устройств, недостатке квалифицированных кадров, преобладании автономных форм использования мощностей [11, лл. 24–25]. Наконец, к 1975 г. предполагалось, что большую часть советского парка ЭВМ будут составлять машины второго поколения (80 %), а в США – третьего (95 %). В целом же отставание советской компьютерной отрасли от ведущих мировых образцов оценивалось в 5–8 лет [11, лл. 35, 42].

Для сокращения имеющегося разрыва специалистами ГКНТ предлагалось: существенно увеличить финансирование отрасли в X пятилетке (1976–1980); ускорить создание Общегосударственной системы передачи данных (ОГСПД) и обеспечить развертывание систем обработки информации коллективного пользования; максимально сократить производство ЭВМ 2 поколения, использовав освободившиеся мощности для производства периферийных устройств; договориться с западными фирмами о строительстве в СССР на компенсационной основе заводов по производству периферийного оборудования и запоминающих устройств на сменных магнитных дисках; организационное совершенствование внедрения и использования ЭВМ и автоматизированных систем управления (АСУ) [11, лл. 41–44].

Динамику развития компьютерной отрасли дает возможность увидеть еще один аналитический доклад, подготовленный ГКНТ по поручению Президиума Совмина СССР в конце 1979 г. В докладе рассматривались состояние отрасли на 1 января 1979 г. и произошедшие в ней изменения за период VIII–X пятилеток. В нем отмечались несомненные позитивные эффекты от внедрения АСУ в экономику страны. Только за 1971–1975 гг. они обеспечили экономии средств на 1,85 млрд рублей, по периоду 1976–1980 гг. ожидалась экономия 3,8 млрд рублей [13, л. 6]. Также эксперты ГКНТ отмечали количественные и качественные изменения в производстве и разработке советских компьютеров: только за 1978 г. объем производства вычислительной техники составил 3,34 млрд рублей, росло производство мощных ЭВМ с производительностью более 500 тыс. операций/сек, увеличился выпуск малых и мини-ЭВМ, с 1977 г. началось производство микро-ЭВМ, было освоено производство микропроцессорных комплектов больших интегральных схем, развернуты работы по созданию серии «Ряд-3» и супер-ЭВМ «Эльбрус-3» [13, лл. 14–15].

Вместе с тем специалисты констатировали продолжающееся отставание отрасли от лучших зарубежных (т. е. американских) аналогов. Физический размер парка ЭВМ в СССР (25700 машин) соответствовал показателям Соединенных Штатов середины 1960-х гг. Доля малых, мини- и микро-ЭВМ составляла 60 % против 86 % у американцев, средняя производительность ЭВМ в Советском Союзе составляла 70 тыс. операций/сек, американской – 330 тыс. Гораздо выше был моральный износ советских компьютеров: доля машин III поколения насчитывала 35 % в СССР против 98–99 % в США, при этом к концу 1970-х гг. в Америке уже снимали с эксплуатации как устаревшие ЭВМ III поколения, выпущенные в конце 1960-х – начале 1970-х гг. [13, лл. 8–9]. В докладе фиксировались уже известные проблемы с дефицитом периферийных устройств, низкой загрузкой многих работающих ЭВМ, нехваткой квалифицированного персонала. Среди новых – по сравнению с первой половиной десятилетия – назывались такие сложности, как медленное развертывание вычислительных центров коллективного доступа (ВЦКД) и неудовлетворительные темпы работы по развертыванию ОГСПД, отставание от капиталистических стран в области средств телеобработки и передачи данных [13, лл. 10–13, 17–19]. Для преодоления имеющихся затруднений ГКНТ предлагался широкий комплекс мероприятий организационного, научно-технического, финансового характера, начиная с ускоренного внедрения коллективных форм использования ЭВМ и выделения в XI пятилетке дополнительных 1,74 млрд рублей капитальных вложений на модернизацию технологии и реконструкцию производственных мощностей, и заканчивая импортом не менее 15 тыс. магнитных дисков, а также оборудования, лицензий и ноу-хау по производству специализированных устройств и магнитных накопителей для микро-ЭВМ [13, лл. 22–

27]. Обратим особое внимание, что в отличие от аналогичного доклада 1973 г. в качестве возможных контрагентов в 1979 г. не назывались (во всяком случае, напрямую) американские фирмы, что, по всей видимости, было обусловлено и изменившимся политическим климатом в отношениях Москвы и Вашингтона, и накопленным неоднозначным опытом взаимодействия с американцами в данной сфере.

Советские ЭВМ: взгляд из-за океана. В силу стратегической значимости компьютерной отрасли и для всей советской экономики в целом, и для оборонно-промышленного комплекса – в частности, развитие компьютерной индустрии Советского Союза находилось под пристальным вниманием аналитиков американской разведки, экспертного сообщества, политиков.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. «красными нитями» через аналитические обзоры ЦРУ, посвященные советской компьютерной индустрии, проходили две сквозные идеи. Во-первых, аналитики разведки фиксировали ощутимое отставание Советского Союза – как количественное, так и качественное – в области компьютерных технологий, и пессимистически оценивали перспективы его сокращения. Так, в июньском докладе 1969 г. задержка в развитии советской технологии производства компьютеров и периферийного оборудования по сравнению с западной оценивалась в 5 лет. Отмечалось, что большая часть советских ЭВМ относится лишь ко II поколению, и максимальная производительность наиболее мощных советских машин уступает американским аналогам примерно в 6 раз [44, pp. 5, 12–13]. По оценкам более позднего документа (от апреля 1971 г.) парк советских ЭВМ в конце 1970 г. количественно уступал американскому примерно в 10 раз, также специалисты ЦРУ указывали на слабость оснащения ЭВМ периферийными устройствами и примитивный уровень программного обеспечения [49, p. 10].

Во-вторых, в ЦРУ четко понимали, что советская сторона осознает свое отставание от Запада в данной стратегической области и стремится его преодолеть, в том числе – за счет западных технологий и оборудования. Документы американской разведки 1971–1972 гг. фиксировали устойчивое как минимум с 1969 г. – стремление Советского Союза к приобретению в капиталистических странах устройств тестирования, монтажных установок, систем автоматизированного проектирования и распыления тонкопленочных покрытий и иного специализированного оборудования и комплектующих для производства интегральных схем [41, p. 11; 49, p. 3]. Также в ЦРУ были прекрасно осведомлены, что компьютеры семейства IBM-360, доступ к которым различными путями получили советские ученые и инженеры, послужили прототипами для семейства советских ЭВМ «Ряд». Ожидаемые эффекты от такого рода «заимствований» аналитиками разведки оценивались со скепсисом. В документе 1973 г. прогнозировалось, что созданные ЭВМ «Ряд» будут качественно уступать американским прототипам в силу отсутствия новейших технологий контроля качества, более низкой квалификации рабочей силы и негибкости советских «индустриальных практик». Массовое производство «Рядов» виделось авторам документа затруднительным без дополнительных закупок оборудования и технологий на Западе. При этом прогнозировалось, что импорт ЭВМ с Запада будет иметь серьезные масштабы (несколько сотен миллионов долларов за 3–4 года), но будет использоваться сугубо в решении тех задач, которые окажутся непосильны для советских машин [42, pp. 18–19].

Во второй половине 1970-х гг. тональность и смысловое наполнение документов ЦРУ о советских компьютерах и компьютерной индустрии принципиально не изменились. Доклад 1976 г. фиксировал немалые усилия СССР по приобретению оборудования для производства полупроводников – за 1973–1975 гг. для этих целей было потрачено порядка 40 млн долларов. Но при этом подчеркивалась ожидаемая невысокая эффективность приобретенного оборудования без получения соответствующих технологий и ноу-хау [54, pp. 1–2]. В обзоре программы производства ЭВМ «Ряд» (сентябрь 1977 г.) отмечались существенные трудности как в производстве новой линейки ЭВМ (10–15 % от намеченного объема за IX пятилетку), так и в их внедрении (низкая интенсивность использования, нехватка персонала, большие затраты усилий на адаптацию или переписывание программного обеспечения, отсутствие оборудования для сетевой передачи данных). Также подчеркивалась роль западного оборудования и технологий, легально и нелегально приобретаемых Советским Союзом и восточноевропейскими государствами, в выполнении задач развития компьютерной индустрии [43, pp. 3, 4–5, 10].

Оценки советских ЭВМ и их производства независимыми экспертными организациями имели много общих точек соприкосновения с документами разведки. Например, в мае 1975 г.

корпорация «РЭНД» провела по заказу ВВС США сравнительное исследование перспектив развития ЭВМ в Советском Союзе и Соединенных Штатах. Соотношение текущего парка вычислительных машин оценивалось ими как 170 тыс. против 27 тыс. в пользу США, к 1980 г. прогнозировалось достижение Америкой уровня 630 тыс. единиц (включая полмиллиона микро-ЭВМ), а советской стороной – 40 тыс. машин [12, л. 25]. В плане качественных показателей отставание СССР оценивалось в поколение, поскольку серия «Ряд» основывалась на линейке IBM-360, внедрение которой началось еще в 1963–1964 гг. Также отмечались такие черты советских ЭВМ, как низкая надежность, отсутствие своего производства микро-ЭВМ, слабость математического обеспечения (хотя насчет последнего имеющееся отставание в 5–10 лет американские эксперты считали более легко преодолимым). Авторы доклада превосходство американских технологий ЭВМ расценивали как залог опережающих темпов разработки новых вооружений и потому считали недопустимой их «утечку» в страны соцлагеря [12, лл. 26–27].

В первой половине 1970-х гг. публичные выступления политиков Капитолия по тематике технологического соперничества США и СССР были не столь частыми, но в тех случаях, когда тема затрагивалась, сенаторы и конгрессмены предпочитали смотреть на главного соперника сверху вниз. Высказывания, подобные заявлению конгрессмена Л. Арендса (респ., Иллинойс) весной 1970 г. во время дебатов о дополнительных оборонных ассигнованиях («Советский Союз близок к перехвату технологического лидерства у США!» [50, р. 13396]) следует считать скорее исключением, чем правилом. Наметившийся тренд гораздо лучше отражало выступление конгрессмена Д. Эшбрука (респ., Огайо) в октябре 1973 г. Он полагал, что советская промышленность (в том числе и военная) в значительной степени создана и функционирует благодаря поставкам западных технологий, в том числе американских ЭВМ. Подобную торговлю конгрессмен считал нерациональной и аморальной, и предлагал использовать технологическую зависимость СССР от Запада для оказания давления на Москву и обеспечения американских интересов: «Мы можем остановить Советы в Ханое, на Ближнем Востоке, на Кубе и везде, где только пожелаем, без использования пушки и чего-то более опасного, чем лист бумаги и телефонный звонок» [51, pp. 34934–34936].

Позиция Эшбрука не изменилась и в 1975 г., когда он подверг критике выдачу американским Министерством торговли лицензии на поставку компанией «Сперри рэнд» системы бронирования билетов для «Аэрофлота». «Не в наших интересах усиливать Советский Союз американскими технологиями», – отмечал политик, считавший, что администрация Дж. Форда «слишком легко» разрешила сделку [52, р. 18766]. В декабре 1975 г. влиятельный сенатор Р. Бирд (незав., Вирджиния) направил госсекретарю Г. Киссинджеру и министру торговли Р. Мортону предложение ввести временный мораторий на продажу или обмен с Советским Союзом «чувствительными и крайне разносторонними технологиями» компьютерной сферы, и возобновить такую торговлю после тщательной проработки вопроса и только теми технологиями, которые не несут угрозу национальной безопасности США [52, р. 41508]. Свою инициативу коллегам-сенаторам Бирд объяснял данными из докладов разведки, согласно которым СССР только за 1974 г. приобрел на Западе компьютеры и сложное оборудование для их производства на 2,7 млрд долларов, в т. ч. в США – на 500 млн. По информации Бирда, советская сторона не преуспела в адаптации компьютерных технологий к процессам гражданского производства, однако «получила очень хорошие результаты в военной сфере». Сенатор был не против торговли или научно-технического сотрудничества как таковых, но полагал, что трансфер технологий лучше осуществлять в тех областях, которые не ставят под угрозу технологическое превосходство Америки и ее безопасность [52, р. 41507].

Взаимодействие с компьютерными фирмами США. На исследуемом хронологическом отрезке взаимодействие в компьютерной сфере между Советским Союзом и Соединенными Штатами целесообразно рассматривать в двух взаимосвязанных, но имеющих свою специфику аспектах – коммерческом и научно-техническом. Внутри каждого имелись свои «рамки» нормативно-правового, политического или экономического характера, которые препятствовали достижению максимальных высот.

Количественные параметры торговли ЭВМ и сопутствующим оборудованием между США и СССР в официальных статистических сборниках демонстрируют общую динамику данного явления, однако имеющиеся данные не позволяют судить о таких важных параметрах торговли, как количество машин того или иного типа, их рабочие характеристики и комплектность. На протяжении 1970-х гг. поставки вычислительных машин из США на советский

рынок, как правило, возрастали достаточно быстрыми темпами. Американские фирмы с 1975 г. захватили лидерство среди стран капиталистического лагеря по работе с советскими партнерами, однако даже в пиковые 1978–1979 гг. продукция США занимала лишь 20 % от объема советского импорта по данному направлению¹.

Таблица 1

**Советский импорт вычислительной техники из капиталистических государств,
в тыс. руб.²**

Государство-поставщик	1974 ³	1975	1976	1977	1978	1979	1980
США	3039	8531	15520	8404	24760	30609	4719
Япония	3568	3740	5689	2009	911	2726	1130
Великобритания	1069	887	2565	1007	1532	3697	3999
Франция	137	994	7518	2386	3712	5475	8912
По всем группам стран за год	66916	94755	119740	77445	120092	148773	131240

Относительно небольшая доля американских компьютеров во многом объясняется сложностью процедур экспортного контроля в США. Американская фирма, желающая поставить технологичную продукцию в соцстраны, изучала контрольные списки (Commodity Control List, CCL) на предмет соответствия ее параметров допустимым критериям. Далее следовала подача заявления на лицензию в специализированное подразделение Министерства торговли – Бюро управления экспортом (Office of Export Administration). Заявление рассматривалось на специальной межведомственной комиссии с участием представителей Минторга, Госдепартамента, Минобороны, ЦРУ, НАСА, Комиссии по атомной энергии. В случае положительного решения межведомственной комиссии требовалось также согласование сделки с многосторонним Комитетом по экспортному контролю (COCOM), который объединял в своих рядах большинство членов НАТО и Японию. Четких и однозначных критериев для рассмотрения и оценки заявлений не существовало, и судьба сделки де-факто зависела от комбинации множества факторов, начиная с упорства фирмы-экспортера и заканчивая изменчивой конъюнктурой международных отношений [55, pp. 499–500].

Несмотря на политико-бюрократические препоны у себя дома и сложности налаживания деловых контактов в чужой стране, американские фирмы успешно выходили на рынок Советского Союза. Одним из первопроходцев на новой для себя территории являлась фирма «Хьюлетт-Паккард», чьи первые контакты с учеными Сибирского отделения АН СССР состоялись еще во второй половине 1960-х гг. В сентябре 1970 г. президент фирмы У. Паккард и один из ведущих разработчиков Т. Осборн выступили на конференции в Институте автоматизации и электрометрии СО АН СССР с докладами об перспективах мини-ЭВМ. Во время визита в СССР вице-президент по исследованиям и разработкам Б. Оливер после встречи с академиком Г. И. Марчуком в мае 1971 г. высказал заинтересованность в разработке с учеными Сибирского отделения операционной системы для совместной работы 2000 НР и советской БЭСМ-6 [15, лл. 51–53]. На встрече с руководством ГКНТ в Москве Оливер пошел еще дальше и заявил о готовности фирмы использовать идеи советских ученых в промышленной практике или организовать серийное изготовление советских приборов, находящихся в стадии опытного производства, с оплатой валютой либо предоставлением прав на американскую технологию производства. Американского менеджера интересовала как можно более полная информация о таких приборах. Реакция руководителей ГКНТ на предложения «Хьюлетт-Паккард» была сдержанной, было решено ограничиться на текущей стадии направлением конкретных предложений 2–3 наименованиями а дальнейшее сотрудничество строить на основании взаимной заинтересованности сторон [14, лл. 24–25].

¹ С учетом хороших, но не астрономических показателей государств СЭВ в эти же годы общая сумма импорта выглядит, на наш взгляд, несколько завышенной, а показатели по странам – заниженными. Можно предположить, что в разрезе отдельных стран какая-то часть импортируемой техники, являясь де-факто ЭВМ, могла учитываться в статистике как оборудование для химической, автомобилестроительной и иных отраслей промышленности, лабораторное или медицинское оборудование. Сами американцы, к примеру, оценивали объем своих компьютерных поставок в СССР по итогам 1979 г. в 216 млн долларов [23, p. 24].

² Подсчитано по: [4; 5; 6; 7].

³ Сборники до 1974 г. также содержат данные об импорте ЭВМ, однако суммы в них даются с иным охватом пунктов номенклатуры, поэтому для корректности эти данные нами не приводятся.

В мае 1973 г. между ГКНТ и «Хьюлетт-Паккард» было заключено рамочное соглашение о научно-техническом сотрудничестве, предусматривавшее обмен специалистами, организацию лекций, симпозиумов, консультаций, а также совместные исследования и разработки, другие формы взаимодействия (вплоть до обмена или приобретения ноу-хау, патентов и лицензий) в области медицинской электроники, измерительных приборов и применения мини-ЭВМ [16, лл. 47–51]. По изученным источникам пока не представляется возможным с высокой достоверностью судить о качественном уровне научно-технического сотрудничества с «Хьюлетт-Паккард» за рамками наиболее простых форм кооперации (семинары, курсы обучения технических специалистов, обслуживание поставленной техники и т. д.). Однако с уверенностью можно утверждать, что коммерческие контакты фирмы в СССР развивались успешно. Только к 1972 г. в советских организациях было установлено более 20 вычислительных систем «НР» стоимостью в несколько миллионов рублей [15, л. 7]. В число партнеров фирмы в течение десятилетия кроме нескольких научных учреждений АН СССР (Институт высоких температур, Институт автоматики и телеметрии и др.) входили математический факультет МГУ, Московский институт стали и сплавов, Академия народного хозяйства, всесоюзные объединения «Лицензинторг» и «Техмашэкспорт» и некоторые другие организации [15, л. 7; 20, лл. 199–200].

Введенный в начале 1980 г. администрацией Дж. Картера пакет санкций запретил поставки высокотехнологичного оборудования в СССР. «В текущем моменте фирма может продавать в СССР только карманные калькуляторы», – констатировал глава московского представительства «НР» П. Сипош летом 1980 г. на переговорах в ГКНТ. И хотя введенные ограничения оставляли некоторую свободу для маневра в части медицинских и измерительных приборов, урон связям фирмы с советским рынком сбыта был нанесен ощутимый [20, л. 199].

Бизнес-связи «Контрол Дэйта Корпорейшн» («CDC») с Советским Союзом подвергались ударам еще до решений Картера 1980 г. На рубеже 1960-х – 1970-х гг. фирма и советские покупатели вплотную подошли к сделке по приобретению ЭВМ модели CDC 6600, однако контролирующие органы США под политическим давлением отказали в выдаче экспортной лицензии. По всей видимости, история с CDC 6600 повлияла на выстраивание дальнейшей стратегии компании, и ставка была сделана не только на чистую коммерцию, но и на выстраивание длительных и разносторонних научно-технических связей с советской стороной. Подписанное в октябре 1973 г. соглашение о сотрудничестве с «CDC» предполагало едва ли не самую масштабную программу взаимодействия по сравнению со всеми остальными фирмами США из сектора электротехники и электроники. Предполагалось наладить совместную разработку продвинутых ЭВМ, периферийных устройств к ним, систем обработки информации, программного обеспечения, подготовку специалистов, разработку оборудования для выпуска деталей к ЭВМ, а также совместное производство этих деталей и оборудования [16, лл. 99–104]. В теории сотрудничество с «CDC» выглядело как универсальное средство от большинства «болячек» советской компьютерной отрасли, о которых упоминалось выше. По информации неназванных московских источников «Нью-Йорк Таймс», стоимость будущих коммерческих контрактов, вытекавших из рамочного соглашения, могла составить 500 млн долларов. «Еще предстоит выяснить <...>, в какой степени американо-советское сотрудничество в области компьютерных технологий будет ограничено американским стратегическим контролем над экспортом очень больших компьютеров», – прозорливо отмечал автор заметки М. Шабад [40]. Через несколько месяцев властями США было отказано в выдаче лицензий на поставку комплектного оборудования для производства пакетов магнитных дисков повышенной емкости, о чем в июне 1974 г. сообщил вице-президент фирмы Р. Шмидт во время переговоров с В. А. Трапезниковым, директором Института автоматики и телемеханики. Вместе с тем руководство фирмы не спешило отказываться от проектов создания совместных производств и стремилось получить максимум информации о состоянии советских мощностей по выпуску электронных компонентов и ЭВМ Р-50 и Р-60. Были начаты переговоры о поставке в СССР информационной системы «Сайбернет» [17, лл. 208, 210].

К концу 1970-х гг. вопрос о совместных производствах все еще находился в стадии переговоров, однако коммерческими клиентами «CDC» стали предприятия Мингеологии и Минхимпрома СССР, издательство «Советская энциклопедия», также велись переговоры с Минприбором, Госкомиздатом [18, л. 125; 19, л. 178]. Стороны предметно рассматривали возможность налаживания компьютерной сети между крупным вычислительным центром в Москве и Международным институтом прикладного системного анализа в Вене, а также изучали воз-

возможности совместных работ по рекурсивным вычислительным машинам (РКВ). Два последних сюжета в итоге ничем не закончились: приобретение дорогостоящей системы «Cyber-1000» было отложено до появления более дешевых аналогов, а в случае с РКВ советская сторона сняла предложения о сотрудничестве, видя инертность американцев на фоне правительственных ограничений в США [18, л. 174; 19, лл. 178–179; 20, л. 45].

Вопрос с преодолением барьеров экспортного контроля решался «Control Data» с переменным успехом. Если осенью 1976 г. вопрос выдачи экспортных лицензий на поставку «Cyber-73» в СССР и более легкой «Cyber-172» в КНР был решен положительно с применением стандартных гарантий и процедур контроля [30], то весной-летом 1977 г. вопрос о продаже для Гидрометеоцентра СССР дорогого (13 млн долл.) и мощного «Cyber-76» вызвал в США целый скандал. В прессе (включая влиятельную «Вашингтон Пост») и в Конгрессе в мае-июне развернулась шумная кампания, выдержанная в алармистском тоне. Основным ее лейтмотивом стало акцентирование возможности использования компьютера 4-го поколения для военных задач, несущих угрозу национальной безопасности США [53, pp. 10354–10354, 14399, 15926–15927, 16462, 16468–16469, 17230–17231]. В результате в предоставлении «CDC» экспортной лицензии было отказано [18, л. 216].

Однако единичный отказ от сделки, пусть и на внушительную сумму, не шел ни в какое сравнение с системной блокировкой поставок санкциями 1980 г. К лету 1980 г. у «CDC» «зависло» во властных органах США порядка 80 лицензий [20, л. 136]. Нечеткость формулировок в американских ведомственных инструкциях, конечно, создавала для фирмы некоторую свободу маневра в поставках для советских партнеров (к примеру, для Института высоких температур не попадающую под ограничения «Cyber-720» было решено на месте «расширить» до модели 730), но не улучшала ситуацию на системном уровне. В новых условиях фирма вынуждена была искать новые варианты сотрудничества, в частности – в области разработки программно-математического обеспечения [20, лл. 71, 108, 109, 125].

Кейс «International Business Machines» («IBM») в Советском Союзе на фоне двух других, рассмотренных выше, представляется наиболее простым и однозначным из-за той бизнес-стратегии, которой придерживалась знаменитая корпорация. Фирма стремилась сохранять контроль над всеми своими технологиями и принципиально избегала комплексного сотрудничества с совместными разработками и производствами за рамками собственно торговли. В силу этого состоявшийся в октябре 1970 г. визит в СССР делегации IBM во главе с председателем правления Т. Уотсоном-младшим был наполнен в основном философскими разговорами о выгодах компьютеризации и не увенчался договоренностями о совместных проектах [56]. Тем не менее коммерческое проникновение IBM на советский рынок состоялось и прошло вполне успешно. Ко второй половине десятилетия СССР (наравне с Югославией) стал ключевым рынком сбыта в социалистическом лагере [29, р. 372]. В 1975 г. начались поставки IBM-370 для КАМАЗа, позже в число пользователей продукции вошли гостиницы «Интурист», Астраханское судостроительное объединение, Международный центр торговли и ряд других организаций. Компьютеры IBM были поставлены для проведения Олимпийских игр 1980 г. в Москве. Введение администрацией Картера санкций серьезно ударило по советскому сегменту бизнеса, однако IBM не стала закрывать свое представительство, а через несколько лет даже наладила полулегальные поставки запчастей для проданной в СССР техники [23].

Выводы. К рубежу 1960-х – 1970-х гг. советская компьютерная индустрия и советские ЭВМ уступали своим американским визави как в количественном, так и в качественном отношении. Соединенные Штаты являлись признанным мировым лидером в области разработки, производства и применения компьютеров. В высшем советском руководстве понимали опасность отставания в этой стратегически важной и для обороны, и для народного хозяйства области, и стремились этот разрыв преодолеть либо сократить. Одним из компонентов данной программы в условиях потепления отношений с Западом должно было стать сотрудничество с западными – в том числе с американскими – компьютерными фирмами. Как минимум, оно могло принести пользу в вопросах комплектования отдельных предприятий более производительными и надежными ЭВМ, более совершенными комплектующими и программным обеспечением. При оптимальном раскладе продуктивное взаимодействие с западными компьютерными производителями могло если не решить, то минимизировать проблемы с производством в самом Советском Союзе периферийных устройств, памяти и других важных компонентов ЭВМ.

Однако и план-минимум, и план-максимум наталкивались на значительные препятствия с американской стороны. Во-первых, экспортный контроль, под нормы которого попа-

дали компьютеры и связанное с ним оборудование, в США продолжал действовать несмотря на его заметное смягчение в первой половине 1970-х гг. Соответственно, судьба каждой отдельно взятой коммерческой сделки могла сложиться самым непредсказуемым образом. Во-вторых, доминирующим паттерном мышления политиков и администраторов в США оставалось представление о продаваемых в СССР ЭВМ как о возможном оружии, которое может быть повернуто против Америки. В-третьих, бизнес-стратегии американских фирм далеко не всегда подразумевали высокий уровень научно-технического сотрудничества за рамками отношений купли-продажи и послепродажного обслуживания поставленной техники. В тех же случаях, когда американцы были готовы выходить на сложные форматы взаимодействия, подразумевавшие совместное создание высокотехнологичной продукции, в дело вмешивались экспортные ограничения США, а также организационные и коммерческие факторы.

«Пробуксовку» научно-технического сотрудничества с фирмами США, как и санкции Картера 1980 г., нельзя назвать фатальными для компьютерной индустрии Советского Союза. Коммерческие закупки компьютерных систем в Америке в 1970-е гг. часто носили «точечный» характер (т. е. шла закупка небольшого числа высокопроизводительных машин или систем за большие деньги [45, pp. 234–235]) и использовались в крупных проектах, имевших не только экономическое, но и имиджевое значение для СССР. Советские ЭВМ, несмотря на ряд слабых мест, продолжали проектироваться, выпускаться и внедряться в народное хозяйство до самого конца эпохи социализма, решая поставленные перед ними задачи.

Список литературы

1. Авдонин Б. Н., Мартынов В. В. Отечественная электроника. Этапы создания и развития. М. : Креативная экономика, 2012. 200 с.
2. Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М. : Наука, 2007. 381 с.
3. Борисов В. П. Революция в электронике и формирование отечественной высокотехнологичной отрасли промышленности // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 129–149. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.6.
4. Внешняя торговля СССР в 1975 г. : статистический сборник. М. : Статистика, 1976. 312 с.
5. Внешняя торговля СССР в 1977 г. : статистический сборник. М. : Статистика, 1978. 286 с.
6. Внешняя торговля СССР в 1979 г. : статистический сборник. М. : Статистика, 1980. 286 с.
7. Внешняя торговля СССР в 1980 г. : статистический сборник. М. : Статистика, 1981. 279 с.
8. Глобальная стратегия США в условиях научно-технической революции / отв. ред. Г. А. Арбатов. М. : Мысль, 1979. 452 с.
9. Малашевич Б. М. 50 лет отечественной микроэлектронике. Краткие основы и история развития. М. : Техносфера, 2013. 800 с.
10. РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории). Ф. 5. Оп. 61. Д. 70.
11. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 188.
12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 69. Д. 1539.
13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 351.
14. РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1179.
15. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 1964.
16. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2228.
17. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 9. Д. 2291.
18. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 637.
19. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 992.
20. РГАЭ. Ф. 9480. Оп. 12. Д. 1837.
21. Симонов Н. С. Несостоявшаяся информационная революция. Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и средств массовой коммуникации. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2013. 280 с.
22. Юнгблюд В. Т. Разрядка в советско-американских отношениях: научно-технологический срез проблемы // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 4 (28). С. 53–68. DOI: 10.25730/VSU.2070.22.039.
23. IBM в России // Коммерсант. 04.02.1995. № 20 (738). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/101251> (дата обращения: 29.11.2023).
24. 21st Quarterly Report to the Congress and the Trade Policy Committee on Trade between the United States and Nonmarket Economy Countries during 1979. Washington, 1980. 120 p.
25. Cain F. Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China // Journal of Contemporary History. 2005. Vol. 40. Is. 1. Pp. 131–147. DOI: 10.1177/0022009405049270.
26. Cain F. Economic Statecraft during the Cold War: European Responses to the US Trade Embargo. N. Y. : Routledge, 2007. 211 p.

27. *Chapman B.* Export Controls. A Contemporary History. Lanham : University Press of America, 2013. 430 p.
28. Controlling East – West Trade and Technology / ed. by G. Bertsch. Durham : Duce University Press, 1988. 509 p.
29. *Cortada J.* IBM: The Rise and Fall and Reinvention of a Global Icon. Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 2019. 670 p.
30. *Frank N.* Export Controls on High Technology // Santa Clara High Technology Journal. 1987. Vol. 3. Is. 1. Pp. 105–140.
31. *Gelb L.* U.S. Did Not Bar Computer-System Sale to Soviet // The New York Times. Oct. 30, 1976. URL: <https://www.nytimes.com/1976/10/30/archives/us-did-not-bar-computersystem-sale-to-soviet.html> (дата обращения: 01.12.2023).
32. *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics. Cambridge (Mass.) : MIT Press, 2002. 369 p.
33. *Glad B.* An Outsider in the White House. Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy. Ithaca : Cornell University Press, 2009. 398 p.
34. *Goodman S.* Soviet Computing and Technology Transfer: An Overview // World Politics. 1979. Vol. 31. Is. 4. Pp. 539–570. DOI: 10.2307/2009909.
35. *Greguras F., Kalin M.* Resales and Reexports of U.S. Commodities and Technical Data under The U.S. Export Administration Act // The Computer Law and Security Review. 1988. Vol. 4. Is. 2. Pp. 16–19.
36. *Hanson P.* Trade and technology in Soviet-Western relations. London : Macmillan Press, 1981. 271 p.
37. Histories of Computing in Eastern Europe / ed. by Christopher Leslie, Martin Schmitt. IFIP WG 9.7 International Workshop on the History of Computing, HC 2018. Cham : Springer, 2019. 342 p.
38. *Leslie C.* From CoCom to Dot-Com: Technological Determinisms in Computing Blockades, 1949 to 1994 / ed. by Christopher Leslie, Martin Schmitt // Histories of Computing in Eastern Europe. IFIP WG 9.7 International Workshop on the History of Computing, HC 2018. Cham : Springer, 2019. Pp. 196–225. DOI: 10.1007/978-3-030-29160-0_11.
39. *Schweitzer G.* Techno-Diplomacy: US-Soviet Confrontations in Science and Technology. N. Y. : Springer Science, 1989. 320 p.
40. *Shabad T.* Computer Accord Signed by Soviet // The New York Times. Oct. 24, 1973. URL: <https://www.nytimes.com/1973/10/24/archives/computer-accord-signed-by-soviet-control-data-in-10year-deal-for.html> (дата обращения: 01.12.2023).
41. Soviet Progress in the Production of Integrated Circuits (October 1972). URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498487.pdf (дата обращения: 13.11.2023).
42. Soviet RYAD Computer Program (August 1973). URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/22604-document-02-central-intelligence-agency-er-gr-73> (дата обращения: 14.11.2023).
43. Soviet RYAD Computer: A Program in Trouble (September 1977). URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498612.pdf (дата обращения: 15.11.2023).
44. Technological Gap: USSR vs. the US and Western Europe (June 1969). URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000499825.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
45. Technology and East – West Trade. Washington : Office of Technology Assessment, 1979. 303 p.
46. The Shock of the Global. The 1970s in Perspective / ed. by Niall Ferguson, Charles S. Maier, Erez Manela, Daniel J. Sargent. Cambridge (Mass.) : The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. 434 p.
47. The transfer of western technology to the USSR / ed. by M. Bornstein. Paris : OECD, 1985. 191 p.
48. Trade, Technology, and Soviet-American Relations / ed. by B. Parrott. Bloomington : Indiana University Press, 1985. 394 p.
49. Trends in Production of Electronics in the USSR (April – May 1971). URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498486.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
50. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 91st Congress. 2nd Session. Vol. 116. Washington : US Government Printing Office, 1970.
51. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 93d Congress. 1st Session. Vol. 119. Washington : US Government Printing Office, 1973.
52. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 94th Congress. 1st Session. Vol. 121. Washington : US Government Printing Office, 1975.
53. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 95th Congress. 1st Session. Vol. 123. Washington : US Government Printing Office, 1977.
54. USSR Seeks to Build Semiconductor Industry (January 1976). URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498593.pdf (дата обращения: 14.11.2023).
55. *Wade N.* Computer Sales to U.S.S.R.: Critics Look for Quid Pro Quos // Science. New Series. 1974. Vol. 183. No. 4124. Pp. 499–501. DOI: 10.1126/SCIENCE.183.4124.499.
56. Watson Doubtful of Soviet Computer Deal // The New York Times. Oct. 8, 1970. URL: <https://www.nytimes.com/1970/10/08/archives/watson-doubtful-of-soviet-computer-deal-head-of-ibm-finds-gulf-in.html> (дата обращения: 28.11.2023).

Failed cooperation: Computers and computer technologies in the context of scientific and technical interaction of superpowers in the 1970s

Ilyin Dmitry Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of History and Political Sciences,
Vyatka State University. Kirov, Russia. ORCID: 0000-0002-8034-2072. ResearcherID: N-7521-2016.
E-mail: dimahist@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of the transfer of computers and computer technologies between the USA and the USSR in the context of the defusing of international tension in the 1970s. Based on documents from domestic archives (Russian State Archive of Modern History and Russian State Archive of Economy), published English-language sources, the characteristic features and trends of the development of the Soviet computer industry against the background of the American benchmark, the assessment of Soviet computers and their production by American intelligence officers, experts, politicians, as well as commercial and scientific and technical cooperation of individual US computer firms (Hewlett-Packard, IBM, Control Data) with Soviet partners. The author comes to the following conclusions. Firstly, the Soviet leadership recognized the lag of the USSR behind the United States in the field of computer technology as a significant problem, and scientific, technical and trade cooperation with American companies were considered as one of the tools to overcome this gap. Secondly, even in the conditions of detente, commercial contacts with American computer manufacturers meant overcoming barriers to U.S. export control, Americans were still inclined to consider general-purpose computers transferred to the Soviets as a threat to their national security. Thirdly, not all American firms were ready to engage in serious scientific and technical cooperation with the Soviet Union (the case of IBM), and if such cooperation began, its results could not be called breakthrough for the Soviet computer industry (the cases of Hewlett-Packard and Control Data). In general, neither the sanctions imposed in 1980 by the Carter administration against the supply of high-tech products, nor the low effectiveness of cooperation with the United States caused irreparable harm to the Soviet computer industry. However, a qualitative breakthrough in its development did not occur during the period under review.

Keywords: detente, Soviet-American relations, high technologies, technology transfer, computers.

References

1. Avdonin B. N., Martynov V. V. *Otechestvennaya elektronika. Etapy sozdaniya i razvitiya* [Domestic electronics. Stages of creation and development]. M. Creative Economy. 2012. 200 p.
2. Bokarev Yu. P. *SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade, 1970–1980-e gody* [The USSR and the formation of post-industrial society in the West, 1970s–1980s]. M. Nauka (Sciences). 2007. 381 p.
3. Borisov V. P. *Revolyuciya v elektronike i formirovanie otechestvennoj vysokotekhnologichnoj otrasli promyshlennosti* [Revolution in electronics and the formation of the domestic high-tech industry] // *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika* – Management of science: theory and practice. 2020. Vol. 2. No. 2. Pp. 129–149. DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.6.
4. *Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1975 g. : statisticheskij sbornik* – Foreign trade of the USSR in 1975 : statistical collection. M. Statistics. 1976. 312 p.
5. *Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1977 g. : statisticheskij sbornik* – Foreign trade of the USSR in 1977 : statistical collection. M. Statistics. 1978. 286 p.
6. *Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1979 g. : statisticheskij sbornik* – Foreign trade of the USSR in 1979 : statistical collection. M. Statistics. 1980. 286 p.
7. *Vneshnyaya trgovlya SSSR v 1980 g. : statisticheskij sbornik* – Foreign trade of the USSR in 1980 : statistical collection. M. Statistics. 1981. 279 p.
8. *Global'naya strategiya SShA v usloviyah nauchno-tekhnicheskoj revolyucii* – The global strategy of the United States in the conditions of the scientific and technical revolution / ed. G. A. Arbatov. M. Mysl (Thought). 1979. 452 p.
9. *Malashevich B. M. 50 let otechestvennoj mikroelektronike. Kratkie osnovy i istoriya razvitiya* [50 years of Russian microelectronics. Brief foundations and history of development]. M. Technosphere. 2013. 800 p.
10. RSAMH (Russian State Archive of Modern History). F. 5. Inv. 61. File 70.
11. RSAMH. F. 5. Inv. 66. File 188.
12. RSAMH. F. 5. Inv. 69. File 1539.
13. RSAMH. F. 5. Inv. 76. File 351.
14. RSAE (Russian State Archive of Economics). F. 9480. Inv. 9. File 1179.
15. RSAE. F. 9480. Inv. 9. File 1964.
16. RSAE. F. 9480. Inv. 9. File 2228.
17. RSAE. F. 9480. Inv. 9. File 2291.

18. RSAE. F. 9480. Inv. 12. File 637.
19. RSAE. F. 9480. Inv. 12. File 992.
20. RSAE. F. 9480. Inv. 12. File 1837.
21. *Simonov N. S. Nesostoyavshayasya informacionnaya revolyuciya. Usloviya i tendencii razvitiya v SSSR elektronnoy promyshlennosti i sredstv massovoj kommunikacii* [The failed information revolution. Conditions and trends in the development of the electronic industry and mass media in the USSR]. M. Dmitry Pozharsky University. 2013. 280 p.
22. *Yungblud V. T. Razryadka v sovetsko-amerikanskih otnosheniyah: nauchno-tehnologicheskij srez problemy* [Detente in Soviet-American relations: a scientific and technological cross-section of the problem] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2022. No. 4 (28). Pp. 53–68. DOI: 10.25730/VSU.2070.22.039.
23. *IBM v Rossii* – IBM in Russia // *Kommersant* – Merchant. 04.02.1995. No. 20 (738). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/101251> (date accessed: 29.11.2023).
24. 21st Quarterly Report to the Congress and the Trade Policy Committee on Trade between the United States and Nonmarket Economy Countries during 1979. Washington, 1980. 120 p.
25. *Cain F. Computers and the Cold War: United States Restrictions on the Export of Computers to the Soviet Union and Communist China* // *Journal of Contemporary History*. 2005. Vol. 40. Is. 1. Pp. 131–147. DOI: 10.1177/0022009405049270.
26. *Cain F. Economic Statecraft during the Cold War: European Responses to the US Trade Embargo*. N. Y. : Routledge, 2007. 211 p.
27. *Chapman B. Export Controls. A Contemporary History*. Lanham : University Press of America, 2013. 430 p.
28. *Controlling East – West Trade and Technology* / ed. by G. Bertsch. Durham : Duce University Press, 1988. 509 p.
29. *Cortada J. IBM: The Rise and Fall and Reinvention of a Global Icon*. Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 2019. 670 p.
30. *Frank N. Export Controls on High Technology* // *Santa Clara High Technology Journal*. 1987. Vol. 3. Is. 1. Pp. 105–140.
31. *Gelb L. U.S. Did Not Bar Computer-System Sale to Soviet* // *The New York Times*. Oct. 30, 1976. Available at: <https://www.nytimes.com/1976/10/30/archives/us-did-not-bar-computersystem-sale-to-soviet.html> (date accessed: 01.12.2023).
32. *Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics*. Cambridge (Mass.) : MIT Press, 2002. 369 p.
33. *Glad B. An Outsider in the White House. Jimmy Carter, His Advisors, and the Making of American Foreign Policy*. Ithaca : Cornell University Press, 2009. 398 p.
34. *Goodman S. Soviet Computing and Technology Transfer: An Overview* // *World Politics*. 1979. Vol. 31. Is. 4. Pp. 539–570. DOI: 10.2307/2009909.
35. *Greguras F., Kalin M. Resales and Reexports of U.S. Commodities and Technical Data under The U.S. Export Administration Act* // *The Computer Law and Security Review*. 1988. Vol. 4. Is. 2. Pp. 16–19.
36. *Hanson P. Trade and technology in Soviet-Western relations*. London : Macmillan Press, 1981. 271 p.
37. *Histories of Computing in Eastern Europe* / ed. by Christopher Leslie, Martin Schmitt. IFIP WG 9.7 International Workshop on the History of Computing, HC 2018. Cham : Springer, 2019. 342 p.
38. *Leslie C. From CoCom to Dot-Com: Technological Determinisms in Computing Blockades, 1949 to 1994* / ed. by Christopher Leslie, Martin Schmitt // *Histories of Computing in Eastern Europe*. IFIP WG 9.7 International Workshop on the History of Computing, HC 2018. Cham : Springer, 2019. Pp. 196–225. DOI: 10.1007/978-3-030-29160-0_11.
39. *Schweitzer G. Techno-Diplomacy: US-Soviet Confrontations in Science and Technology*. N. Y. : Springer Science, 1989. 320 p.
40. *Shabad T. Computer Accord Signed by Soviet* // *The New York Times*. Oct. 24, 1973. Available at: <https://www.nytimes.com/1973/10/24/archives/computer-accord-signed-by-soviet-control-data-in-10year-deal-for.html> (date accessed: 01.12.2023).
41. *Soviet Progress in the Production of Integrated Circuits (October 1972)*. Available at: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498487.pdf (date accessed: 13.11.2023).
42. *Soviet RYAD Computer Program (August 1973)*. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/document/22604-document-02-central-intelligence-agency-er-rp-73> (date accessed: 14.11.2023).
43. *Soviet RYAD Computer: A Program in Trouble (September 1977)*. Available at: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498612.pdf (date accessed: 15.11.2023).
44. *Technological Gap: USSR vs. the US and Western Europe (June 1969)*. Available at: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000499825.pdf (date accessed: 10.11.2023).
45. *Technology and East – West Trade*. Washington : Office of Technology Assessment, 1979. 303 p.
46. *The Shock of the Global. The 1970s in Perspective* / ed. by Niall Ferguson, Charles S. Maier, Erez Manela, Daniel J. Sargent. Cambridge (Mass.) : The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. 434 p.
47. *The transfer of western technology to the USSR* / ed. by M. Bornstein. Paris : OECD, 1985. 191 p.
48. *Trade, Technology, and Soviet-American Relations* / ed. by B. Parrott. Bloomington : Indiana University Press, 1985. 394 p.

49. Trends in Production of Electronics in the USSR (April – May 1971). Available at: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498486.pdf (date accessed: 10.11.2023).
50. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 91st Congress. 2nd Session. Vol. 116. Washington : US Government Printing Office, 1970.
51. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 93d Congress. 1st Session. Vol. 119. Washington : US Government Printing Office, 1973.
52. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 94th Congress. 1st Session. Vol. 121. Washington : US Government Printing Office, 1975.
53. U.S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of 95th Congress. 1st Session. Vol. 123. Washington : US Government Printing Office, 1977.
54. USSR Seeks to Build Semiconductor Industry (January 1976). Available at: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000498593.pdf (date accessed: 14.11.2023).
55. *Wade N.* Computer Sales to U.S.S.R.: Critics Look for Quid Pro Quos // *Science. New Series.* 1974. Vol. 183. No. 4124. Pp. 499–501. DOI: 10.1126/SCIENCE.183.4124.499.
56. Watson Doubtful of Soviet Computer Deal // *The New York Times.* Oct. 8, 1970. Available at: <https://www.nytimes.com/1970/10/08/archives/watson-doubtful-of-soviet-computer-deal-head-of-ibm-finds-gulf-in.html> (date accessed: 28.11.2023).

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 61(571.53)(091)

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.057

Материалы Иркутского истпарта как источник по истории здравоохранения в Восточной Сибири

Шаламов Владимир Александрович

доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России,
Иркутский государственный университет.

Россия, г. Иркутск. ORCID: 0000-0002-9482-9543. E-mail: Wladimir13x@ya.ru

Аннотация. В период установления советской власти в Сибири и гражданской войны был прерван процесс естественного документооборота. В результате перед исследователями возникает проблема поиска исторического источника, способного раскрыть сущность производившихся в это время преобразований, в том числе и в системе здравоохранения. В Иркутске в 1922–1937 гг. функционировало местное бюро Комиссии по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии (Истпарт), которое производило сбор соответствующих материалов. В последующем эту работу вел Партийный архив Иркутской области. Значительную долю фонда составляют источники личного происхождения, преимущественно мини-воспоминания участников революции и гражданской войны. Они лучше всего подходят для заполнения информационной лакуны. В ходе исследования выяснилось, что почти в каждом втором из полутысячи воспоминаний имеется прямая или косвенная информация о здравоохранении или медицине (личная и общественная гигиена, санитарное состояние населенных пунктов, эпидемии, оказание медицинской помощи, санитарные дружины). Ценность материалов неодинакова. Подавляющая часть воспоминаний содержит незначительные факты. Применение их в обобщающих работах практически невозможно. Отдельные примеры могут использоваться для реконструкции некоторых локальных сюжетов. Около двух десятков воспоминаний красных сестер (Д. С. Попова, А. И. Телечкина, Е. С. Федорова, Р. В. Фурман) обладают особой ценностью. В них раскрываются подробности формирования большевистского Красного Креста в Иркутске, его участие в декабрьских боях 1917 г., особенности кадрового состава, характер санитарной работы, нарушение принципов деятельности международного Красного Креста и многое другое.

Ключевые слова: история здравоохранения, Истпарт, гражданская война, источниковедение, источник личного происхождения.

Во время гражданской войны в Восточной Сибири власть неоднократно переходила из рук в руки. Смена политических режимов сопровождалась нарушением естественного хода документооборота. Архивные материалы одних организаций погибли (Центросибирь), других – были растасованы по множеству архивохранилищ (Политцентр), третьих – сохранились в усеченном виде (военно-окружная, губернская, городская, переселенческая, земская администрации, большинство общественных и частных организаций). Данное обстоятельство сказывается, когда возникает необходимость написания исторических исследований, раскрывающих последовательную трансформацию государственной политики в различных сферах общества. Дефицит информации порождает пробелы в исторических трудах. Возникает проблема поиска источника, способного хотя бы частично преодолеть отсутствие нужных сведений.

Собирая материалы по истории здравоохранения, автор данных строк нашел неожиданное для себя решение. В сборнике воспоминаний ветеранов гражданской войны «Годы огневые, годы боевые», изданном в 1961 г. бывшим Партийным архивом Иркутского обкома КПСС (ныне – Центр документации новейшей истории – филиал ОГКУ «Государственный архив Иркутской области»), содержались мемуары Е. С. Федоровой [13, с. 45–55]. В годы гражданской войны она была красной сестрой и довольно подробно описала сущность своей рабо-

ты. При всех достоинствах ее воспоминаний они были слишком субъективными. Требовался более массовый источник, которым можно было верифицировать информацию. Однако сборник подтолкнул к идее ознакомиться с соответствующими фондами бывшего партархива, что и привело к знакомству с материалами Истпарта.

После установления советской власти в России перед исторической наукой встали множественные задачи по пересмотру господствующих в историографии концепций. Необходимо было развить ленинские взгляды в единую концепцию, объясняющую все произошедшие революционные события, а также внедрить ее в массы. Для этого необходима была источниковая база, но в архивах зачастую имелись лишь документы, отражающие взгляд имперских властей или буржуазных правительств. Требовался принципиально другой источник. С этой целью 21 сентября 1920 г. при Наркомпросе была учреждена Комиссия по истории Октябрьской революции и Коммунистической партии, сокращенно – Истпарт. С декабря 1921 г. ее передали в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела, как орган руководства исторической наукой. В 1928 г. Истпарт был объединен с Институтом В. И. Ленина при ЦК партии. Сиббюро ЦК РКП(б) в 1921 г. организовало Сибирский историко-партийный отдел – Сибистпарт. Им руководил заведующий Сибирским архивом В. Д. Вегман [14, с. 76–84].

В Иркутске Истпартбюро было создано в 1922 г., но работа была эпизодической. В начале 1925 г. Иркутское бюро было преобразовано в Истпартотдел Иркутского губкома ВКП(б). Вся работа проводилась силами пяти сотрудников и немногих партийцев, работавших в порядке партийной нагрузки. Имелись периферийные уполномоченные в Усолье, Александровском, Нижнеудинске, Братске, Кабанске, Слюдянке, Танхое и Зиме [20, с. 175–176]. В связи с переходом к окружному делению, в 1928 г. окружные отделы Истпарта были ликвидированы. На его месте был учрежден совет Истпарта, функционировавший на общественных началах. После образования Восточно-Сибирского края в 1931 г. был создан Истпартотдел при крайкоме, а с 1937 г. – при обкоме партии. Подчинялся он Сибистпарту, Институту Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б) и Иркутскому обкому партии [21, с. 47–48].

Истпарт был важнейшим центром по изучению Октябрьской революции. Он был первым научно-исследовательским учреждением в советскую эпоху [16, с. 557]. Истпарты на местах проводили огромную работу по сбору и систематизации документов по истории революционного движения. Создавались историко-революционные архивы, копировались материалы из архивных и музейных фондов, собирались документы и фотографии у государственных и общественных организаций, а также частных лиц. В силу того, что архивная база была сильно ограниченной, воспоминания становились почти единственными источниками, которые могли раскрыть конкретные исторические события. Истпарты стали проводить целенаправленную работу по выявлению носителей информации и записи воспоминаний. При сборе на авторов оказывалось определенное давление. Например, им предлагалось писать текст, опираясь на конспекты-минимумы, анкеты по истории Октябрьской революции и планы воспоминаний, что задавало некий шаблон, иллюстрирующий события с определенных политических позиций. К потенциальным авторам обращались с просьбой записать воспоминания, а если он был неграмотным, ему предлагали зайти в истпартотдел, где запись делали сами сотрудники. Иногда воспоминания обсуждались на собраниях участников революционных событий, являлись предметами дискуссий. Таким образом, истпарты способствовали появлению новых исторических источников [17, с. 468–473]. Истпарт издавал журналы «Бюллетень Истпарта», «Красная летопись», «Летопись революции», «Пролетарская революция». Время от времени выходили сборники воспоминаний и документов [21, с. 46–50].

К 1930-м гг. истпарты начинают терять свою значимость. Интенсивность работы по сбору воспоминаний падает. В 1935 г. закрывается Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев [1, с. 9–26]. Тогда же прекращает свою деятельность Всесоюзное общество старых большевиков [16, с. 50–81]. Они вели сходную с истпартами работу по сбору, обработке и публикации воспоминаний о революции и гражданской войне. Однако отношение власти к подобной деятельности меняется. В стране вновь возрождается преподавание гражданской истории, потихоньку в оборот вводятся патриотические темы, меняются идеологические схемы, в которые революционный нарратив не всегда вписывался. Информация истпартов становится неудобной и ее значение принижается. В установках центра по вопросу о ценности воспоминаний говорилось, что они носят субъективный характер, поэтому не могут признаваться за полноценный источник в силу значительной путаницы, желания мемуаристов выгородить себя, наличия больших пробелов и заметных противоречий [18, с. 35–36].

Наконец, решением ЦК ВКП(б) от 2 декабря 1939 г. Истпартотдел был закрыт. В Иркутске его функции были переданы Партийному архиву Иркутского обкома партии [18, л. 25]. Последние дела были датированы 1937 г. Однако история сбора воспоминаний участников революции и гражданской войны не остановилась. После Великой Отечественной войны, а особенно в конце 1950–60-х гг., в связи с очередными юбилеями партийный архив вновь активизировал прерванную деятельность.

Итак, фонд 300 «Отдел по собиранию и изучению материалов по истории Коммунистической партии и Октябрьской революции при Иркутском обкоме ВКП(б) (Истпартотдел)» в единственной описи содержит 1049 единиц хранения. Дела фонда охватывают период с 1861 по 1937 гг. Внутри фонда не наблюдается хронологической последовательности. В комплексе рассматриваемых документов имеются материалы, характеризующие деятельность Истпарта. Здесь можно ознакомиться с циркулярами и директивами ЦК и Истпарта ВКП(б), указаниями и инструкциями института Маркса – Энгельса – Ленина, списками и анкетами уполномоченных Истпарта, перепиской с Истпартотделом ЦК, Сибистпартом, партийными и советскими органами, музеями, библиотеками, частными лицами. Также имеются отдельные статьи для местных газет и речи, посвященные памятным датам революций и гражданской войны, подготовленные сотрудниками Истпарта или партийного архива.

Фонд содержит немало материалов, извлеченных из Иркутского жандармского управления. В их числе донесения о демонстрациях, о настроениях населения, о революционном движении. Подлинные листовки, воззвания, прокламации, призывы, печатные издания различных политических партий. Кроме того, имеются описи газет и листовок (Голос труда, Искра, Освобождение, Пролетарий, Рабочая газета, Хлеб и воля и другие) Иркутского музея революции и Истпарта за 1902–1921 гг. Значимость изучаемой коллекции усиливается наличием подлинных документов и их копий о пребывании в ссылке и о деятельности таких известных личностей, как И. В. Джугашвили, М. В. Фрунзе, Н. К. Крупская, С. В. Косиор и других.

В целом материалы фонда дают представление о борьбе с имперской властью в Сибири в дореволюционный период, хотя в основном они представляют информацию о деятельности партий и групп левого спектра (социал-демократы, социал-революционеры, бундовцы, народники). Также в фонде широко представлены документы, позволяющие изучать события Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны и первых лет советской власти. Среди них можно отметить бумаги общественных организаций, съезды депутатов различных политических группировок, приказы, воззвания, объявления представителей различных политических режимов (демократического, советского, колчаковского), приказы Иркутского военно-революционного комитета, документы Губчека о борьбе с бандитизмом и так далее. В том числе содержится дело под названием «Опрос чрезвычайной следственной комиссии адмирала Колчака 6 февраля 1920 г.». Вместе с тем встречаются дела, по содержанию имеющие весьма далекое отношение к рассматриваемому фонду. Например, жалованная грамота русскому офицеру за подписью германского императора или послание епископа Николая к русским военнопленным в Японии (декабрь 1905 г.) [20, с. 177–179].

Фонд 393 «Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Иркутской области»» содержит в своей структуре 8 описей, в которых на 2004 г. насчитывалось 2380 единиц хранения (из них 94 относятся к личному составу). Сам архив существовал с 1931 г., но в фонде можно почерпнуть информацию и более раннего времени (конец XIX – начало XX в.). Основная масса материалов означенного фонда представлена внутренней документацией администрации архива. Имеется много сведений о научно-исследовательской и популяризаторской деятельности архивных работников. Здесь можно ознакомиться с материалами по подготовке сборников документов «Как мы боролись за власть Советов в Иркутской губернии», «На Лене-реке», «Очерки истории Иркутской организации КПСС», статьями, подготовленными сотрудниками к памятным датам истории, авторефератами диссертаций, написанными с использованием документов архива. Кроме того, в фонд включена опись фотодокументов за 1894–2005 гг., насчитывающая 1210 единиц хранения [15, с. 290–291].

В числе распространенных материалов обоих фондов выделяются бумаги, которые можно отнести к источникам личного происхождения. Главным образом, это микровоспоминания свидетелей и участников Ленского расстрела 1912 г., о пребывании в ссылке известных революционеров, о трех революциях, об установлении советской власти, о гражданской войне, о деятельности партизанских отрядов, о советском строительстве в межвоенный пе-

риод, о Великой Отечественной войне. Структура каждого воспоминания уникальна. Тем не менее в большинстве случаев в воспоминаниях приводились: 1) основные биографические сведения, 2) описания мест развития событий, 3) различные эпизоды революционной, политической, боевой или общественной деятельности, 4) перечисление вклада авторов воспоминаний и их товарищей в дело революции, 5) описание бытовых морально-психологических условий жизни и деятельности, 6) размышления автора по поводу происшедших социально-политических событий [20, с. 177–179]. Преобладают пробольшевистские трактовки, хотя изредка можно встретить воспоминания эсеров и анархистов.

Комплекс воспоминаний дополняется другими документами личного происхождения. В делах можно обнаружить анкеты и автобиографии, иногда с фотографиями. Часто встречаются личные письма руководителям архива, газетные вырезки, тексты речей или выступлений перед коллективами. Изредка находят справки от различных инстанций, подтверждающие участие автора воспоминаний в тех или иных событиях, а также различного рода личные документы: мандаты, удостоверения личности, документы об образовании, наградные документы. Как правило, перечисленные материалы играют вспомогательную роль, подтверждая данные воспоминаний. Всего в двух фондах содержится около 500 дел с микровоспоминаниями. Подавляющая часть бумаг представлена подлинниками. Воспоминания по большей части написаны от руки чернилами на обычных тетрадных листках. Однако немалая их часть набрана на печатной машинке. В любом случае сами тексты являются прекрасным источником, раскрывающим уровень образования, специфику языка, характерные черты менталитета.

Нужно понимать, что информация о медицинской сфере отобразилась в материалах фондов случайным образом. Ее выявление занимает довольно много времени. В описях преобладают так называемые «глухие» заголовки дел. Длинные перечни фамилий авторов воспоминаний зачастую оказываются бесполезными, поскольку ничего не говорят исследователю. Более пространственные названия некоторых дел, например, «Воспоминания о борьбе за власть Советов в Сибири и документы о партийной и трудовой деятельности» также оказываются малоинформативными. Из названия не ясно, чем занимался автор текста и имеют ли воспоминания отношение к медицине. Приходится просматривать все дела фронтально, что сказывается на временных затратах. Прямое указание в названии на сферу деятельности мемуариста было обнаружено всего в двух случаях (Р. В. Фурман и А. И. Телечкина). Речь шла о большевистском Красном Кресте. В процессе работы обнаружилась интересная закономерность. Женские воспоминания чаще содержали искомую информацию, что в общем-то и неудивительно, учитывая гендерное распределение труда в дореволюционном обществе. Интересно, что не удалось найти ни одного свидетельства врача или фельдшера, обслуживавших в годы революции и гражданской войны воинские контингенты. Зато нашлось около десятка текстов, оставленных «красными сестрами».

Воспоминания охватывают в основном военные годы, поэтому едва ли не каждый текст имеет хотя бы отдаленную проекцию на медицинскую сферу. Здесь можно встретить подтверждения о массовых тифозных или простудных заболеваниях, ранениях, нарушениях правил личной гигиены и общественной санитарии. Как правило, информативность таких сообщений невелика. Не хватает массовости. Отдельные свидетельства лишь подтверждают известные факты, но использовать в научных целях такие тексты затруднительно.

Изредка встречаются резкие, крайне субъективные суждения, правдивость которых сложно проверить, но они отражают нарратив, свойственный изучаемой эпохе. Приведем пару примеров. М. Д. Касимова была участницей боев на Байкале у станции Мурино летом 1918 г. У нее есть такие строки: «... отступить некуда и только стоит санитарный поезд, в котором свирепствовали белые сестры, докалывая наших и выбрасывая их из санвагона в Байкал. Тут я и была взята в плен... Всего оказалось 55 человек, из них 5 женщин. Началась расправа... мы отправлены под конвоем в иркутскую тюрьму» [11, л. 3–4]. Эти воспоминания не могут использоваться для характеристики медпомощи во время указанных боев. Кроме данных воспоминаний нет упоминаний об убийствах раненых красногвардейцев. Однако отношение к своему противнику демонстрируется четко. Касимова демонизирует образ противника. Добивают раненых именно белые сестры, раненую отправляют под конвоем в тюрьму. При этом нет имен, данных, деталей. А ведь после победы антибольшевистские власти отпустили весь медперсонал из тюрем. Этот гуманный пример, видимо, не впечатлил автора.

Л. Д. Муллер, проезжая летом 1918 г. из Верхнеудинска в Троицкосавск вдоль Селенги, отмечал быт одного из красногвардейских отрядов: «... Тут же в их распоряжении было не-

сколько пароходов, вооруженных барж, причем две баржи были специально нагружены “живым товаром”. Эти женщины несли обязанности сестер милосердия, но главным образом состояли из лиц легкого поведения, всякого сброда...» [12, л. 7]. Данные строки свидетельствуют об обывательском мировоззрении Муллера. В дореволюционной России пребывание женщин в военной среде признавалось вредным с этической точки зрения. В революционный период с дисциплиной возникли проблемы. Однако не стоит целиком полагаться на объективность суждений автора. Заметим, что женщин стремились разместить отдельно. С какой целью? Очевидно, что для изоляции от мужского контингента. Кроме того, не следует сбрасывать со счетов, что значительная часть женского состава отряда была связана родственными и дружескими узами с красногвардейцами. Сторонний наблюдатель мог неправильно понять действия незнакомых людей. Впрочем, и худшие предположения Муллера вполне могли произойти. Сам источник не способен дать исчерпывающий ответ, он отражает лишь мнение отдельно взятого человека, на которое спроецировался нарратив того времени.

Некоторые документы, напротив, позволяют уточнять некоторые важные моменты. Так, в тех же боях на Байкале летом 1918 г. пропали без вести подростки, сочувствующие большевикам, Исая (Александр) и Зинаида Бланковы. В одном из дел бывшая красная сестра А. Телечкина писала, что видела последний раз Исая в Мысовой. К воспоминанию приложена копия справки, выданной в июле 1924 г. отцу пропавших детей. Справку выдал заворготделом губпрофсовета Филипп Амосович Амосов, который был во время боев на Байкале полевым военно-санитарным инспектором Красной армии. Он сообщал, что Бланковы после отступления от Мысовой, недалеко от станции Посольская, попали в засаду белогвардейцев и были расстреляны. Через два дня их похоронили санитары Красной армии. Амосов утверждал, что может показать могилу, где они похоронены. Для нас это сообщение имеет особую ценность, поскольку ставит точку в этой истории, ведь санитарные потери фиксировались непосредственно военно-санитарным инспектором. Более того, во всех архивных документах значится только фамилия Амосова даже без инициалов. Справка открыла для нас его полное имя и отчество, а также дала зацепку для поиска информации о его дальнейшей судьбе [2, л. 2, 6].

Одним из трагических событий гражданской войны в Восточной Сибири обычно называют бои в Иркутске в декабре 1917 г. между юнкерами и казаками с одной стороны и сторонниками советской власти с другой. До настоящего времени было известно о существовании большевистского Красного Креста и участии в нем нескольких лиц. Нет данных о времени формирования, о структуре и управлении, лечебных учреждениях, подготовке персонала. Ответы на эти вопросы дают фонды Истпарта.

Активная участница этих событий А. И. Телечкина готовила к 40-летию революции книгу под названием «Большевистский Красный Крест», но завершить работу не успела. Ей удалось собрать данные на 40 участников этой организации. В одном из писем директору архива А. Я. Шапрановой она писала из Москвы: «20 ноября 1917 г. в Иркутске был организован 1-й отряд Красной гвардии, начальником которого был назначен Лебедев Сергей. Через несколько дней Иркутской партийной организацией большевиков Лебедеву Сергею было предложено организовать большевистский Красный Крест. Начальником большевистского Красного Креста была назначена Телечкина – Сухорослова А. И. ...» [4, л. 2]. Далее она сообщала, что изначально Красный Крест располагался при революционном штабе. Уже после боев, в апреле 1918 г., по распоряжению партийного комитета был создан Президиум Красного Креста из четырех человек. Его председателем стал И. Я. Толстой, погибший через несколько месяцев в боях на Байкале. Членами Президиума являлись В. А. Ремишевская, О. Н. Иогансон и А. И. Телечкина. Так выглядела система управления. Никаких документов от этой организации в архивах не сохранилось.

Красная сестра Р. В. Фурман вспоминала, что накануне боев в Иркутске она проходила обучение. Однако их не учили делать перевязки и оказывать первую помощь. Вместо этого они посещали занятия по стрельбе и изучению винтовки, из чего следует, что их изначально рассматривали в качестве своеобразного боевого резерва, а не в роли медработников [7, л. 1]. О формировании отрядов Красного Креста накануне боев также писала Д. С. Попова (Гурцевич). Она длительное время работала сиделкой в иркутских больницах. В 1916 г. она перебралась в Маньчжурию. Накануне декабрьских событий ей написала письмо Т. А. Лушникова, работавшая с ней сиделкой в Переселенческой больнице. В письме сообщалось о политическом саботаже медперсонала и начале формирования отрядов красных сестер. Это послужило основанием для поездки Д. С. Поповой в Иркутск [6, л. 4]. Об обучении она также ничего не со-

общает. Отсюда следует, что причин организации большевистского Красного Креста могло быть две. Во-первых, советская власть после Октябрьской революции столкнулась с сильнейшим саботажем медработников. В качестве выхода из кризиса привлекались лица из низших служащих, имевших отношение к медицине, а также сочувствующие большевикам фельдшеры и врачи. Во-вторых, установление советской власти в Москве в ноябре 1917 г. привело к жесткому сопротивлению и боевым действиям, в ходе которых погибло много людей. Вероятно, большевики предполагали нечто подобное в Иркутске, поэтому заранее готовились. Однако готовились они к боевым действиям. Медицинской составляющей практически не уделялось внимание. Чем было вызвано такое пренебрежение, остается загадкой.

Документы фонда Истпарта дают представление о том, каким образом формировались санитарные отряды. Об этом, например, писала Д. С. Попова. Она с самого начала оказалась в осажденном Белом Доме (бывшая резиденция генерал-губернатора). В нем не было никакого медицинского обеспечения. Тогда она с Т. А. Лушниковой решила раздобыть медикаменты в ближайшей больнице и организовать при ней санитарный отряд для помощи осажденным под флагом Красного Креста. Им удалось добыть все необходимое, включая лошадь, только в Детской больнице. Там же к ним присоединились две няни сестры Миля и Маруся Кровель, а чуть позднее сиделка Переселенческой больницы Валя Севостьянова. Им не удалось пробиться в Белый Дом, но они с успехом подбирали раненых на улицах города и отвозили их в близлежащие больницы [6, л. 5–6].

Красный Крест создавался как международная нейтральная организация, помогающая жертвам войн. Используя эту символику, большевики очень быстро дискредитировали идею нейтральной гуманитарной службы. Так, Р. В. Фурман писала: «...Кроме перевозок раненых и оказания первой помощи, мы перевозили по заданию штаба оружие, хлеб, свечи для Белого Дома. Большинство красногвардейцев Красного Креста проводили агитационную работу, разъясняли солдатам и красногвардейцам значение происходящих событий – борьбы за власть рабочих и крестьян. В то же время мы проводили работу разведчиков, связистов...» [7, л. 2]. Таким образом, они становились комбатантами. Вскоре отряды большевистского Красного Креста стали подвергаться обстрелам, чего и следовало ожидать. Об этом весьма эмоционально писал красногвардеец П. Д. Котельников, попавший с обозом Красного Креста под обстрел казаков [5, л. 3–4]. Недалеко от сгоревшего Второвского пассажа была ранена Р. В. Фурман [7, л. 3–4]. Их жалобы на фоне бравоирования об обмане белогвардейцев выглядят совершенно неуместно. Так разрушалось доверие к нейтральным организациям.

В городе большевиками было организовано несколько перевязочных пунктов под флагом Красного Креста. Интересно, что и эти пункты они использовали в качестве прикрытия, что подтверждает предшествующий тезис. Красногвардеец А. Н. Шушаков так и утверждал, что штаб Красной гвардии перебрался в здание гимназии напротив телеграфа «под маскировку Красного Креста», который занял нижний этаж. Юнкера, приходящие за медпомощью, немедленно разоружались [8, л. 8, 11]. Р. В. Фурман отмечала, что вышеуказанный пункт возглавляла О. Иогансон. Однако первоначально штаб располагался во 2-м общественном собрании на Большой улице, но здание подверглось обстрелу и пришлось эвакуироваться. При этом пункт Красного Креста остался. Им руководила сестра Шварц [7, л. 1]. Т. А. Лушниковая упоминала перевязочный пункт при Переселенческом пункте, который был организован П. И. Гедымин-Тюдашевой и Рукавишниковым. Большую помощь оказал беспартийный доктор М. П. Герасимов [10, л. 6]. Д. С. Попова вспоминала, что раненых невозможно было перевязать на улице из-за сильных морозов, а в дома их не пускали. Вскоре она с подругой наметила несколько домов, занятых солдатами, куда и стали свозить пострадавших, где им и оказывалась первая помощь. Обморожений было очень много. Она отмечала, что приходилось едва ли не насильно заставлять солдат, возвращавшихся с караула, снимать обувь и сушить портянки, обертывать ноги газетной бумагой. Благодаря этим простым мерам число обморожений на ее участке было невелико. Кроме того, приходилось заниматься обеспечением хлебом и водой местных жителей, скрывавшихся в подвалах. Перевязочные пункты были временным пристанищем. От них раненых направляли, как правило, в Военный госпиталь или Переселенческую больницу [6, л. 5–6].

Д. С. Попова, между прочим, отмечает, что борьба продолжалась и в Военном госпитале, в котором она работала около года. В госпитале замечалось некоторое противодействие сестер милосердия, но в чем оно состояло, не описывается. Такие же полунамеки встречаются и в других текстах, что заставляет сомневаться в верности сообщения. И вот в воспоминаниях

Р. В. Фурман, которая, будучи раненой, провела в госпитале около 4-х месяцев, находим подробное описание. «Гражданская война продолжалась и в госпитале, но здесь она приняла другие формы. Сначала шли словесные перепалки красногвардейцев с юнкерами, а затем пошли в ход костыли и администрация госпиталя вынуждена была перевести юнкеров из общей палаты в другую», – писала она [7, л. 4]. Полный текст воспоминаний слишком велик для статьи, поэтому отметим лишь наиболее существенные моменты. Сестры милосердия избегали палаты, где размещались красногвардейцы. Их обслуживали военнопленные венгры. Сама Р. В. Фурман, когда смогла передвигаться, также включилась в работу. По ее словам, сестры милосердия часто собирались в палатах юнкеров, где слушали игру на гитаре или домре. В этом сообщении нет ничего удивительного. В числе сестер милосердия и соответственно юнкеров было немало выходцев из интеллигентных семей, из семей с достатком, в отличие от красногвардейцев, часто пополнявшихся из вчерашних каторжников и лиц с низким социальным статусом. Их предпочтения были закономерными. Примерно то же самое делали красные сестры. Так, она упоминает А. П. Холодову (Третьякову), которая ухаживала за красногвардейцами в госпитале. При этом отказала раненому в выдаче молока только на том основании, что он был юнкером. Хорошо бы эти воспоминания сопоставить с мемуарами противоположного лагеря, но к сожалению, таковых обнаружить не удалось. Воспоминания Р. В. Фурман на сегодняшний день являются единственным свидетельством о борьбе красных с белыми в больничных палатах Иркутского военного госпиталя.

Как осуществлялась медпомощь во время восстания Чехословацкого корпуса, оставалось под покровом неизвестности. Покров приоткрывают воспоминания Е. С. Федоровой. «Ольга Наумовна Иогансон организовала краткосрочные санитарные курсы из иркутянок. С их помощью ей удалось наладить обслуживание раненых, прибывавших с фронта. На нее же было возложено оборудование и отправление на фронт санитарных поездов, пополнение санитарных отрядов новыми силами. Агния Иннокентьевна Телечкина скомплектовала санитарные дружины и выехала с ними в распоряжение командующего фронтом С. Лазо [в Забайкалье]. Санитарную работу на Нижнеудинском фронте возглавляла старая большевичка Варвара Артемьевна Ремишевская. Вместе с ней выехали на фронт Мария Заболоцкая, Раиса Глокман, сестры Антонина и Александра Бабич» [9, л. 14]. В данном отрывке, кроме имен видных работников большевистского Красного Креста, нам интересно упоминание о краткосрочных курсах. Вероятно, реальные боестолкновения заставили задуматься о персонале, способном оказывать правильную первую медицинскую помощь. Интересно, что нет упоминаний лиц, имеющих специальное медицинское образование. Трудно представить санитарный поезд, способный поднимать до 500 человек раненых без врача или хотя бы фельдшера.

Имеются и другие мини-воспоминания участников гражданской войны, в которых сохранились важные сведения о постановке медпомощи в сибирских губерниях. Они дают представление об организации медпомощи в партизанских отрядах, способах получения медикаментов и перевязочного материала, оказании помощи узникам «поездов смерти», организации подпольных партийных ячеек в медицинских учреждениях в тылу Колчака.

Фонды Иркутского Истпарта за советский период аккумулировали около полутысячи дел с мини-воспоминаниями участников революционного движения и гражданской войны. Едва ли не в половине из них находятся прямые или косвенные данные, затрагивающие медицинскую сферу. Это санитарное состояние тюрем, гигиена различных категорий населения, эпидемии и способы защиты от них, обеспечение товарами медицинского назначения, способы эвакуации раненых, истязания людей, грабежи и насилия, санитарные поезда и дружины. Имеется возможность взаимной верификации этих источников. Определенным минусом является их мелкий масштаб (фрагментарность), что является препятствием для использования в обобщающих работах. Имеется набор текстов, благодаря которым удастся найти ответ на некоторые частные вопросы. В ходе работы с фондами было обнаружено около двух десятков мини-воспоминаний, которые позволяют с разной степенью детализации реконструировать работу медицинских служб при первой советской власти в Сибири, а также деятельность по оказанию медпомощи в партизанских отрядах и подпольных организациях в тылу Колчака. Среди недостатков этого источника наиболее существенным является отсутствие формализованных данных, свидетельствующих о масштабе и эффективности деятельности лиц и организаций медицинского профиля.

Список литературы

1. Васильева Н. Ф. Материалы архивных фондов Общества политкаторжан о сибирской ссылке // Сибирская ссылка : сб. научных статей. Иркутск : Оттиск, 2017. С. 9–27.
2. ГАНИИО (Государственный архив новейшей истории Иркутской области). Ф. 300. Оп. 1. Д. 377.
3. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 20.
4. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 22.
5. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 52.
6. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 67.
7. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 76.
8. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 81.
9. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 300.
10. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 494.
11. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 656.
12. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 803.
13. Годы огневые, годы боевые : сб. воспоминаний / сост. Г. А. Вендрих, А. Я. Шапранова. Иркутск : Ирк. кн. изд-во, 1961. 303 с.
14. Горин С. Г. Сибистпарт и Сибистмол : взгляд на проблему (1920 – начало 1930-х гг.) // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). С. 76–84.
15. Государственный архив новейшей истории Иркутской области : путеводитель. Иркутск : Оттиск, 2008. 661 с.
16. Дашинимаева М. Ю. Истпарт в системе советских научных учреждений // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск : БГУЭП, 2008. С. 556–561.
17. Дряблова Е. Е. Роль губистпартов в развитии новейшей отечественной истории // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : мат-лы XIX Междунар. науч. конф. Иваново, 25–26 марта 2020. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2020. С. 468–473.
18. Клопихина В. С. У истоков отечественной устной истории (опыт работы истпартов Северного Кавказа по формированию корпуса источников личного происхождения) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 31–36.
19. Пивоваров Н. Ю. Из жизни «старой гвардии». Общество старых большевиков как опыт политической адаптации революционеров (1922–1935 гг.) // Россия XXI. 2018. № 1. С. 50–81.
20. Русак Н. Г. Обзор документов Истпарта на материалах фонда Государственного архива новейшей истории Иркутской области // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность : мат-лы Всерос. науч.-теорет. конф., посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Всеволода Ивановича Дулова (Иркутск, 28 апр. 2020 г.). Иркутск : Оттиск, 2020. С. 174–181.
21. Шумилов А. И. Издания истпартов, истпрофов и истмолов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 46–50.

Materials of the Irkutsk Istpart as a source on the history of healthcare in Eastern Siberia

Shalamov Vladimir Alexandrovich

Doctor of Historical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Russian History, Irkutsk State University. Russia, Irkutsk. ORCID: 0000-0002-9482-9543. E-mail: Wladimir13x@ya.ru

Abstract. During the establishment of Soviet power in Siberia and the civil war, the process of natural document flow was interrupted. As a result, researchers are faced with the problem of finding a historical source that can reveal the essence of the transformations being carried out at that time, including in the health care system. In Irkutsk, in 1922–1937, the local bureau of the Commission on the History of the October Revolution and the Communist Party (Istpart) functioned, which collected relevant materials. Subsequently, this work was carried out by the Party Archive of the Irkutsk region. A significant share of the fund is made up of sources of personal origin, mainly mini-memoirs of participants in the revolution and the civil war. They are best suited to fill an information gap. The study revealed that almost every second of the half a thousand memories has direct or indirect information about health or medicine (personal and public hygiene, sanitary condition of settlements, epidemics, medical care, sanitary squads). The value of the materials varies. The vast majority of memories contain insignificant facts. Their application in generalizing works is almost impossible. Individual examples can be used to reconstruct some local plots. About two dozen memoirs of the red sisters (D. S. Popova, A. I. Telechkina, E. S. Fedorova, R. V. Furman) have a special value. They reveal the details of the formation of the Bolshevik Red Cross in Irkutsk, its participation in the December 1917 battles, the specifics of the personnel, the nature of sanitary work, violation of the principles of the International Red Cross and much more.

Keywords: history of healthcare, Istpart, civil war, source studies, source of personal origin.

References

1. Vasil'eva N. F. *Materialy arhivnyh fondov Obshchestva politkatorzhan o sibirskoj ssylke* [Materials of the archival funds of the Society of political prisoners about the Siberian exile] // *Sibirskaya ssylka : sb. nauchnyh statej* – Siberian exile : collection of scientific articles. Irkutsk. Ottisk (Imprint). 2017. Pp. 9–27.
2. SAMHIR (State Archive of the modern history of the Irkutsk region). F. 300. Inv. 1. File 377.
3. SAMHIR. F. 393. Inv. 1. File 20.
4. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 22.
5. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 52.
6. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 67.
7. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 76.
8. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 81.
9. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 300.
10. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 494.
11. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 656.
12. SAMHIR. F. 393. Inv. 5. File 803.
13. *Gody ognevye, gody boevye : sb. vospominanij* – The fire years, the fighting years : collection of memories / comp. G. A. Wendrich, A. Ya. Shapranova. Irkutsk : Irk. kn. publishing house, 1961. 303 p.
14. Gorin S. G. *Sibistpart i Sibistmol : vzglyad na problemu (1920 – nachalo 1930-h gg.)* [Sibistpart and Sibistmol : a look at the problem (1920 – early 1930s)] // *Sibirskij arhiv* – Siberian Archive. 2020. No. 1 (3). Pp. 76–84.
15. State Archive of the modern history of the Irkutsk region : a guide. Irkutsk. Ottisk (Imprint). 2008. 661 p.
16. Dashinimaeva M. Yu. *Istpart v sisteme sovetskih nauchnyh uchrezhdenij* [Istpart in the system of Soviet scientific institutions] // *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* – Irkutsk Historical and Economic Yearbook. Irkutsk. BSUEP, 2008. Pp. 556–561.
17. Dryablova E. E. *Rol' gubistpartov v razvitiu novejshej otechestvennoj istorii* [The role of gubistparts in the development of modern national history] // *Gosudarstvo, obshchestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov : mat-ly XIX Mezhdunar. nauch. konf. Ivanovo, 25–26 marta 2020* – State, society, church in the history of Russia of the XX–XXI centuries : materials of the XIX International Scientific Conference. Ivanovo, March 25–26, 2020. Ivanovo. Ivanovo State University. 2020. Pp. 468–473.
18. Klopikhina V. S. *U istokov otechestvennoj ustnoj istorii (opyt raboty istpartov Severnogo Kavkaza po formirovaniyu korpusa istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya)* [At the origins of Russian oral history (the experience of the North Caucasus historical experts in the formation of a corpus of sources of personal origin)] // *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* – Humanitarian and legal studies. 2014. No. 1. Pp. 31–36.
19. Pivovarov N. Yu. *Iz zhizni "staroj gvardii". Obshchestvo staryh bol'shevikov kak opyt politicheskoy adaptacii revolyucionerov (1922–1935 gg.)* [From the life of the "old guard". The society of old Bolsheviks as an experience of political adaptation of revolutionaries (1922–1935)] // *Rossiya XXI* – Russia XXI. 2018. No. 1. Pp. 50–81.
20. Rusak N. G. *Obzor dokumentov Istparta na materialah fonda Gosudarstvennogo arhiva novejshej istorii Irkutskoj oblasti* [Review of the documents of the Istpart based on the materials of the Fund of the State Archive of the modern history of the Irkutsk region] // *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost' : mat-ly Vseros. nauch.-teoret. konf., posvyashchennoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Vsevoloda Ivanovicha Dulova (Irkutsk, 28 apr. 2020 g.)* – Siberia in a changing world. History and modernity : materials of the All-Russian scientific theory. A conference dedicated to the memory of Doctor of Historical Sciences, Professor Vsevolod Ivanovich Dulov (Irkutsk, April 28, 2020). Irkutsk. Ottisk (Imprint). 2020. Pp. 174–181.
21. Shumilov A. I. *Izdaniya istpartov, istprofov i istmolov Sibiri* [Editions of istpartov, istprofov and istmolov of Siberia] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri* – Humanities in Siberia. 2008. No. 3. Pp. 46–50.

От «замка в пустыне» до средневекового города: Каср аль-Хайр аль-Шарки (Сирия)

Базеркан Гаид

аспирант направления «Исторические науки и археология»,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-9985-1232. E-mail: ghaidbazerkan@gmail.com

Аннотация. Представлено исследование Каср аль-Хайр аль-Шарки, архитектурного памятника, построенного в период эпохи Омейядов по результатам двух значимых археологических миссий: исследовательская кампания 1956 г., организованная Джорджем Форсайтом, и совместный проект сирийской группы и сирийско-швейцарской миссии, работающей под эгидой Главного управления древностей и музеев Сирии и Швейцарско-Лихтенштейнского фонда археологических исследований за рубежом (SLFA – Zürich). Деятельность ученых в археологическом проекте позволила расширить знания о поселении Омейядов в Каср аль-Хайр аль-Шарки, а также обозначила историческую важность средневекового повторного заселения этого места в период между XII и XIV вв.

Каср аль-Хайр аль-Шарки – один из так называемых «замков в пустыне» Омейядов, термин, применяемый к ряду укрепленных мест, относящихся к раннему периоду ислама. Он, безусловно, представляет собой один из самых впечатляющих и лучше всего сохранившихся светских памятников раннего исламского периода. Замок расположен примерно в 110 км к северо-востоку от Пальмиры в сирийских степных землях недалеко от перекрестка древних путей, связывающих караванный город Пальмиру с Русафой и Раккой в верховьях сирийского Евфрата, с одной стороны, и с Дейр-эз-Зауром, Джазирой и нижней Месопотамией, – с другой. После некоторых наземных исследований это место было обнаружено во время исследовательской кампании 1956 г. на Ближнем Востоке, организованной Джорджем Форсайтом. С тех пор сирийская группа проводила там раскопки и восстановительные работы. Совсем недавно эта работа превратилась в совместный проект сирийской группы и сирийско-швейцарской миссии, работающей под эгидой Главного управления древностей и музеев Сирии и Швейцарско-Лихтенштейнского фонда археологических исследований за рубежом (SLFA – Zürich).

Ключевые слова: ранний ислам, средневековье, Ближний Восток, пустынные замки, поселение Омейядов.

Поселение Омейядов (VIII в. н. э.). Во всех предыдущих исследованиях этого места были признаны три основных компонента поселения Омейядов в Каср аль-Хайр аль-Шарки. Следуя работе Грабаря они, соответственно, называются малым корпусом, большим корпусом и внешним корпусом. Все сооружения очень разные как по форме, так и по функциональному назначению. Построенные из камня и обожженного кирпича или частично из сырцового кирпича на каменном основании, все три компонента легко узнаваемы даже без раскопок. Однако это не единственные постройки, связанные с поселением Омейядов [7, с. 97].

Действительно, на нескольких участках площадью более 7 км² находятся постройки из сырцового кирпича, некоторые из которых, вероятно, имели большое значение, но теперь в результате эрозии превратились в простые насыпи с очертаниями [2, с. 140].

Малая ограда представляет собой квадратное здание со стороной 70 м в длину. Оно было двухэтажным и до сих пор сохранилось местами высотой до 11 м. Его внешняя стена укреплена по углам четырьмя башнями-контрфорсами в форме круга в три четверти и восьмью башнями-контрфорсами в форме полукруга по бокам [10, с. 302]. Внутри здания расположены помещения на двух этажах вокруг центрального двора с портиком. Планы двух этажей почти идентичны и представляют собой традиционную планировку замков Омейядов в их группировке комнат как квартир; другими словами, большая центральная комната выходит на четыре или пять меньших. Назначение здания спорное. Ученый археолог О. Грабарь

рассматривал его как караван-сарай [8, с. 178], но недавно эта интерпретация была оспорена, поскольку гораздо более вероятно, что это был дворец [1, с. 235].

Большой корпус представляет собой квадратную конструкцию со сторонами длиной 167 метров. Он имеет несколько общих элементов с меньшим корпусом. Самым очевидным из них является его ограждающая стена, которая также укреплена четырьмя угловыми башнями-контрфорсами в форме круга в три четверти и двадцатью четырьмя полукруглыми башнями-контрфорсами по бокам. В центре каждой стороны здания расположены ворота (всего их четыре), окруженные двумя контрфорсами башни. Центр сооружения занимает огромный двор, окруженный портиком. Вокруг этого двора организованы 12 единиц одинакового размера, но разных планов и функций: мечеть; производственная часть; шесть жилых единиц; административная единица и три части, предположительно, без построек, представляющие собой открытые дворы. Надпись, найденная на камне в пристани мечети Большой ограды и ныне утерянная, приписывает строительство медины (буквально «город») халифу Хишаму б. 'Абд аль-Малик (724–43 гг. н. э.) в 728–729 гг. н. э. Считается, что эта надпись относится к основанию Большой ограды, а место ее находки имеет второстепенное значение. Это очень помогло в формировании трактовки этой структуры не как городского центра в традиционном понимании этого слова, а как «небольшого, частного и аристократического поселения с минимальным набором функций» [4, с. 81].

Баня находится сразу к северу от двух корпусов. Она включает в себя большую комнату с базиличным планом, которая не имеет реальной пользы для функционирования бани. Эта комната могла быть задумана как зал для приемов, чего нет ни в Малом, ни в Большом корпусах. Зал для приемов, соединенный с баней, также встречается в других замках или дворцовых комплексах Омейядов, таких как Кусайр Амра или Хирбат аль Мафджар. К северу, востоку и югу от двух ограждений также есть участки с постройками из сырцового кирпича, которые в результате эрозии превратились в небольшие холмы. Общая площадь этих домов составляет около 30 га. Они еще не раскопаны, но в ближайшее время там планируются археологические работы в рамках нового проекта. Одной из самых ярких особенностей участка является внешний корпус, который окружает территорию площадью более 7 км². Он представляет собой стену длиной 15 км, построенную из сырцового кирпича на каменном основании, которая украшена полукруглыми контрфорсами, равномерно расположенными с обеих сторон. На его северной и южной оконечностях есть две системы шлюзов, первая из которых позволяет собирать и хранить паводковые воды из Вади-ас-Сук, вторая система, наоборот, избавляется от этой воды после того, как она прошла через весь корпус. Пять ворот ведут во внешнее ограждение, назначение которого было истолковано как имеющее сельскохозяйственную функцию, вероятно, связанную с животноводством. Недавние находки, в частности, новые ирригационные устройства, а также параллели на других участках указывают на то, что это нечто более ориентированное на возделывание. Остатки второго такого же сооружения расположены к юго-западу от участка и все еще ожидают дальнейших исследований.

Наконец, недавние исследования выявили наличие двух других зданий, построенных из сырцового кирпича, расположенных в 3 км к югу от основных памятников, рядом с одними из ворот Внешнего ограждения. Оба, кажется, имеют схожие планы друг с другом, так как представляют собой квадратные здания длиной около 65 м с внешней стеной, украшенной полукруглыми башнями-контрфорсами по углам и по бокам. Внутри размещены небольшие комнаты, расположенные в один или два ряда вокруг центрального двора. До сих пор не может быть продемонстрировано деление на квартиры (байты), состоящие из более чем двух комнат. Зонды предполагают, что они были заселены лишь в течение очень короткого промежутка времени в VIII в. Хотя оба здания имеют намного более простые внутренние планы, чем другие замки Омейядов, они не единственные в своей категории, как показывают, например, две постройки в Хан-эз-Забие [6, с. 297]. Поэтому их следует рассматривать как второстепенные замки для обслуживания халифа или в качестве жилых помещений для подданных халифа. Почти полностью построенные из исчезающего сырцового кирпича и, следовательно, сильно обветшавшие, этим двум зданиям уделялось мало внимания. Однако они являются важными компонентами поселения Омейядов.

Интерпретация Каср аль-Хайр аль-Шарки все еще проблематична. О. Грабарь интерпретировал Большую ограду как упомянутую в надписи медину, а Малую ограду – как караван-сарай, что не совсем точно. Нортедж справедливо предположил, что Каср аль-Хайр аль-Шарки был новым городским поселением, сравнимым с другими, такими как Цитадель

Аммана, Анджар и Акаба. По его мнению, Малая и Большая ограды образуют единый комплекс, даже если они построены отдельно, а Малая ограда является дворцовой частью. Тем не менее возможно дальнейшее развитие этой интерпретации. Верно то, что Каср аль-Хайр аль-Шарки, в отличие от других новых городских поселений Омейядов, расположен в типичном месте «замка в пустыне» и состоит из большинства компонентов комплекса «замка в пустыне». Однако план Большой ограды, а также фундаментальная надпись с упоминанием медины явно указывают на какую-то городскую функцию. Как упоминалось выше, надпись была найдена в пирсе мечети, предположительно, на второстепенном месте [5, с. 130]. Хотя ясно, что надпись определенно произошла из Каср аль-Хайр аль-Шарки, нет никаких доказательств того, что она использовалась повторно, или что она была связана только с Большой оградой. На самом деле надпись, скорее всего, находилась на своем первоначальном месте в одном из немногих общественных мест всей мусульманской общины. Поэтому надпись вполне может быть отнесена к основанию всего памятника с его многочисленными составляющими, а не к основанию только одной его структуры. Слово «медина» имело бы гораздо больше смысла в случае Каср аль-Хайр аль-Шарки, если бы оно касалось всего поселения, включая большие площади, заполненные зданиями из сырцового кирпича, которые до сих пор остаются неисследованными. Несмотря на отсутствие некоторых элементов, которые позволили бы классифицировать это место как настоящий город, это более широкое толкование медины, основанной халифом Хишамом Абд аль-Малик, оно позволяет рассматривать Каср аль-Хайр аль-Шарки как протогородское место. Таким образом, весь участок можно интерпретировать как форму нового городского поселения. Падение династии Омейядов в 750 г. нашей эры оказало определенное влияние на заселение этого места. Действительно, это ознаменовало упадок некоторых периферийных зданий или территорий, таких как южные замки, где не было найдено ни одного осколка, датируемого позже VIII в., и, вероятно, – большей части построек из сырцового кирпича. Однако высокий уровень заселения продолжался в Малой и Большой оградах, где смена рода занятий произошла только во второй половине IX в., а в X в. последовала заброшенность [14, с. 158].

Средневековый город (XII–XIV вв. н. э.). После двухвекового перерыва это место было вновь заселено в период Айюбидов (датируемый 1174–1260 гг. н. э. в Сирии) во второй половине XII в. Демонстрация важности этого средневекового поселения, безусловно, является одним из наиболее заметных результатов недавно предпринятой работы в рамках настоящего проекта. Благодаря археологическим раскопкам был обнаружен небольшой городок внутри руин Омейядов, отождествляемый с Урдом и время от времени упоминаемый в источниках, вплоть до начала XIV в. [13, с. 206]. Дома строились как в Большой, так и в Малой Омейядской оградке, где внешние стены и башни еще хорошо сохранились или были отремонтированы, третья – закрытая территория, где была построена большая мечеть. Это пространство, доступное через ворота в южной стене, было единственным способом попасть внутрь двух ограждений, поскольку другие ворота Большого ограждения уже были заблокированы в раннеисламский период. Общая застроенная площадь в средневековый период составляла 3,5 га.

Методы строительства и профессиональная история двух корпусов сильно отличаются друг от друга. В Большом корпусе есть один основной средневековый слой с хорошо построенными домами из повторно использованного материала построек Омейядов. Высота некоторых из этих домов до сих пор превышает 1,60 м. Те немногие случаи, когда были получены точные стратиграфические данные, позволяют датировать их концом XII и XIII вв. Наиболее четкие и полные планы, полученные американскими раскопками, показывают дома, разделенные узкими улочками и состоящие из двора и 4–7 комнат [12, с. 268].

Иная последовательность в Малой оградке, где прежние раскопки только выявили то, что тогда выглядело как «бидонвильподобные поселения», не демонстрирующие «внятной архитектурной или человеческой истории или развития». Новый анализ ситуации показывает, что правильнее говорить о народной архитектуре. В центре ограды очень четко выделяются три последовательных, четко очерченных уровня средневековых построек. Из-за ограниченных масштабов недавних раскопок составить полный план было невозможно. Однако признаков достаточно, чтобы рассматривать эти постройки как дома, состоящие из нескольких комнат. Одна из этих комнат могла быть небольшой молельней с михрабом в южной стене. Повторное заселение этой ограды, судя по предварительному анализу керамики, произошло несколько раньше, то есть примерно в середине XII в. Имеются также явные признаки того, что части первоначальной кладки комнат в Северо-восточном квадранте ограды были

реконструированы, вероятно, в тот же период, что указывает на повторное использование сохранившихся сводчатых пространств.

В первой половине XIII в. средневековое поселение имело достаточно большое значение, чтобы построить мечеть приличных размеров. Местом, выбранным для этой цели, было замкнутое пространство между двумя оградами Омейядов, напротив южного вала и юго-западного угла Малой ограды. Мечеть представляет собой квадратное сооружение (21×21 м), построенное в основном из сырцового кирпича на каменном основании. Она включает в себя крытый гипостильный молельный зал, открытый двор и минарет. Кроме того, мечеть выполняла погребальную функцию, а во дворе было кладбище [11, с. 240].

Молитвенный зал имеет внешние размеры 21×10 м и состоит из шести проходов и двух пролетов, ограниченных рядом из пяти повторно используемых колонн. В центре северной стены есть дверь. Внутренний план довольно нерегулярный. Самый западный проход очень узкий и был закрыт стеной, что привело к почти совмещению михраба, двери и первого из восточных проходов. Михраб (молитвенная ниша, указывающая направление на Мекку) представляет собой глубокую полукруглую нишу, окруженную двумя повторно используемыми колоннами. Задняя часть михраба образует квадратный выступ на внешней стене мечети. Он был добавлен в ранее существовавший южный вал. Рядом с ним на западе три каменных плиты образуют основание минбара (кафедра, с которой произносится пятничная проповедь), которая, вероятно, была построена из дерева или сырцового кирпича. Двор простирается к северу от молитвенного зала и имеет аналогичные размеры. Его пересекают две невысокие стены, которые являются позднейшими пристройками, образующими дорожку, ведущую к дверям молельного зала. Некрополь занимает восточную часть двора, а минарет расположен в северо-западном углу. Минарет представляет собой отдельно стоящую квадратную башню шириной 3 м, на которую упираются стены двора. Он до сих пор сохранился до 11,20 м в высоту и изначально был всего на несколько рядов выше. На вершину минарета можно попасть по внутренней винтовой лестнице, доступной через дверь, расположенной в верхней части западной стены двора [9, с. 157].

В юго-восточном углу двора был построен небольшой квадратный памятник – мавзолей – со сводчатой коллективной усыпальницей под землей и помещением на уровне земли, возможно, небольшой молельней. Обе части были доступны через независимые проемы или двери со двора. Экстрадос свода погребальной камеры был виден в горнице. Из-за более поздних нарушений (средневековых и современных) на дне погребальной камеры сохранились только три погребения. Но из-за наличия других костных останков можно было предположить, что изначально в камере было захоронено не менее шести человек. Каждого человека помещали в деревянный гроб и располагали на спине вытянутым или на правом боку в боковом положении, головой на запад и лицом на юг, со слегка согнутыми ногами.

Погребальные камеры делятся на две группы. Первая, к северу от мавзолея, состоит из трех гробниц с деревянными гробами в грубо облицованных ямах. Гробы были сделаны из древесины тополя (*populus sp.*), редкого для этой местности вида, вероятно, завезенного из долины Евфрата. Один из них был особенно тщательно украшен железной фурнитурой. Тела лежали на спине, головой на запад. Вторая группа гробниц – более поздняя и состоит из трех других гробниц, построенных на вершине и внутри мавзолея после того, как он был заброшен, а его надстройка разрушена. Все три гробницы представляют собой каменные ящики, построенные по-своему. В каждом ящике находилось индивидуальное захоронение в деревянном гробу [3, с. 77].

Относительная хронология мечети и мавзолея очень ясна. Действительно, нет никаких сомнений в том, что мечеть была построена без включения ранее существовавшего памятника. Также ясно, что мечеть и мавзолей не были построены одновременно, а надгробный памятник был построен на втором этапе в этом привилегированном месте. Это указывает на высокий статус похороненных там людей, о чем также свидетельствует относительное богатство архитектуры некоторых гробниц и использование привозного дерева.

Мечеть была построена в первой половине XIII в. Это основано на датировании многослойной керамики и может быть подтверждено рядом архитектурных параллелей. Наиболее близкой из этих параллелей является недавно раскопанная мечеть в Рахбе в долине Евфрата, датируемая самым началом XIII в. Датировка гробниц во дворе мечети в Каср аль-Хайр аль-Шарки указывает на вторую половину XIII и XIV вв. (ок. 1250–1400 гг. н. э.). Следует, одна-

ко, иметь в виду, что захоронения на нижнем уровне мавзолея были не самыми ранними, так как они были удалены в какой-то момент в прошлом. Об этом свидетельствует наличие костей из предыдущих захоронений под гробами. Разнообразие погребальных практик: коллективные или одиночные захоронения; в мавзолее, каменном ящике или яме; тело дорсально вытянуто или в латеральном положении; украшенные или не украшенные деревянные гробы, – перекликается с некрополем Фатимидов в Каире. Этот некрополь демонстрирует почти такое же разнообразие, несмотря на то, что он старше (конец X и XI вв.) и имеет гораздо более высокий статус. Это разнообразие – далеко от мусульманской традиции погребения в гробницах, лишенных каких-либо признаков показной роскоши, тело лишь заворачивают в саван. Дальнейшие археологические исследования исламских погребальных практик, безусловно, расширят наши знания о разнообразии практик, в зависимости от географических областей и периодов.

Образцы расселения в сирийской степи в средневековый период до сих пор плохо изучены. Однако, несмотря на то, что поселение в степи в средневековый период менее обширно, чем в период поздней античности, в период Айюбидов произошло слияние событий, которые позволили повторно колонизировать пустынную территорию и создать небольшой город в среде, в целом неблагоприятной для оседлого образа жизни. Возникновение этого города связано с экономическим и коммерческим ростом, свидетелем которого стала Сирия с приходом новой династии Айюбидов, что ознаменовало начало фазы расширения после периода, характеризующегося внутренними проблемами и крестовыми походами. Расположение Каср аль-Хайр аш-Шарки на основных дорогах, соединяющих города западной Сирии с Ираном и Сельджукской Анатolieй, безусловно, было важным фактором его относительного процветания. Однако географические и климатические ограничения все-таки были препятствием для более широкого развития города. Монгольские нашествия, за которыми последовал раздел Ближнего Востока между мамлюками в Сирии и Египте, с одной стороны, и иль-ханидами в Ираке и Иране, – с другой, принесли опустошение в этот район и временно подорвали торговлю по дорогам, с которыми Каср Аль-Хайр был связан. Это два важных элемента, которые, возможно, вызвали упадок Каср аль-Хайр аль-Шарки, что привело к окончательному запустению этого места в XIV в.

Заключение. Недавнее возобновление раскопок в Каср аль-Хайр аль-Шарки привело к улучшению наших знаний об этом месте и в пользу дальнейшей работы. Благодаря многочисленным компонентам и хорошей сохранности, этот памятник остается одним из лучших археологических источников для изучения создания и первоначального развития ранних исламских поселений на Ближнем Востоке. Кроме того, обнаружение запечатанных и четко очерченных слоев, датируемых VIII в., в менее заметных зданиях вокруг двух основных оград позволит более подробно изучить древнюю среду и экономику этого места. Средневековое заселение этого места, до сих пор малоизвестное, выиграет от новых достижений в исламской археологии, поскольку дает уникальную возможность изучить этапы создания, развития и запустения небольшого городка в степи в период с XII по XIV вв. В средневековый период между оседлыми областями западной Сирии и долиной Евфрата действительно было только одно поселение, которое сохраняло некоторое значение, это был Тадмур/Пальмира – исламский город, который все еще ожидает археологических исследований. В этом контексте признание относительной важности Каср аль-Хайр аль-Шарки и возможность проводить там раскопки прольют новый свет на образцы средневековых поселений в сирийской степи.

Список литературы

1. *Almagro M.* Qusayr 'Amra. Residencia y bañosomeyas en el desierto de Jordania / L. Caballero, J. Zozaya & A. Almagro. Madrid, 1975.
2. *Bujard J., Genequand D.* Umm al-Wal'id et Kh'an az-Zab'ib, deux établissements omeyyades en limite du désert jordanien / in B. Geyer (ed.). Conquête de la steppe et appropriation des terres sur les marges arides du Croissant fertile. Lyon : TMO 36, 2001. Pp. 189–218.
3. *Finster B., Schmidt J.* The origin of 'desert castles': the fort of Qasr Bani Muqatil, near Karbala, Iraq. *Antiquity* 79. 2005. Pp. 339–349.
4. *Fowden G.* Qusayr 'Amra. Art and the Umayyad elite in Late Antique Syria. Berkeley, 2004.
5. *Gaube H.* Die syrischen Wüstenschlösser. Einige wirtschaftliche und politische Gesichtspunkte zu ihrer Entstehung // *Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins* 95. 1979. Pp. 182–209.
6. *Gayraud R. P.* Le Qar'afa al-Kubr'a, dernière demeure des Fatimides / in M. Barrucand (ed.). *L'Egypte fatimide, son art et son histoire*. Paris : Presses Universitaires de France, 1999. Pp. 64–443.

7. *Genequand D.* Les établissements des élites omeyyades en Palmyrène et au Proche-Orient. Beyrouth, 2012.
8. *Genequand D.* Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2002 à Qasr al-Hayr al-Sharqi (Syrie). Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2002. Pp. 69–96.
9. *Genequand D.* Umayyad castles: the shift from Late Antique military architecture to early Islamic palatial building / In H. Kennedy, ed. // Muslim military architecture in greater Syria. Leiden, 2006. Pp. 3–25.
10. *Grabar O.* City in the desert: Qasr al-Hayr / R. Holod, J. Knudstad, W. Trousdale // East. Cambridge, MA, 1978.
11. *Herzfeld E.* Mshattâ, H. îra und Bâdiya. Die Mittelländer des Islam und ihre Baukunst // Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen. 1921. № 42. Pp. 46–104.
12. *Northedge A.* Archaeology and new urban settlement in early Islamic Syria and Iraq / In G. R. D. King and A. Cameron, eds. // The Byzantine and early Islamic Near East. II: land use and settlement patterns. Princeton, 1994. Pp. 65–231.
13. Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2003 à Qasr al-Hayr al-Sharqi et al-Bakhra' (Syrie) // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2003. Pp. 69–98.
14. *Sauvaget J.* Châteaux omeyyades de Syrie. Contribution à l'étude de la colonisation arabe aux Ier et IIe siècles de l'Hégire // Revue des Études Islamiques. 1967. № 35. Pp. 1–52.

From the "castle in the desert" to the medieval city: Qasr al-Khair al-Sharqi (Syria)

Bazerkan Gaid

postgraduate student in the field of Historical Sciences and Archaeology, National Research University
Higher School of Economics. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-9985-1232.
E-mail: ghaidbazerkan@gmail.com

Abstract. The article presents a study of Qasr al-Khair al-Sharqi, an architectural monument built during the Umayyad era based on the results of two significant archaeological missions: the 1956 research campaign organized by George Forsyth, and a joint project of the Syrian group and the Syrian-Swiss mission working under the auspices of the General Directorate of Antiquities and Museums of Syria and the Swiss-Liechtenstein Archaeological Foundation research abroad (SLFA – Zurich). The activity of scientists in the archaeological project allowed to expand knowledge about the Umayyad settlement in Qasr al-Khair al-Sharqi, and also highlighted the historical importance of the medieval re-settlement of this place between the XII and XIV centuries.

Qasr al-Khair al-Sharqi is one of the so-called "castles in the desert" of the Umayyads, a term applied to a number of fortified sites dating back to the early period of Islam. It certainly represents one of the most impressive and best preserved secular monuments of the early Islamic period. The castle is located about 110 km northeast of Palmyra in the Syrian steppe lands near the crossroads of the ancient routes linking the caravan city of Palmyra with Rusafa and Raqqa in the upper reaches of the Syrian Euphrates, on the one hand, and with Deir ez-Zour, Jazira and lower Mesopotamia, on the other. After some ground-based research, this place was discovered during the 1956 Middle East exploration campaign organized by George Forsyth. Since then, the Syrian group has been carrying out excavations and restoration work there. More recently, this work has turned into a joint project of the Syrian group and the Syrian-Swiss mission, working under the auspices of the General Directorate of Antiquities and Museums of Syria and the Swiss-Liechtenstein Foundation for Archaeological Research Abroad (SLFA – Zurich).

Keywords: early Islam, the Middle Ages, the Middle East, desert castles, Umayyad settlement.

References

1. *Almagro M.* Qusayr 'Amra. Residencia y baños omeyyades en el desierto de Jordania / L. Caballero, J. Zozaya & A. Almagro. Madrid, 1975.
2. *Bujard J., Genequand D.* Umm al-Wal'id et Kh'an az-Zab'ib, deux établissements omeyyades en limite du désert jordanien / In B. Geyer (ed.). Conquête et appropriation des terres sur les marges arides du Croissant fertile. Lyon : TMO 36, 2001. Pp. 189–218.
3. *Finster B., Schmidt J.* The origin of 'desert castles': the fort of Qasr Bani Muqatil, near Karbala, Iraq. *Antiquity* 79. 2005. Pp. 339–349.
4. *Fowden G.* Qusayr 'Amra. Art and the Umayyad elite in Late Antique Syria. Berkeley, 2004.
5. *Gaube H.* Die syrischen Wüstenschlösser. Einige wirtschaftliche und politische Gesichtspunkte zu ihrer Entstehung // Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins 95. 1979. Pp. 182–209.
6. *Gayraud R. P.* Le Qar'afa al-Kubr'a, dernière demeure des Fatimides / in M. Barrucand (ed.). L'Égypte fatimide, son art et son histoire. Paris : Presses Universitaires de France, 1999. Pp. 64–443.

7. *Genequand D.* Les établissements des élites omeyyades en Palmyrène et au Proche-Orient. Beyrouth, 2012.
8. *Genequand D.* Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2002 à Qasr al-Hayr al-Sharqi (Syrie). Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2002. Pp. 69–96.
9. *Genequand D.* Umayyad castles: the shift from Late Antique military architecture to early Islamic palatial building / In H. Kennedy, ed. // *Muslim military architecture in greater Syria*. Leiden, 2006. Pp. 3–25.
10. *Grabar O.* City in the desert: Qasr al-Hayr / R. Holod, J. Knudstad, W. Trousdale // East. Cambridge, MA, 1978.
11. *Herzfeld E.* Mshattâ, H. îra und Bâdiya. Die Mittelländer des Islam und ihre Baukunst // *Jahrbuch der Preussischen Kunstsammlungen*. 1921. No. 42. Pp. 46–104.
12. *Northedge A.* Archaeology and new urban settlement in early Islamic Syria and Iraq / In G. R. D. King and A. Cameron, eds. // *The Byzantine and early Islamic Near East. II: land use and settlement patterns*. Princeton, 1994. Pp. 65–231.
13. Rapport préliminaire de la campagne de fouille 2003 à Qasr al-Hayr al-Sharqi et al-Bakhra' (Syrie) // Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für Archäologische Forschungen im Ausland (SLSA/FSLA/SLFA). Jahresbericht, 2003. Pp. 69–98.
14. *Sauvaget J.* Châteaux omeyyades de Syrie. Contribution à l'étude de la colonisation arabe aux Ier et IIe siècles de l'Hégire // *Revue des Études Islamiques*. 1967. No. 35. Pp. 1–52.

Темы смерти, времени и любви в альбоме Pyrokinesis'a (Пирокинезиса) «Геометрия тьмы»

Мальцева Светлана Михайловна¹, Балакина Дарья Сергеевна²

¹кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии, Мининский университет, доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин, Самарский государственный университет путей сообщения (филиал).

Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-7273-1852. E-mail: maltsewasvetlana@yandex.ru

²студент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами, Мининский университет. Россия, г. Нижний Новгород. E-mail: balakinadr111@mail.ru

Аннотация. Русский рэп сегодня перестал быть просто явлением полуподпольной молодежной субкультуры. Он вышел не только за рамки интереса двадцатилетних, но и стал способом выражения отношения к самым острым проблемам современности, приобрел выраженные эстетические черты, стал частью культурной и экономической индустрии. Однако работ, посвященных литературоведческому анализу текстов популярных рэп-исполнителей, все еще чрезвычайно мало. Целью данной статьи является анализ феноменов смерти, времени и любви в интерпретации популярного современного исполнителя рэпа Андрея Pyrokinesis'a (Пирокинезиса). Проведен анализ его альбома «Геометрия тьмы». Выделены философские мотивы лирики исполнителя, связанные с темами смерти, времени и любви. Особое внимание уделено смысловому содержанию треков, использованию в них отсылок к известным произведениям мировой и отечественной культуры, библейским сюжетам. Сформулирована авторская концепция смерти в связи с любовью и временем. Выяснено, что «Геометрия тьмы» – это метафора, потому как поэт представляет время как гипотенузу, которая связывает между собой два катета: смерть и любовь. При этом смерть и любовь связаны тоже. Любовь порождает жизнь, которую калечит смерть. Его концепция уникальна в своем роде, потому что он переворачивает привычные представления о смерти. Пирокинезис мыслит «любовь, а не смерть»: говорит о жизни, как о составляющей смерти, на первый план выдвигает не страх смерти, из-за которого опускаются руки, исчезает искра из жизни, а осознание смерти как неизбежного конца, который наполняет жизнь смыслом.

Ключевые слова: русский рэп, Андрей Пирокинезис, философия, лирика.

Введение. Русский рэп в настоящее время является не просто субкультурой молодежи, но и способом проявления мыслей и чувств молодого поколения. Это самовыражение, протест против несправедливости и поиск опоры во враждебном мире, существовавший во все времена [7; 18]. Актуальными темами русского рэпа становятся проблемы социума, размышления о месте человека в мире, поиск и осознание себя, творческий кризис. На первый взгляд, рэп являет собой примитивную музыку и текст, полный грубости и нецензурной лексики, но за этим таится глубокий смысл, философская лирика и жизненные проблемы поколения [1; 14].

Вопрос о научном статусе такого рода поэзии не определен по сей день [2]. Так, уже несколько десятилетий обсуждается проблема научного определения рок-поэзии, несмотря на то, что «русская рок-поэзия, при всей кажущейся маргинальности данного поэтического явления, на новом витке спирали актуализирует ту же поэтику и использует те же художественные модели, которые присущи русской литературной традиции в целом» [11]. Связь русского рока и русского рэпа очевидна, что, например, подтверждается активным включением тематики рэпа в исследования рока последних лет [10; 12]. Проблемы научного статуса рэп-поэзии также не решены. Однако это не отменяет попыток анализа произведений современных рэп-исполнителей.

Методология. Целью работы является анализ феноменов смерти, времени и любви в интерпретации популярного современного исполнителя рэпа Андрея Pyrokinesis'a (Пироки-

незиса). Методы исследования: исследование проводилось с помощью изучения научной литературы, теоретического анализа песенной лирики, методов систематизации и обобщения.

Изложение основного материала исследования. Андрея Пирокинезиса можно назвать одним из ярких и нетипичных представителей русского рэпа последних лет. Пирокинезис называет себя репером, хотя поет в разных жанрах. Исполнитель говорит: «Быть по-этом значит держать свое наследие. Для того чтобы создавать и творить в какой-то области, ты должен помнить, с чего ты начинал. Ведь в конце концов любая талантливая история возвращается к своему началу. Я могу делать музыку и писать в любых стилях, но я все равно называю это русским рэпом, таким образом, отдаю дань корням, с которых я начинал» [3].

Отличительной чертой творчества Пирокинезиса является концептуальность его альбомов. Все песни в альбомах связаны между собой, альбомы перекликаются друг с другом. В песнях можно найти отсылки к известным произведениям культуры, религиозные мотивы, проследить образы лирических героев.

Последний альбом исполнителя выпущен летом 2022 г. и называется «Геометрия тьмы». В нем, переплетаясь, раскрываются важные философские темы: смерть, время, любовь. В составе альбома 22 трека, которые можно объединить в несколько блоков [6; 19].

Первый трек альбома «Притча во языцех интро» о смысле жизни, возможностях и их реализации. Осознание реальности смерти заставляет человека брать ответственность за свою жизнь, принимать позитивные решения, положительно влияющие на его будущее. Человек начинает ценить то, что имеет, и воплощает в реальность имеющиеся возможности на его жизненном пути [8]. Расстояние от Меркурия до Сатурна – жизненный путь исполнителя. Андрей, являясь лирическим героем, говорит, что этот путь очень долгий, но он не торопится на пути к своей легендарности и осознает свою смертность, как и то, что умрет, не сумев полностью преодолеть путь «от мифа до легенды», а потому он шагает налегке, будучи в гармонии и спокойствии:

Но хватит и два шага от Сатурна до Меркурия,
И от мифа до легенды
Я шагаю налегке и между ними
Там где-то тогда помру и я.

Следующая смерть, которая описывается в треке, это суицид советского поэта Бориса Рыжего, который повесился:

...Гендальф Серый, Саша Белый, Борис Рыжий
Последний, кстати, повесился.

Совершая суицид, Борис Рыжий «отвечает» на цитату французского философа-экзистенциалиста Альбера Камю: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии».

Второй трек «Претор был прав» с первых строчек отсылает нас к библейским сюжетам: «А претор был прав – в ногах правды нет и Иисус не ходил по воде».

В ногах правды нет – это русский фразеологизм. Тех, кто должен был деньги, били палками по ногам до тех пор, как они не давали согласие вернуть долг. Это говорит о том, что из-за боли человек мог сказать что угодно, лишь бы избавиться от мучений, и это не всегда была правда. Как известно, Иисус был распят, его пригвоздили к распятию и за ноги в том числе. А претор не верил, что Иисус сын божий и велел его распять. Следующие строчки отсылают нас к польскому христианскому роману «Камо грядеши» («Куда идешь»):

...Камо грядеши, родной,
Стало быть, грешен род мой,

На всех поровну поделена одна смерть и отрешена боль.

По сюжету романа император римской империи Нерон обвиняет христиан в пожаре, который длился шесть дней. Христиане подвергаются гонениям и казням [20]. Таким образом, на целый род невинных людей делится одна смерть. Боль отрешена, возможно, потому что они отмучаются в этом несправедливом мире и не будут страдать.

Вместе с религией в данной песне Андрей вводит важную переменную – шизофрению:

Ты уже не жива, моли в тишине
С нами Иешуа и ШУЕ.

ШУЕ (Шизофренический уклад един) – это субкультура людей, которые считают шизофреников не больными, а просто личностями с нестандартным типом мышления. Введение

этой переменной наводит на мысль, что лирический герой болен, в его душе тьма, которая с каждым днем разрастается все больше и больше.

В следующем треке «Радуга земного тяготения» происходит нагнетание шизофрении:

Но давайте быть честны,
Не нормально,

Это пляж, а мне в нем чудятся песочные часы.

Люди с расстройствами шизофренического спектра часто склонны к суициду, и самоубийства – преобладающие причины смерти таких людей [15]. Поэтому лирический герой, болеющий шизофренией, все чаще задумывается о смерти.

Песня «А что если смерть существо?» – центральная, на наш взгляд, в блоке о смерти. Андрей называет смерть существом. Его концепция подразумевает, что смерть – это естественная вещь, а жизнь человека нечто инородное, что вырастает на смерти, как язва, нарывы, открытые раны:

А что, если смерть – существо? А жизнь для нее как рубец,

И я двину теорию – мы не живем, а как бы заживаем.

Исходя из этого, человеческая жизнь – это рана и угроза для смерти, а не наоборот, как привыкли думать. Люди – болезнь в самой сути вещей, ценна не их жизнь, а смерть:

И думаем, коли пора,

То закончится жизнь и небесная твердь

Нам откроет врата,

Но закончилась жизнь, и воспрянула смерть.

Человек имеет свойство умирать, и это свойство называют смертностью. Смертность и смертность имеют очень схожие значения, но смертность – это еще и отношение человека к смерти [5]. Лирический герой Пирокинезиса называет смертность так:

Смертности страсть – это тема...

Это все мои восемь триграмм.

Восемь триграмм – обращение к китайской философии даосизма, то есть это фундаментальные принципы бытия. Выходит, что смерть в понимании Андрея – важнейшее свойство человека. По мнению исполнителя, единственное, что делает человека человеком, это смерть. Это ощущение смерти. Ощущение своей конечности. Вещь, которая заставляет его бесконечно бежать куда-то, зачем-то, заставляет придумывать, изобретать великое в попытках оставить свой след:

И в масштабах земного шара мы

Царапины, но

От великих людишек останутся шрамы.

Песня «Герметика» о том, что Вселенная, состоящая из множества планет и галактик, полна, ведь свойством герметичность не обладают вещи, в которых есть пустота – воздух. Философ-гуманист Николай Кузанский в своих работах писал: Мир имеет «повсюду центр и нигде окружность. Ибо его окружность и центр есть Бог, который всюду и нигде». Мир не бесконечен, иначе он был бы равен Богу, но «его нельзя помыслить и конечным, поскольку у него нет пределов, между которыми он был бы замкнут». Мы наблюдаем в строчках Пирокинезиса трактовку пантеизма, согласно которой Бог и Вселенная едина:

Все тленное – герметика.

Бог нем.

И вселенная герметична.

В заключительной песне этого блока «Я верю только в неизбежность зла» Андрей обращается к стихотворению русского поэта Георгия Иванова и цитирует строчки из его произведения:

Друг друга отражают зеркала.

Друг друга, и взаимно искажая отражение.

Пирокинезис размышляет о том, что, возможно, зеркала не отражают друг в друге искажения, а отражают искажение. То есть зеркало передает то, что видит в действительности, оно не искажает, а показывает истинные черты. Возможно, под неизбежностью зла понимается неизбежность смерти.

Песня «Ветрянка» – первая в блоке о любви. Эта песня о первой любви, когда в груди клубится жар. Эта любовь наивна и проста, но если вспомнить о том, что смерть – существо, то любовь – это то, что наносит раны смерти:

Зеленкою на ветрянку.
Зараза от первой любви.
Раночка, вновь не боли.

Песня «Аморе аморе» (в переводе «любовь») описывает развитие любви, а именно ее первую стадию, зарождение. «Нежное электричество» раскрывает непростую сторону любви: ссоры, бытовое однообразие. Трек «В джазе одни девчонки» о том, что если на кону сердце возлюбленной, то все недопонимания можно преодолеть, и герой сделает это, потому как выбора у него нет. Две песни объединяет то, что любовь заставляет человека желать духовного преображения, в то время как смерть – определяет расстояние между любящими людьми – возникающие у них противоречия, различия во взглядах. Эта дистанция предполагает, что даже несмотря на наличие любимого человека, человек должен не забывать о своем внутреннем «Я», иметь возможность духовного поиска [13].

В песне «Шерше ля фам» (в переводе «Ищите женщин») Андрей приходит к выводу, что любовь – тоже существо, причем не менее могущественное, чем смерть. Смерть и любовь не могут существовать по отдельности, поскольку едины:

А что, если любовь, быть может, тоже существо?
И если та такая же, как смерть, не сюрпризом
Будет вывод то, что у них схож механизм.

Андрей Пирокинезис не выделяет жизнь как что-то настолько глобальное, как и смерть. Он делает так, что именно любовь наносит раны смерти. Жизнь, в понимании исполнителя, рождается от любви:

Смерть ощущает боль и жар, как в жгучем костру,
Когда любовь рождает жизнь, дабы калечило сестру.

Трек «Люблю грозу в начале мая» закрывает блок о любви и говорит о том, что любить может тот, у кого есть силы на это и ресурсы. В конце герой словно сходит с ума, и остатки его любви («с уходящей весной») улетают вместе с дымом:

И бьет гром прямо в дом,
Мой дым с уходящей весной подымая.

Песня «Шепот далеких звезд» – первая в блоке о шизофрении. Эта песня о суициде, депрессии, о том, как обезумевший разум видит окружающий мир. Герой слышит голоса, которые подталкивают его совершить суицид. Автор говорит о том, что с голосами в голове не стоит говорить, ведь совершив суицид, человек обречет своих близких на слезы, которые потом нельзя будет вернуть, так же как и жизнь совершившего самоубийство.

Не отвечайте зеркалу на вопросы,
Воспринимайте безумие не всерьез и
Осознавайте, что не вернете слез

Падающих по вам под шепот далеких звезд.

Трек «Эдельвейс» знаменует полное погружение лирического героя в безумие. Чтобы понять смысл песен «Докучные сказки докучные сказки докучные» и «Люди хтонь небытие». Можно вспомнить цитату Эйнштейна о том, что повторять одно и то же действие, надеясь на другой результат – безумно. И песня «Докучные сказки...», выражая тотальность шизофрении, закрывает смысловой блок [16].

В песне «Отказываю небу» лирический герой смог противостоять шизофрении, справиться с голосами в голове и не покончить с собой; он принимает свои грехи («соль земли») и пытается снова и снова уйти от прошлого, поменяв направление своего пути:

Я понял соль земли и принимаю в себе тьму
И преломляю свет раз за разом,

И если мне приказывают звезды – я отказываю.

В этой же песне Пирокинезис описывает смерть как пространство, добавляя ей определенные математические характеристики. Жизнь тоже имеет своеобразную длину – отрезок времени внутри смерти, который, в отличие от смерти, конечен. Феномен времени – один из главных в принципах осмысления сотворения мира, его возникновения. В бытийном смысле оно рассматривается не как самостоятельная величина, а в совокупности с пространством [9; 18]. А пространство в понимании Пирокинезиса – смерть, таким образом, мы наблюдаем взаимосвязь двух понятий:

Смерть – это пространство.
Смерть – это длина и ширина.

А жизнь – отрезки времени внутри.

У вечности нет времени, у времени – любви.

Но человек обладает не менее ценным, чем время. Как говорил немецкий философ Мартин Хайдеггер: «Жизнь дана человеку в личное пользование». Он может полюбить, и таким образом любовь родит жизнь, либо человек может покончить с собой, отдавшись смерти:

Но есть у человека кое-что, и это – выбор.

Выбор полюбить, выбор умереть.

Заглавная песня «Геометрия тьмы» связывает воедино три понятия и объясняет название альбома:

Время – гипотенуза.

Катет – любовь.

Смерть – катет.

То есть время, смерть и любовь связаны между собой, так же как соединены в прямоугольном треугольнике гипотенуза и два катета. Время определяет, сколько будет длиться жизнь и смерть, а смерть и любовь связаны – поскольку смерть может прекратить свое существование из-за любви. Также время необратимо, его невозможно повернуть вспять. Смерть же – пространство, которое обладая длиной, шириной, высотой, может возвращаться на прежнее место: она существует, на ее теле появляются раны – человеческие жизни, а после смерти человека смерть восстает в своем прежнем величии [4].

В песне «Время и камушки аустро» Андрей говорит о том, что время, отведенное человеку, закончится, но это не делает человека слабым, «ведь у времени кое-чего так и нет, а у нас это есть». У человека есть любовь, а значит, есть жизнь, время же такими свойствами не обладает.

В следующем треке «Время вернуться назад» Пирокинезис еще раз называет три глобальных величины:

Не то чтобы время, смерть и любовь.

Это три существа.

Три товарища...

Теоремы три,

Три закона.

Трек «Что отличает птицу от летучей мыши» о том, что смерть, несмотря на то, что имеет один итог, всеми воспринимается по-разному. Так, летучая мышь способна к эхолокации, она может «постигать геометрию тьмы», то есть в какой-то степени видеть смерть из-за особенностей ориентации в пространстве [16].

Последний трек «Звезды все принадлежат богам», на наш взгляд, о том, что каждое существо что-то определяет: птица летает в небесах. Рыба плавает в океане. Звезды – нечто божественное, над чем человек не властен. А человеку принадлежит смерть. Именно ее осознание заставляет человека понимать, что он не будет жить вечно, что его жизнь необходимо наполнить чем-то, привнести в нее смысл и прожить так, чтоб не жалеть:

Птицам – небеса, рыбе – океан.

Человеку – смерть, и звезды – богам.

Вывод. В ходе исследования было выяснено отношение Андрея Пирокинезиса к смерти: «Мне сложно представить мир вообще без смерти. Ушел бы культурный пласт, хотя бы поэтому. Для человека, который пишет, важно иметь много культурных аспектов, к которым можно прикоснуться даже с такой стороны». То есть Андрею как исполнителю интересна сама концепция смерти, размышления о посмертии и о загробной жизни. Также Пирокинезис говорит о том, что смерть – единственный хтонический бог, которого мы можем помыслить. Он считает, что смерть – это естественный процесс, а жизнь это аномалия, жизни не должно было быть, но она произошла. Подтверждение этой мысли мы видим в его альбоме «Геометрия тьмы».

Проведя исследование, выяснили, что «Геометрия тьмы» – это метафора, потому как Андрей представляет время как гипотенузу, которая связывает между собой два катета: смерть и любовь. При этом смерть и любовь связаны тоже. Любовь порождает жизнь, которую калечит смерть. Его концепция уникальна в своем роде, потому что он переворачивает привычные представления о смерти. Пирокинезис мыслит «любовь, а не смерть»: говорит о жизни, как о составляющей смерти, на первый план выдвигает не страх смерти, из-за которого опускаются руки, исчезает искра из жизни, а осознание смерти как неизбежного конца, который наполняет жизнь смыслом.

Человек должен осознать отведенное ему время и смерть как конечную цель и жить настоящим, потому что в отличие от смерти время необратимо. Существует прошедшее, которое мы помним, будущее, о котором мечтаем, а настоящий момент – лишь скоротечный миг. Как говорил Л. Н. Толстой: «Единственный смысл жизни человека – это совершенствование своей бессмертной основы. Все другие формы деятельности бессмысленны по своей сути, в связи с неотвратимостью гибели», – нужно помнить о смерти, стремиться любить (противостоять смерти), совершенствовать свою душу, используя на максимум отведенное человеку время.

Список литературы

1. *Авдеенко И. А.* Гиперобраз эпохи в языке русского рэпа, или заметки рок-филолога на полях рэп-лирики // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Электрон. научн. журн. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург ; Тверь, 2019. Вып. 20. С. 32–40.
2. *Авдеенко И. А.* Проблемы определения понятия «русская рок-поэзия» в литературоведении и языкознании // Грамота. 2017. № 8 (74) : в 2-х ч. Ч. 1. С. 54–57.
3. Андрей Pyrokinesis. Хайдеггер против Моргенштерна. Терминальное чтение 12x07. URL: <https://www.youtube.com/watch?V=LF5C8IIIRyEk&t=5278s> (дата обращения: 07.05.2023).
4. *Бойко С. В., Ершов К. Г., Данилов А. А.* Пространство и время в философии и военном деле // Научная мысль. 2020. № 2–1 (36). С. 51–57.
5. *Галузо В. Н.* О соотношении терминов «смертность» и «мортальность» (филолого-правовой аспект) // Аграрное и земельное право. 2023. № 3 (219). С. 6–9.
6. Геометрия тьмы (geometry of darkness). URL: <https://genius.com/Pyrokinesis-geometry-of-darkness-lyrics> (дата обращения: 24.05.23).
7. *Гришина Е. А.* Русский рэп как саморефлексия поколения // Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение. 2019. № 3. С. 86–96. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-86-96.
8. *Данилова Ж. Л., Шерякова Т. Д.* Взаимосвязь смысложизненных ориентаций и отношения к категории «смерть» // Профессиональное самоопределение молодежи инновационного региона: проблемы и перспективы : сб. статей по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2023. С. 123–125.
9. *Дзюба Е. М., Захарова В. Т.* Ценностные векторы отечественной словесности: Нижегородский текст русской литературы // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 3. С. 430–463.
10. *Завалишин А. Ю., Костюрина Е. Ю.* Русская рэп-культура: специфика научного анализа // Журнал интегративных исследований культуры. 2020. Т. 2. № 1. С. 60–68. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-1-60-68.
11. *Логачева Т.* Русская рок-поэзия 1970–1990-х гг. в социокультурном контексте XX века. URL: <http://www.proza.ru/2014/01/13/1566> (дата обращения: 28.06.2023).
12. *Никитина О. Э., Никитина Е. Э.* Рок и рэп – близнецы-братья – кто более матери-истории ценен? Репутации рок- и рэп-поэтов глазами друг друга // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. Электрон. науч. журн. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург ; Тверь, 2019. Вып. 20. С. 41–54.
13. *Николина О. И.* Синтез феноменов любви и смерти как основание рождения метафизического уровня существования // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : мат-лы II Всероссийской междисциплинарной научной конференции. Омск : Омский государственный педагогический университет, 2020. С. 412–415.
14. *Павлов С. Г., Петрова Н. Е.* К вопросу о «(не)приличной» языковой форме в публичном информационном пространстве // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 6. Журналистика. С. 278–289. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-278-289.
15. *Петрова Н. Н.* Факторы риска и превенция суицида при шизофрении: фокус на роли современных инъекционных антипсихотиков-пролонгов // Современная терапия психических расстройств. 2021. № 3. С. 31–37.
16. Разбор и анализ альбома Pyrokinesis'a «Геометрия тьмы». URL: <https://dzen.ru/a/уурс3еiihgoot14> (дата обращения: 08.05.2023)
17. *Сорокина М. П.* Учитель и ученик в античной педагогике: диалектика любви и смерти // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 3. С. 19.
18. *Ушакова Е. В.* Проблема времени в системной философии // Антология современной русской философии. М. : Энциклопедист-Максимум, 2021. С. 355–409.
19. Философия смерти. Pyrokinesis. Терминальное чтение 13x16. URL: <https://www.youtube.com/watch?V=vуwевl2xs1o&t=296s> (дата обращения: 08.05.2023).
20. Pyrokinesis Lyrics, Songs and Albums. URL: <https://genius.com/artists/Pyrokinesis> (дата обращения: 10.05.2023).

Themes of death, time and love in the Pyrokinesis album "Geometry of Darkness"

Maltseva Svetlana Mikhailovna¹, Balakina Daria Sergeevna²

¹PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Theology, Mininsky University. associate professor of the Department of General Education and Professional Disciplines, Samara State University of Railway Engineering (branch).

Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-7273-1852. E-mail: maltsewasvetlana@yandex.ru

²student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems, Mininsky University. Russia, Nizhny Novgorod. E-mail: balakinadr111@mail.ru

Abstract. Russian rap today has ceased to be just a phenomenon of a semi-underground youth subculture. It went not only beyond the interest of twenty-year-olds, but also became a way of expressing attitudes to the most pressing problems of our time, acquired pronounced aesthetic features, and became part of the cultural and economic industry. However, there are still extremely few works devoted to the literary analysis of the texts of popular rap artists. The purpose of this article is to analyze the phenomena of death, time and love in the interpretation of the popular modern rap artist Andrei Pyrokinesis. The analysis of his album "Geometry of Darkness" is carried out. The philosophical motives of the performer's lyrics related to the themes of death, time and love are highlighted. Special attention is paid to the semantic content of the tracks, the use of references to famous works of world and national culture, and biblical stories in them. The author's concept of death in connection with love and time is formulated. It was found out that the "Geometry of darkness" is a metaphor, because the poet represents time as a hypotenuse that connects two cathets: death and love. At the same time, death and love are also connected. Love creates life, which is crippled by death. His concept is unique in its kind, because it reverses the usual ideas about death. Pyrokinesis thinks "love, not death": it talks about life as a component of death, it is not the fear of death that brings to the fore, because of which the hands give up, the spark disappears from life, but the awareness of death as an inevitable end that fills life with meaning.

Keywords: Russian rap, Andrei Pyrokinesis, philosophy, lyrics.

References

1. Avdeenko I. A. *Giperobraz epohi v yazyke russkogo repa, ili zametki rok-filologa na polyah rep-liriki* [Hyperobraz of the epoch in the language of Russian rap, or notes of a rock philologist in the fields of rap lyrics] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst : sb. nauch. tr.* – Russian rock poetry: text and context : collection of scientific works. Electron. scientific journal. Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg ; Tver. 2019. Is. 20. Pp. 32–40.
2. Avdeenko I. A. *Problemy opredeleniya ponyatiya "russkaya rok-poeziya" v literaturovedenii i yazykoznanii* [Problems of defining the concept of "Russian rock poetry" in literary studies and linguistics] // *Gramota – Literacy*. 2017. No. 8 (74) : in 2 parts. Part 1. Pp. 54–57.
3. *Andrey Pyrokinesis. Hajdegger protiv Morgenshterna. Terminal'noe chtivo 12x07* [Heidegger vs. Morgenstern. Terminal reading 12x07]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?V=LF5C8IRyEk&t=5278s> (date accessed: 07.05.2023).
4. Bojko S. V., Ershov K. G., Danilov A. A. *Prostranstvo i vremya v filosofii i voennom dele* [Space and time in philosophy and military affairs] // *Nauchnaya mysl'* – Scientific thought. 2020. No. 2–1 (36). Pp. 51–57.
5. Galuzo V. N. *O sootnoshenii terminov "smertnost'" i "mortal'nost'" (filologo-pravovoj aspekt)* [On the correlation of the terms "mortality" and "mortality" (philological and legal aspect)] // *Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and land law*. 2023. No. 3 (219). Pp. 6–9.
6. *Geometriya t'my (geometry of darkness)* – Geometry of darkness. Available at: <https://genius.com/Pyrokinesis-geometry-of-darkness-lyrics> (date accessed: 24.05.23).
7. Grishina E. A. *Russkij rep kak samorefleksiya pokoleniya* [Russian rap as a self-reflection of the generation] // *Vestnik RGGU. Seriya Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie* – Herald of Russian State University. Philosophy series. Sociology. Art history. 2019. No. 3. Pp. 86–96. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-3-86-96.
8. Danilova Zh. L., Sheryakova T. D. *Vzaimosvyaz' smyslozhiznennyh orientacij i otnosheniya k kategorii "smert'"* [Interrelation of life orientations and attitudes to the category of "death"] // *Professional'noe samoopredelenie molodezhi innovacionnogo regiona: problemy i perspektivy : sb. statej po materialam Vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoj konferencii* – Professional self-determination of youth in the innovative region: problems and prospects : collection of articles based on the materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference. Krasnoyarsk. Krasnoyarsk State Agrarian University. 2023. Pp. 123–125.
9. Dzyuba E. M., Zaharova V. T. *Cennostnye vektory otechestvennoj slovesnosti: Nizhegorodskij tekst russkoj literatury* [Value vectors of Russian literature: Nizhny Novgorod text of Russian literature] // *Studia Litterarum – Studia Litterarum*. 2022. Vol. 7. No. 3. Pp. 430–463.
10. Zavalishin A. Yu., Kostyurina E. Yu. *Russkaya rep-kul'tura: specifika nauchnogo analiza* [Russian rap culture: specificity of scientific analysis] // *Zhurnal integrativnyh issledovanij kul'tury* – Journal of Integrative Cultural Studies. 2020. Vol. 2. No. 1. Pp. 60–68. DOI: 10.33910/2687-1262-2020-2-1-60-68.

11. Logacheva T. *Russkaya rok-poeziya 1970–1990-h gg. v sociokul'turnom kontekste XX veka* [Russian rock poetry of the 1970s-1990s in the socio-cultural context of the twentieth century]. Available at: <http://www.proza.ru/2014/01/13/1566> (date accessed: 28.06.2023).

12. Nikitina O. E., Nikitina E. E. *Rok i rep – bliznecy-brat'ya – kto bolee materi-istorii cenen? Reputacii rok- i rep-poetov glazami drug druga* [Rock and rap are twin brothers – who is more valuable than mother history? Reputations of rock and rap poets through each other's eyes] // *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst : sb. nauch. tr.* – Russian rock poetry: text and context : collection of scientific tr. Electron. scientific journal. Ural State Pedagogical University un-T. Yekaterinburg; Tver. 2019. Is. 20. Pp. 41–54.

13. Nikolina O. I. *Sintez fenomenov lyubvi i smerti kak osnovanie rozhdeniya metafizicheskogo urovnya sushchestvovaniya* [Synthesis of the phenomena of love and death as the basis for the birth of a metaphysical level of existence] // *Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu : mat-ly II Vserossijskoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii* – Cognition and activity: from the past to the present : proceedings of the II All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference. Omsk. Omsk State Pedagogical University. 2020. Pp. 412–415.

14. Pavlov S. G., Petrova N. E. *K voprosu o "(ne)prilichnoj" yazykovej forme v publichnom informacionnom prostranstve* [On the question of the "(not) decent" language form in the public information space] // *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* – Herald of NSU. Series: History, philology. 2021. Vol. 20. No. 6. Journalism. Pp. 278–289. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-278-289.

15. Petrova N. N. *Factory riska i prevenciya suicida pri shizofrenii: fokus na roli sovremennyh in'ekcionnyh antipsihotikov-prolongov* [Risk factors and suicide prevention in schizophrenia: focus on the role of modern injectable antipsychotics-prolongs] // *Sovremennaya terapiya psicheskikh rasstrojstv* – Modern therapy of mental disorders. 2021. No. 3. Pp. 31–37.

16. *Razbor i analiz al'boma Pyrokinesis'a "Geometriya t'my"* – Analysis and analysis of the Pyrokinesis album "Geometry of Darkness". Available at: <https://dzen.ru/a/yypc3eiilhgoot14> (date accessed: 08.05.2023)

17. Sorokina M. P. *Uchitel' i uchenik v antichnoj pedagogike: dialektika lyubvi i smerti* [Teacher and student in ancient pedagogy: the dialectic of love and death] // *Vestnik Mininskogo universiteta* – Herald of Minin University. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 19.

18. Ushakova E. V. *Problema vremeni v sistemnoj filosofii* [The problem of time in systemic philosophy] // *Antologiya sovremennoj russkoj filosofii* – Anthology of modern Russian philosophy. M. Encyclopedist-Maximum. 2021. Pp. 355–409.

19. *Filosofiya smerti. Pyrokinesis. Terminal'noe chtivo 13x16* – Philosophy of death. Pyrokinesis. Terminal reading 13x16. Available at: <https://www.youtube.com/watch?V=vywevl2xs1o&t=296s> (date accessed: 08.05.2023).

20. Pyrokinesis Lyrics, Songs and Albums. Available at: <https://genius.com/artists/Pyrokinesis> (date accesses: 10.05.2023).

Символика огня как интертекстуальный аспект художественных миров Кристофа Рансмайра

Качоровская Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и романских языков
для профессиональной коммуникации, Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург.

ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019. E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Аннотация. Предметом настоящей статьи является малоизученный аспект творчества австрийского писателя Кристофа Рансмайра (р. 1954) – символика огня в контексте трех наиболее известных русскому читателю романов: «Ужасы Льдов и Мрака» (*Die Schrecken des Eises und der Finsternis*, 1984), «Последний мир» (*Die letzte Welt*, 1988) и «Болезнь Китахары» (*Morbus Kitahara*, 1995). Актуальность статьи заключается в рецептивном подходе к изучению творчества Рансмайра, позволяющем применение интерпретационных методов исследования. Цель статьи – определение степени значения символики огня для интертекстуальной структуры романов Рансмайра. Исследование представляет следующие результаты: в связи с символикой огня рассматривается вопрос переосмысления античного Логоса в постмодернистской парадигме, уделяется особое внимание проблеме мимесиса и постмодернистского хаоса. Подчеркивается взаимосвязь сквозного доминантного мотива карнавала с темой огня. На конкретных примерах демонстрируется интертекстуальный аспект символики огня как неотъемлемой части архитектоники исследуемых произведений. Прослеживается эволюция символики огня, от контаминации образа-символа Льда с Огнем в первом романе Рансмайра «Ужасы Льдов и мрака» до агрессивной символики мотива сожжения «Метаморфоз» Овидия в «Последнем мире» и мотива пожара в тексте «Болезни Китахары». Выводы исследования содержат доказательства определяющего значения символики огня в интертекстуальной структуре романов Рансмайра. Область применения результатов видится в возможности их практического использования в учебном процессе: в лекционных курсах по австрийской литературе рубежа XX–XXI вв., а также специализированных курсах, посвященных Рансмайру как виднейшему представителю австрийского постмодернизма.

Ключевые слова: Рансмайр, символика огня, постмодернистский хаос, миф, карнавал.

Многогранность и неоднозначность огненной символики с древнейших времен до настоящего времени находит свое воплощение в мировой литературе. В качестве традиционного символа, в частности в немецкоязычной прозе, огонь олицетворяет солнечную энергию, являясь «творческой силой универсума» (например, явление земного духа в Фаусте I Гёте, (1808)) [18, s. 155]. «Превращение» (*Umwandlung*) [17, s. 54] огня в пламень может символизировать духовность и философское «трансцендентное начало» (*Transzendenz*) [17], но также и домашний очаг – квинтэссенцию земного существования. Амбивалентность огня способна проявляться как в созидательной, так и в агрессивной форме. Не случайно в различных религиозных учениях огонь – неперенный атрибут полярных начал: божественного и демонического.

Символика огня в литературе привлекает исследователей разнообразием интерпретационных возможностей. Особое значение придается огню в постмодернистской литературе, постулирующей принципиальную бесконечность истолкований. В этой связи представляет интерес труд У. Эко (1932–1916) «Роль читателя. Исследования по семиотике текста» (1979), в котором концепция интерпретации связывается с символом как средством выражения неопределенности [14, с. 95]. Позднее, в «Заметках на полях Имени Розы» (1983), Эко называет свой роман «Имя Розы» (1980) «машиной-генератором интерпретаций» [15, с. 597]. Огонь, символизирующий апокалипсис, завершает произведение: сгорает монастырская библиотека.

Огонь является первоэлементом, или, по мысли Гераклита, – первовеществом природы, из которого возникают все вещи мира, подчиняясь необходимости, которую философ обозначает как «Логос» [18, s. 155–156]. В литературе постмодернизма символика огня связана с первоначальным хаосом сотворения нового мира. Взаимосвязь огня с логосом – тема, которая позволяет перефразировать (в рамках типично постмодернистской языковой игры) библейское изречение «В начале было Слово» в новую интенцию: «В начале был Огонь».

Абстрактное понятие хаоса в постмодернистском дискурсе связывают также и с правилом нонселекции – созданием «преднамеренного повествовательного хаоса» [3, с. 6]. Хаос как новая реальность, утратившая единство, может рассматриваться в качестве доминантного знака постмодернистской парадигмы, поскольку, по мнению немецкого теоретика постмодернизма В. Вельша (р. 1946), – «постмодерн начинается там, где кончается целое» [21, s. 39].

Новый первоначальный хаос и превращение, рассмотренные в качестве элементов постмодернистского дискурса, в известной мере близки и понятию симулякра. В сборнике Р. Лакманн (р. 1936) «Дискурсы фантастического» (2009) эффект симулякра представлен в качестве некоего антизнака, который может быть прочитан как синоним аристотелевского понятия фантазма [5, с. 63], а Н. Б. Маньковская (р. 1948) в своем труде «Эстетика постмодернизма» (2000) определяет его как часть постмодернистской языковой игры, связанной с мимесисом, где «...естественный мир заменяется его искусственным подобием, второй природой» [6, с. 56].

В художественных мирах Рансмайра постмодернистскому мимесису подвержены как сам символ огня, так и персонажи, связанные с огненным мотивом. В хаосе эклектичной постмодернистской парадигмы на смену природному источнику тепла и света часто приходит искусственный электрический свет, а герои античных мифов становятся частью окрашенного огненной символикой интертекста.

Интересно, что наррации романов Рансмайра, рассмотренные с точки зрения символики огня и света, антагонизируют с лейтмотивом темноты и сумрака, возникающим на страницах австрийской литературы, начиная с 1960-х гг. (Т. Бернхард «Холод», 1963, Ф. Иннехофер «Прекрасные дни», 1974, М. Грубер «Смерть зуйка», 1991) вплоть до начала XXI в. (П. Туррини (1944) «С наступлением темноты», 2007).

Интерпретация интертекстуальной символики в прозе Рансмайра является предметом многих современных немецкоязычных исследований. Следует упомянуть, например, монографию М. Готтшлига (M. Gottschlieg) «Заблудиться в полярных областях литературы. Субъект и пространство у Э. А. По и К. Рансмайра (Verloren Gehen in den Polargebieten der Literatur. Subjekt und Raum bei Edgar Allan Poe und Christoph Ransmayr, 2018). Сравнивая прозу Рансмайра и Э. А. По (1809–1849), Готтшлиг определяет символический «мотив заблуждения» (Motiv des Verloren Gehens) [19, s. 155] в качестве основы исследуемых интертекстуальных пространств. Символичность текстового пространства рассматривается также и в статье Ш. Алкера (St. Alker), презентующего бразильскую тему романа Рансмайра *Morbus Kitahara* как «экзотическую альтернативу» [16, s. 63] австрийской реальности. В рецепции Хоффманна Т. (Hoffmann T.) роман «Ужасы Льдов и Мрака» предстает частью «теории возвышенного» (The orie des Erhabenen) [20, s. 137], апеллирующей к философии Канта и Лукреция.

Современные отечественные литературоведческие труды, как правило, также рассматривают творчество Рансмайра в качестве одной из самых значительных составляющих австрийского постмодернистского дискурса. Например, Гладилин Н. В. в своей монографии «Становление и актуальное состояние литературы постмодернизма в странах немецкого языка (Германия, Австрия, Швейцария)» (2011) подчеркивает, что из австрийских литераторов «...к всемирному канону постмодернистской литературы обычно причисляют только австрийца Рансмайра» [2, с. 210]. Соколова Е. В. в статье «Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма» (2006) называет имя Рансмайра в ряду европейских писателей, чье творчество так или иначе связано с понятием постмодернистского хаоса и первоначального хаоса сотворения мира. Это – Эко и Фаулз, Зюскинд и Поссе [13, с. 99]. Исключением является исследование Радаевой Э. А., анализирующей прозу Рансмайра в контексте творчества австрийских экспрессионистов (Гейм, Тракль, Кафка, Елинек). Мотив огня в романе «Последний мир» в ее интерпретации предстает символом «пепелища», из которого, подобно Фениксу, возрождается вечное искусство [9, с. 84].

В исследованиях Карельского А. В. и Плахиной А. В., рассматривающих символизм произведений Рансмайра в парадигме постмодернистского мироощущения, приоритетное внимание уделяется ключевым знакам-символам камней, птиц [4, с. 5], а также вечных льдов [8, с. 467].

Наряду с названными знаками-символами представляет интерес также и гораздо менее исследованная символика огня, рассматриваемая в данной статье в качестве интертекстуального аспекта постмодернистской языковой игры в трех романах Рансмайра: «Ужасы Льдов и Мрака», «Последний мир» и «Болезнь Китахары».

В романе «Ужасы льдов и Мрака», как и в последующих произведениях австрийского литератора, парадоксальным образом ставится под сомнение историческая действительность, а иллюзия возводится в ранг реальности. Детально описываются подвиги австрийских ледовых первопроходцев, открывающих самую холодную землю в мире – землю Франца Иосифа. Текст романа демонстрирует приверженность к игре с пространством и временем, в которой сам исторический факт открытия земли Франца Иосифа ставится под сомнение, превращаясь в иллюзорный и ироничный символ самой Австрии. Сверкающие льды новой земли кажутся легко достижимыми и не менее доступными, чем символ карнавала – «...сверкающий огнями луна-парк» [10, с. 7].

Симулякр карнавализованной действительности, иллюзия достижимости недостижимого – часто встречающийся прием в творчестве Рансмайра, вероятно, связанный с духом времени конца XX в., поскольку культурные реалии рубежа веков предполагают американизацию сознания немецкоязычного читателя, тонкую иронию над обязательностью хэппи-энд'а в литературе и масс-медиа. Так, например, в тот самый момент, когда читатель вместе с австрийскими покорителями Арктики полностью разуверяется в существовании новой земли и возможности ее достижения, иллюзорность мифа о ледяной, полностью лишенной растительности и тепла земле, оборачивается реальностью. Дневники арктических героев, – обер-лейтенанта Юлиуса Пайера и командира трехмачтового корабля «Адмирал Тегетхоф» Карла Вайпрехта, – свидетельствуют об истинности австрийских завоеваний. Варьируя тему Великой американской мечты, австрийская мечта рассыпается в прах, превращается в пустоту, фетиш, тем самым вызывая аллюзии на мотив крушения мечты в повести Э. Хемингуэя (1899–1961) «Старик и море» (1952). Сравнение с произведением американского писателя в данном контексте не случайно: подражание хемингуэевскому канону, как известно, характерно для австрийской литературы второй половины XX в. Подобно тому, как гибнет уже достигнутая мечта героя повести «Старик и море», исчезает и вновь открытая новая земля в романе «Ужасы Льдов и Мрака»: имена победителей Пайера и Вайпрехта лишь на время входят в моду в Вене, чтобы затем быть преданными забвению.

Ужасам льда и мрака в романе противостоит мотив солнечного света и согревающего огня как символа животворящей энергии. Кажется, что и австрийские завоеватели Арктики, включая анонимного автора-повествователя, идущего по следам исторической экспедиции, не столько стремятся к открытию новой земли, сколько бесконечно долго ждут тепла и солнца. Текстовое пространство «...холодного, блистающего мира неумолимостей» [10, с. 17] изредка озаряется вспышками огня. Языковая игра в романе включает виртуозные в литературном отношении описания пожаров, костров, горящих в холодных солнечных лучах льдов, вследствие чего знаковые символы льда и огня могут рассматриваться в качестве антиномии, символизирующей неразрывность разнополярных стихий. Данную антиномию можно проиллюстрировать на примере мастерски созданного описания северного сияния из дневниковых записей протагониста Вайпрехта: «Именно северное сияние прежде всего наполняет новичка в тех краях изумлением – неразгаданная загадка, которую природа огненными письменами напечатлела на звездном арктическом небе... Здесь небесный купол целиком объят пламенем; пышными снопами тысячи молний беспрестанно устремляются со всех сторон к той точке небосвода, куда указывает свободная магнитная стрелка; вокруг этой точки искрятся, мерцают, колышутся, зыблются в неистовом хаосе слепяще-белые пламена с цветною каймой; словно подгоняемые ветром, огневые волны света, пересекаясь и захлестывая друг друга, мчатся с запада на восток и с востока на запад» [10, с. 100–101].

Выступая в качестве литературного мотива, огонь как символ «Очищения на страшном Суде» [18, с. 156] может коррелировать с апокалиптическим мотивом. Так, например, грандиозная картина северного сияния в произведении Рансмайра содержит в том числе и интертекстуальные аллюзии на текст Откровения Иоанна Богослова [1, с. 1930], где огонь выступает в качестве символа Иисуса Христа, а битва Михаила и Ангелов с Драконом символизирует вечную борьбу добра со злом. Описание северного сияния у Рансмайра подобно апокалиптической картине: «Мнится, будто древняя легенда Священного Предания стала явью: небесные воинства вступили в битву и на глазах у обитателей земли истребили друг друга огнем и молнией» [10, с. 101].

Если в первом романе Рансмайра «Ужасы Льдов и Мрака» огонь и солнечный свет чаще всего являются редким, но жизненно важным для героев связующим звеном в предметном ряду арктического антуража, то в тексте «Последнего мира» многослойная символика огня

взаимодействует с более объемным мотивным рядом: от мотива сотворения мира до его распада. Представляя собой псевдоантичное постмодернистское произведение, «Последний мир» тяготеет к постмодернистскому хаосу, в котором в качестве интертекстуальных фрагментов отображается первоначальный вселенский хаос, описанный в «Метаморфозах» (1643) Овидия (43 г. до н. э.):

«Не было моря, земли и над всем распростертого неба, –
Лик был природы един на всей широте мироздания, –
Хаосом звали его» [7, с. 5].

Амбивалентная природа огня как первоосновы в сотворении новой вселенной из первоначального хаоса и одновременно как символа агрессии и разрушения неоднократно возникает в тексте «Последнего мира». Рукописи «Метаморфоз» Овидия превращаются в «обугленные пачки бумаг» [11, с. 40], обыгрываются мотивы «огненного знака» и «костра из книг» [11, с. 24] в римском доме Назона, вызывающие реминисценции на ритуальные фашистские сожжения запрещенной литературы.

В поисках следов ссыльного поэта Овидия Назона протагонист романа Котта находит в назовом саду далекого черноморского города Томы, – месте ссылки древнего поэта, – каменные плиты с текстом-посланием. Первым словом, которое попадает в поле зрения Котты, является именно «Огонь» [11, с. 40]. Постепенно герою открывается полный текст послания, часть которого приводится ниже:

«Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба не уничтожит,
Ни меч, ни огонь, ни алчная старость» [11].

Выбитый на камнях текст символизирует вневременность поэзии Овидия Назона. Пожар в Риме, во время которого его «...труд стал пеплом» [11, с. 23], не может отнять жизнь у вечных «Метаморфоз», фрагментарно существующих в бесконечности художественных пространств.

Большое значение для текстовой структуры романа Рансмайра имеет также и древнее толкование огня в качестве символа солнца, а солнечной энергии – как квинтэссенции божественной и земной власти. Солнце, подобно мудрости римской власти, призвано освещать все уголки божественной вселенной. Даже в самом далеком от Рима опальном городе Томы протагонисты и автор-повествователь наблюдают, как «добела раскаленный символ огня, солнце поднялось в зенит» [11, с. 172].

Мотив огня как символа солнца отсылает к мифологическому сюжету из «Метаморфоз» Овидия. «Метаморфозы» изобилуют огненными эпитетами и сюжетами, связанными с огнем. Например, бог солнца Феб предостерегает своего сына Фаэтона, говоря об опасности «оси пламеносной» [7, с. 30]; раздаётся «...солнца коней пламеносное ржанье» [7, с. 32]. Не в силах справиться с огненной колесницей Феба, Фаэтон опускается все ниже, сжигая землю: «Тут увидал Фаэтон со всех сторон запыхавший мир...» [7, с. 34]. Юпитер уничтожает Фаэтона перунами, спасая землю. Наяды Геспериды хоронят сожженного огнем Фаэтона, выбивая на камне стихи, воспевающие храбрость юного возницы:

«Здесь погребен Фаэтон, колесницы отцовской возница;
Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он» [7, с. 37].

В тексте Рансмайра под интертекстуальной карнавальной маской предстает и сам образ бога-солнца Феба. Карнавал и факельное шествие в Томах, как апофеоз всех превращений, на время дает героям власть и над огнем, который в этом древнем до-прометеевском мире кажется прерогативой богов и власти.словно в кривом зеркале, почти до неузнаваемости искажающим античный миф, едет на карнавал украшенный «...обрывками золотой бумаги и кусочками блестящего металла...» [11, с. 64], размахивающий горящим кнутом мясник Терей, работающий на бойне. Вместо колесницы у него телега, а вместо «пламеносных» коней – волю. Карнавальный развенчание божественного образа Феба делает его почти неузнаваемым, однако, автор-повествователь добавляет: «Маска Терей была карикатурой, грубым шаржем, но тем не менее напоминала выветренные рельефы с фасадов римских храмов, министерств и дворцов, напоминала изображение солнечного бога на огненной колеснице. Мяснику хотелось быть Фебом» [11, с. 65].

Огонь как символ солнца еще раз упоминается в тексте романа в связи с мифом об Икаре и Дедале. Пустота и забвение как постмодернистский знак-символ, как некая фигура умолчания, окутывают образ Икара в «Последнем мире». Ни само имя античного героя, ни история его дерзкого полета к солнцу в тексте не упоминаются и не интерпретируются. Лишь два се-

рых крыла на нескончаемом гобелене, который непрерывно ткёт глухонемая жительница города Арахна, визуализируют идею падения: «Имя низвергнувшегося существа, тонувшего в сверканье, было одним из многих знаков, что слетели с пальцев глухонемой и остались не поняты Коттой» [11, с. 124].

Символика огня постоянно присутствует в повествовании также и третьего из рассматриваемых в рамках данной статьи романов Рансмайра – «Болезнь Китахары». Именно мотив огня, создавая рамочную конструкцию для наррации, окаймляет текст таким образом, что вся романная структура зиждется именно на нем. Первая и последняя главы романа носят одинаковое название: «Пожар в океане» [12, с. 1, с. 147], огненный мотив начинает и завершает авторский текст. Вследствие этого литературного приема действие романа совершает круг, а протагонисты, словно двигаясь по ленте Мебиуса, в результате оказываются в исходной точке.

С другой стороны, природному пламени противопоставляется иная, искусственная разновидность света – электрическое освещение, отображающее тему постмодернистского «светового хаоса» [12, с. 108]. Например, за маской города-карнавала под названием «Бранд» (Brand в переводе с немецкого означает «пожар»), пронизанного световым хаосом рекламных огней, скрывается целый интертекстуальный пласт, отсылающий, в том числе, и к поэме «Бранд» (1865) Г. Ибсена (1828–1906), где «Бранд» – имя пламенно верующего, непримиримого священника, ведущего паству к недоступным горным вершинам.

Рекламные огни города-карнавала ошеломляют и способствуют развитию вымышленной автором болезни Китахары, то есть, собственно, созданию псевдореальности как альтернативы невыносимому настоящему. Искусственный электрический свет заменяет природный огонь, мнимая карнавализованная реальность приходит на смену действительности: «Огни, несчетные огни: лучи прожекторов... пальцы света, протянутые в ночь... Красные сигнальные огни. Мигалки. ... Огни текучие, огни скачущие, мерцающие, мягкие, теплые и ослепительно голубые; витые огненные гирлянды и огни, тихо и едва приметно пульсирующие, как звезды... Там внизу раскинулся Бранд. Наконец-то Бранд...» [12].

Пафос романа Рансмайра «Болезнь Китахары» (если слово «пафос» применимо к постмодернистскому тексту) – это индивидуальный пафос сопротивления победителям, диктующим современной Австрии свои литературные законы. Протагонисты Лили, Беринг и Собачий Король Амбрас, олицетворяя лучшие черты, которые, вероятно, писатель желал бы найти в самой современной Австрии, – исчезают в огне пожара. Финальные сцены романа «Болезнь Китахары», представляющие пожар в океане, отсылают в том числе и к финалу романа Эко «Имя Розы», о котором шла речь выше.

Таким образом, в рамках данной статьи прослеживается корреляция огненной тематики со сквозными мотивами постмодернистского карнавала и постмодернистского хаоса, а также с определяющими знаками-символами льда, солнца и моря (океана). Художественные миры Рансмайра, тяготея к интертекстуальности, обыгрывают символ огня в различных псевдоисторических и мифологических интерпретациях. Огонь как символ постмодернистского Логоса присутствует в языковой игре всех трех романов, что, в частности, позволяет говорить об эволюции огненной символики. Первый роман «Ужасы льдов и мрака», апеллирующий к библейскому апокалипсису, а также к повести Хемингуэя «Старик и море», представляет антиномию огня и льда. Символ огня в качестве первоначального элемента в хаосе создания новой вселенной превалирует в романе «Последний мир». Агрессивная составляющая символики огня варьирует мотив пожара в романах «Последний мир» и «Болезнь Китахары». Постмодернистский мимесис, возникая на страницах романа «Болезнь Китахары», отображает метаморфозу природного огня в электрический свет, представляя аллюзии на роман Ибсена «Бранд». Можно утверждать, что символика огня, рассмотренная в качестве интертекстуального аспекта художественных миров Рансмайра, является одним из важнейших элементов его романских структур.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета // Синодальный перевод с комментариями и приложениями. М. : Российское Библейское общество, 2004. 2047 с.
2. Гладилин Н. В. Становление и актуальное состояние литературы постмодернизма в странах немецкого языка (Германия, Австрия, Швейцария) : монография. М. : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2011. 348 с. С. 210–227.
3. Ильин И. П. Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. М. : Общие проблемы искусства, 1988. С. 1–27.

4. Карельский А. В. О людях и камнях, о людях и птицах / предисловие А. Карельского; пер. с нем. Н. Федоровой // К. Рансмайр. Последний мир : роман. М. : Радуга, 1993. 208 с. С. 5–16.
5. Лахманн Р. Дискурсы фантастического. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 384 с.
6. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. СПб. : Алетейя, 2000. 347 с.
7. Овидий П. Н. Метаморфозы / пер. с лат. Т. Зеленченко. Харьков : Фолио ; М. : Арт, 2000. 544 с.
8. Плахина А. В. Кристоф Рансмайр // История австрийской литературы XX века. Т. 2. М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2010. 576 с. С. 461–489.
9. Радаева Э. А. Концепт огня в истории культуры и в австрийской литературе XX–XXI вв. : его экспрессионистский потенциал // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. № 64. Т. 21. С. 82–87.
10. Рансмайр К. Ужасы льдов и мрака. М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2003. 272 с.
11. Рансмайр К. Последний мир : роман / предисловие А. Карельского; пер. с нем. Н. Федоровой. М. : Радуга, 1993. 208 с.
12. Рансмайр К. Болезнь Китахары / пер. с нем. Н. Федоровой. М. : Эксмо : Валери СПД, 2002. 152 с.
13. Соколова Е. В. Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма / Институт научной информации по общественным наукам РАН // Постмодернизм: что же дальше? (худож. лит. на рубеже XX–XXI вв.) : сб. научных трудов. Теория и история литературоведения. М. : ИНИОН, 2006. С. 98–137.
14. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб. : Симпозиум, 2007. 502 с.
15. Эко У. Заметки на полях имени Розы / пер. с итал. Е. Костюкович // У. Эко. Имя Розы. СПб. : Симпозиум, 1998. 685 с.
16. Alker S. Entronnensein – Zur Poetik des Ortes. Internationale Orte in der oesterreichischen Gegenwartsliteratur / Hrg. von Wendelin Schmidt-Dengler, Braumueller // T. Bernhard, P. Handke, C. Ransmayr, G. Roth Zur neueren Literatur Oesterreichs. Bd. 20. Wien : Universitaets-Verlags-Buchhandlung GmbH, 2005. 111 s.
17. Cooper J. C. Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole. Leipzig : Drei Lilien Verlag, 1986. 240 s.
18. Daemmrich H. u. I. Themen und Motive in der Literatur // H. u. I. Daemmrich Tuebingen. Basel : Francke Verl., 1995. 410 s.
19. Gottschlig M. Verloren Gehen in den Polargebieten der Literatur. Subjekt und Raum bei Edgar Allan Poe und Christoph Ransmayr / transcript Verlag. Bielefeld, 2018. 332 s.
20. Hoffmann T. Konfigurationen des Erhabenen. Zur Produktivitaet einer aesthetischen Kategorie in der Literatur des ausgehenden 20. Jahrhunderts (Handke, Ransmayr, Schrott, Strauss). Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2006. 417 s.
21. Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. 4 Aufl. Berlin : Akademie Verlag GmbH, 1993. 344 s.

The symbolism of fire as an intertextual aspect of Christophe Ransmayr's artistic worlds

Kachorovskaya Anna Evgenyevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of German and Romance Languages
for Professional Communication, Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. Russia, St. Petersburg.
ORCID: 0000-0001-7841-8181. ResearcherID: 670104-2019. E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Abstract. The subject of this article is a little-studied aspect of the work of the Austrian writer Christoph Ransmayr (b. 1954) – the symbolism of fire in the context of three novels most famous to the Russian reader: "The Horrors of Ice and Darkness" (Die Schrecken des Eises und der Finsternis, 1984), "The Last World" (Die letzte Welt, 1988) and "Kitahara's Disease" (Morbus Kitahara, 1995). The relevance of the article lies in the receptive approach to the study of Ransmayr's work, which allows the use of interpretative research methods. The purpose of the article is to determine the degree of significance of fire symbolism for the intertextual structure of Ransmayr's novels. The study presents the following results: in connection with the symbolism of fire, the issue of rethinking the ancient Logos in the postmodern paradigm is considered, special attention is paid to the problem of mimesis and postmodern chaos. The interrelation of the end-to-end dominant carnival motif with the theme of fire is emphasized. Concrete examples demonstrate the intertextual aspect of the symbolism of fire as an integral part of the architectonics of the works under study. The evolution of the symbolism of fire is traced, from the contamination of the image-symbol of Ice with Fire in Ransmayr's first novel "The Horrors of Ice and Darkness" to the aggressive symbolism of the motif of burning Ovid's "Metamorphoses" in the Last World and the motif of fire in the text "Kitahara's Disease". The conclusions of the study contain evidence of the defining significance of the symbolism of fire in the intertextual structure of Ransmayr's novels. The scope of the results is seen in the possibility of their practical use in the educational process: in lecture courses on Austrian literature at the turn of the XX–XXI centuries, as well as specialized courses dedicated to Ransmayr as the most prominent representative of Austrian postmodernism.

Keywords: Ransmire, symbolism of fire, postmodern chaos, myth, carnival.

References

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo zaveta* – The Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments // *Cinodal'nyj perevod s kommentariyami i prilozheniyami* – Synodal translation with comments and appendices. M. Russian Bible Society. 2004. 2047 p.
2. *Gladilin N. V. Stanovlenie i aktual'noe sostoyanie literatury postmodernizma v stranah nemeckogo yazyka (Germaniya, Avstriya, Shvejtsariya) : monografiya* [The formation and current state of postmodernism literature in the countries of the German language (Germany, Austria, Switzerland) : monograph]. M. Publishing House of the Gorky Literary Institute. 2011. 348 p. Pp. 210–227.
3. *Il'in I. P. Nekotorye koncepcii iskusstva postmodernizma v sovremennyh zarubezhnyh issledovaniyah* [Some concepts of postmodernism art in modern foreign studies]. M. General problems of art. 1988. Pp. 1–27.
4. *Karel'skij A. V. O lyudyah i kamnyah, o lyudyah i ptichah* [About people and stones, about people and birds] / foreword by A. Karelsky; transl. from German by N. Fedorova // *K. Ransmajr. Poslednij mir : roman* [The Last World : a novel]. M. Raduga. 1993. 208 p. Pp. 5–16.
5. *Lachmann R. Diskursy fantasticheskogo* [Discourses of the fantastic]. M. New Literary Review. 2009. 384 p.
6. *Man'kovskaya N. B. Estetika postmodernizma* [Aesthetics of postmodernism]. SPb. Aleteya. 2000. 347 p.
7. *Ovidij P. N. Metamorfozy* [Metamorphoses] / transl. from Latin by T. Zelenchenko. Kharkiv. Folio ; M. Iskusstvo (Art). 2000. 544 p.
8. *Plahina A. V. Kristof Ransmajr* [Christoph Ransmayr] // *Istoriya avstrijskoj literatury XX veka* – History of Austrian literature of the XX century. Vol. 2. M. IMLI n. a. A. M. Gorky RAS, 2010. 576 Pp. 461–489.
9. *Radaeva E. A. Koncept ognya v istorii kul'tury i v avstrijskoj literature XX–XXI vv. : ego ekspressionistskij potencial* [The concept of fire in the history of culture and in Austrian literature of the XX–XXI centuries: its expressionist potential] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* – News of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences. 2019. No. 64. Vol. 21. Pp. 82–87.
10. *Ransmajr K. Uzhasy l'dov i mraka* [The horrors of ice and darkness]. M. Eksmo; SPb. Domino. 2003. 272 p.
11. *Ransmajr K. Poslednij mir : roman* [The last world: a novel] / foreword by A. Karelsky; transl. from German by N. Fedorova. M. Raduga (Rainbow). 1993. 208 p.
12. *Ransmajr K. Bolezn' Kitahary* [Kitahara's disease] / transl. from German by N. Fedorova. M. Eksmo : Valerie SPD. 2002. 152 p.
13. *Sokolova E. V. Sovremennaya literatura Germanii: poiski vyhoda iz postmodernizma* [Modern German literature: the search for a way out of postmodernism] // *Postmodernizm: chto zhe dal'she?: (hudozh. lit. na rubezhe XX–XXI vv.) : sb. nauchnyh trudov. Teoriya i istoriya literaturovedeniya* – Postmodernism: what's next?: (art. lit. at the turn of the XX–XXI centuries) : collection of scientific papers. Theory and History of Literary Studies / Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, M. INION. 2006. Pp. 98–137.
14. *Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Studies on the semiotics of the text] / transl. from English and Italian by S. D. Serebryany. SPb. Symposium. 2007. 502 p.
15. *Eko U. Zametki na polyah imeni Rozy* [Notes on the margins of the name of the Rose] / transl. from Italian by E. Kostyukovich // *U. Eko. Imya Rozy* [The name of the Rose]. SPb. Symposium. 1998. 685 p.
16. *Alker S. Entronnensein – Zur Poetik des Ortes. Internationale Orte in der oesterreichischen Gegenwartsliteratur* / Hrg. von Wendelin Schmidt-Dengler, Braumueller // T. Bernhard, P. Handke, C. Ransmayr, G. Roth Zur neueren Literatur Oesterreichs. Bd. 20. Wien : Universitaets-Verlags-Buchhandlung GmbH, 2005. 111 S.
17. *Cooper J. C. Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole*. Leipzig : Drei Lilien Verlag, 1986. 240 p.
18. *Daemmrich H. u I. Themen und Motive in der Literatur* // H. u I. Daemmrich Tuebingen. Basel : Francke Verl., 1995. 410 p.
19. *Gottschlig M. Verloren Gehen in den Polargebieten der Literatur. Subjekt und Raum bei Edgar Allan Poe und Christoph Ransmayr* / transcript Verlag. Bielefeld, 2018. 332 p.
20. *Hoffmann T. Konfigurationen des Erhabenen. Zur Produktivitaet einer aesthetischen Kategorie in der Literatur des ausgehenden 20. Jahrhunderts* (Handke, Ransmayr, Schrott, Strauss). Berlin : Walter de Gruyter GmbH &Co, 2006. 417 p.
21. *Welsch W. Unsere postmoderne Moderne*. 4 Aufl. Berlin : Akademie Verlag GmbH, 1993. 344 p.

Природа образного воплощения темы детства в художественном сознании Н. А. Тэффи

Шестакова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (филиал).
Россия, г. Северодвинск. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является рассмотрение специфики образного воплощения темы детства в творчестве Н. А. Тэффи. Материалом статьи послужили рассказы писательницы, относящиеся к дооктябрьскому и эмигрантскому периодам. Тема детства, выбранная для анализа, является актуальным направлением современного литературоведения. Предметом работы стали детские образы, представленные в малой прозе Н. А. Тэффи, художественные приемы, использованные автором для раскрытия темы детства. Проведенное исследование показало, что в содержательной структуре рассказов, созданных в дооктябрьский период, широко используется прием антитезы, при котором противопоставляется мир взрослых и мир детей. Преимущественно Н. А. Тэффи близок образ счастливого «золотого детства». Однако писательница не избегает изображения детей, находящихся в состоянии страха, ужаса перед незнакомым окружающим миром. Темы одиночества и оставленности часто встречаются на страницах малой прозы Н. А. Тэффи. Писательница поднимает проблему семейных взаимоотношений, раскрывает причины детских страданий. В рассказах Н. А. Тэффи детские образы воссозданы во всей полноте и разнообразии их чувств, мыслей, переживаний. Писательница передает особенности детской логики и речи. Автор показывает хрупкость, ранимость детской души, мечтательность детской природы, непосредственность и искренность героев-детей. В малой прозе эмигрантского периода появляются отчетливо выраженные трагические мотивы. Причиной такой тональности становится остро переживаемое ощущение утраты родины. В результате усиления трагического мироощущения в рассказах Н. А. Тэффи возникают темы детской смерти, автор показывает детей страдающих, больных, измученных. Еще одной гранью темы детства в эмигрантский период становится изображение детей-ангелов, являющихся источником духовного света, добра, любви и надежды. Писательницу интересует процесс перехода маленьких героев от детства к отрочеству, драматизм процесса взросления.

Ключевые слова: рассказ, тема детства, образ ребенка, Н. А. Тэффи, прием антитезы.

Творчество Н. А. Тэффи (1872–1952) вносит значительный вклад в развитие отечественной литературы. Крупное литературное дарование писательницы высоко оценили ее современники. Так, в одном из писем осталось дружеское пожелание И. А. Бунина, обращенное к Н. А. Тэффи: «Помните, как дороги вы не одним нам, а великому множеству людей, вы, совершенно необыкновенная! Всегда, всегда дивился вам, никогда за всю жизнь не встречал подобной вам! И какое это истинное счастье, что Бог дал мне знать вас!» [4, с. 117]. Высоко отзывался о творчестве Н. А. Тэффи Саша Черный: «Прежние писательницы приучили нас ухмыляться при виде женщины, берущейся за перо. Но Аполлон сжалился и послал нам в награду Тэффи. Не “женщину-писательницу”, а писателя большого, глубокого и своеобразного» [5]. А. И. Куприн восклицал: «Она единственная, оригинальная, чудесная! Тэффи любят дети, подростки, пылкая молодежь и зрелые люди труда, и посыпанные сединою отцы» [5].

Тэффи – псевдоним Надежды Александровны Лохвицкой (в замужестве – Бучинской) – родилась в Петербурге в семье известного адвоката, профессора уголовного права А. В. Лохвицкого. Творческий путь Н. А. Тэффи складывался довольно удачно. В 1910 г. она стала одной из самых читаемых известных русских писательниц. Ее произведения публиковались в популярных, востребованных, лучших петербургских газетах и журналах. Книги Н. А. Тэффи в дореволюционной России пользовались большой любовью и с восторгом принимались широким кругом читателей.

Культурная жизнь России 1910-х гг. характеризовалась стремительным ростом количества произведений художественного и публицистического характера. Можно с уверенностью говорить о расцвете журналистики, ориентированной на ироническо-пародийное осмысле-

ние действительности. В России выходило множество юмористических журналов и газет. Ведущими из них являлись журналы «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый сатирикон» (1913–1918). Основными авторами и вдохновителями «Сатирикона» стали С. Черный, П. Потемкин, В. Князев. С 1913 г. журнал пережил своеобразное обновление, отмеченное в названии («Новый сатирикон»). На его страницах публиковались произведения В. В. Маяковского, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева.

Особый этап творческого пути Н. А. Тэффи связан с журналом «Сатирикон». В первом номере был размещен рассказ писательницы «Из дневника заточенного генерала» (1908). В целом, во все годы существования журнала произведения Н. А. Тэффи регулярно появлялись на его страницах. Необходимо особо подчеркнуть, что творчество писательницы послужило причиной пристального внимания русской читающей публики к самому «Сатирикону». Н. А. Тэффи, вместе с другими авторами журнала, принципиально отказалась от острой сатирической направленности произведений. Ее тексты не были обращены к обличению отдельных высокопоставленных лиц. Писательница стремилась изобразить такие жизненные ситуации, с которыми мог столкнуться каждый человек, независимо от ранга и социального положения. Как правило, эти ситуации выявляли комические, смешные стороны бытия.

Отметим, что литературный успех юмористических текстов Н. А. Тэффи был усилен публикацией двухтомника «Юмористических рассказов» (1910). Эти произведения значительно отличались от прозы А. Аверченко, В. Азова, А. Бухова, О. Дымова, О. Ора. Писательнице оказалось чуждо резкое преувеличение, доходящее до карикатурности. Малая проза Н. А. Тэффи обладала свойством предельной достоверности, верности действительности. Писательница не придумывала свои сюжеты, но брала их из жизни, обнаруживая смешное, комическое в обыденном, предстоящим, на первый взгляд, внешне серьезным. Произведения Н. А. Тэффи можно назвать «своеобразной энциклопедией русской жизни начала века», когда художественному пространству оказался свойственен «женский мягкий юмор, а не беспощадная сатира, не клеймение человеческих недостатков, а легкая, ироничная улыбка и даже оправдание естественных слабостей человека» [8, с. 28]. Писательница прибегала к жанру рассказа-миниатюры, в центре которого помещалось изображение бытового, на первый взгляд, незначительного комического эпизода.

В целом, дооктябрьское творческое наследие Н. А. Тэффи достаточно велико. В 1912–1913 гг. создается и публикуется ряд сборников малой прозы автора: «И стало так» (1912), «Карусель» (1913), «8 миниатюр» (1913), «Дым без огня» (1914), «Миниатюры и диалоги» (1915), «Неживой зверь» (1916). Стоит учитывать тот факт, что писательница немалое количество рассказов размещала в небольших печатных изданиях. Широкий читательский интерес к произведениям Н. А. Тэффи обеспечивался использованием приемов иронии, вниманием к раскрытию внутреннего мира героя, красотой языка и стиля. Все вместе это выгодно выделяло малую прозу автора из общего ряда юмористических текстов.

Г. В. Адамович отмечал: «У Тэффи прочно установилась репутация писателя смешного и веселого. Но только человек исключительно рассеянный или на редкость поверхностный не заметит, сколько грусти в каждом ее рассказе, – и даже больше: какое дребезжание слышится в этих рассказах, будто от порванной струны. Это придает всему, что пишет Тэффи, и прелесть, и даже внутреннее благородство» [2, с. 85]. По воспоминаниям И. В. Одоевцевой, «Н. Тэффи говорила, что каждый ее смешной рассказ, в сущности, маленькая трагедия, юмористически повернутая» [9, с. 67]. Как отмечает Е. В. Куликова, «лучшие рассказы Н. А. Тэффи – анекдоты-трагедии или анекдоты глазами их действующих лиц» [8, с. 26].

Г. В. Адамович оставил суждение, касавшееся своеобразия жизненных установок Н. А. Тэффи, ее отношения к окружающим людям: «Н. А. Тэффи не склонна людям льстить, не хочет их обманывать и не боится правды. Но с настойчивостью, будто между строк внушает она, что как ни плохо, как ни неприглядно сложилось человеческое существование, жизнь все-таки прекрасна, если есть в ней свет, небо, природа, любовь и дети» [2, с. 239]. Упоминание о теме любви и детских образах не случайно появляется в критических суждениях автора. Н. А. Тэффи особым образом выстраивала композицию сборников своей малой прозы. В каждом из них возникала тема детства, часто рассказы о детях помещались в конце сборников. Это соотносилось с авторским пониманием природы детства. Н. А. Тэффи был важен светлый, радостный финал, а дети, по мысли писательницы, являются «сущностями, наиболее склонными к любовно-благородному восприятию жизни, ее высшего смысла» [1, с. 373]. Темы любви и детства стали ключевыми в творчестве Н. А. Тэффи.

В 1916 г. выходит сборник писательницы «Неживой зверь». В нем появляется «новый образ многоликой, удивительной Н. А. Тэффи» [13, с. 216]. «Неживой зверь» становится первой книгой, в которой тема детства и детские образы становятся ведущим предметом художественного изображения. Речь идет о рассказах «Неживой зверь», «Игрушки и книги», «Приготовишка», «Счастливая», «Валя», «Троицын день». Произведения сборника обладают особой «пронзительной» интонацией, проникнуты «необычайно точным психологизмом» [13, с. 216].

Рассказы Н. А. Тэффи, помещенные в сборник «Неживой зверь», проникнуты острым состраданием к ребенку, сочувствием к неизбежности столкновения его со злом окружающего мира. В рассказе «Игрушки и книги» отчетливо звучит авторская ирония: «Я за всю свою жизнь ни разу не смогла написать рассказа для детей. Пробовала – выходило что-то неудобное, скорее для стариков-паралитиков, чем для нормального ребенка» [14, с. 215]. В этой фразе заключено определение специфики творческой манеры Н. А. Тэффи, состоящей в правдивости и честности изображаемых событий. Ей не было присуще создание художественных текстов о так называемых «правильных», «хороших детях».

Е. И. Трубилова отмечала: «Дети из рассказов Н. Тэффи – это сама жизнь, в литературе до нее, пожалуй, не было столь живых детских характеров. Она писала, не подлаживаясь специально под детей, она писала о детях, не сковывая себя адресатом. Тэффи передает детские переживания и фантазии, детскую наивность, простодушную веру в чудеса, трогательную попытку приподняться на цыпочки, стать вровень со взрослыми, с их миром» [13, с. 215].

Рассказы Н. А. Тэффи о детях из сборника «Неживой зверь» строятся при помощи приема антитезы, основой которого является противопоставление мира детей миру взрослых. Так, например, в рассказе «Приготовишка» автор пишет: «"Большие" – магическое и таинственное слово, мука и зависть маленьких. А потом, когда маленькие подрастают, они оглядываются с удивлением: – Где эти "большие", эти могущественные и мудрые, знающие и охраняющие какую-то великую тайну? Где они, сговорившиеся и сплотившиеся против маленьких? И где их тайна в этой простой, обычной и ясной жизни?» [14, с. 278].

Для Лизы, главной героини рассказа «Приготовишка», мир «больших» совершенно непонятен и загадочен: «И чего они все на меня сердятся?» [14, с. 279]. Н. А. Тэффи показывает наивность детского мировосприятия, в результате чего текст получает юмористическую окрашенность: «Вырасту большая, выйду замуж и скажу мужу: "Пожалуйста, муж, дайте мне много денег". Муж даст денег, я сейчас же куплю целый воз зернышек и отвезу канарейке, чтоб ей на всю старость хватило» [14, с. 280].

Н. А. Тэффи «умела разглядеть в любом незначающем явлении, предмете что-то яркое, в каждом человеке найти какую-то скрытую нежность», в этом проявлялось «свойство детской, языческой еще, души – признавать родным, своим, близким то, что чуждо и нелюбопытно "большим"» [13, с. 225]. В рассказе «Приготовишка» Лиза «слышит» «дрожание» дома: «Лиза, замирая от страха и жалости, прислушивалась, как дрожит дом»; обращает внимание на «жизнь» канарейки: «Лиза думала про канарейку, как той хорошо живется днем над кудрявой геранью» [14, с. 280]. Иными словами, дети в рассказах Н. А. Тэффи видят, подмечают то, что скрыто от взора взрослых и не представляет для них никакого интереса.

Тема тяжелого детства, мотивы тоски и одиночества определяют особенности развития темы детства в рассказах Н. А. Тэффи. В «Приготовишке» окружающий мир подавляет, пугает, страшит героиню: «Окошки дребезжали тревожно и печально» [14, с. 282]. Девочке тоскливо, грустно, она «тихо захныкала, съезжилась», «тревожно сжалось (ее. – Е. Ш.) сердце», «губы делались горькими от тоски и страха» [14, с. 282]. Окружающий мир взрослых непонятен и страшен ребенку.

Некоторые тексты Н. А. Тэффи из сборника «Неживой зверь» строятся как воспоминание автора о своем детстве. Например, в рассказе «Счастливая» повествование ведется от первого лица. Писательница с ностальгией вспоминает ушедшее детство: «Я давно определила, что такое счастье, очень давно, – в шесть лет» [14, с. 224].

Н. А. Тэффи начинает рассказ с описания детских игр. Для детей игра – это «жизнь, противопоставленная жизни настоящей, только в ней, в своей фантазии, в своем воображении ребенок чувствует себя защищенным и счастливым» [13, с. 3]. Писательница отмечает быстрые смены настроения, характерные для ребенка, переходы от страха к радости и наоборот, что говорит о детской эмоциональности, непосредственности, непринужденности. В рассказе «Счастливая» девочек пугают сумерки и темнота, они боятся, что о них все забыли: «Может быть, все ушли и забыли нас, маленьких девочек, прижавшихся к окну в темной огромной комнате» [14, с. 225].

Самое страшное для маленького ребенка – быть покинутым взрослыми, остаться одному в окружающем его незнакомом мире. Однако чувство страха, брошенности быстро сменяется ощущением радости и счастья: «безмерно-радостное» [14, с. 225] впечатление на героиню производит вид конки. Дети верят в будущую счастливую жизнь: «Мы будем, будем, будем счастливыми!» [14, с. 225].

В каждом ребенке Н. А. Тэффи обнаруживает умение «одухотворять» предметы и явления, «оживлять» их в своем сознании. Так, в восприятии маленькой героини рассказа «Счастливая» хрусталики канделябров «дрожат от проезжающих по улице телег» [14, с. 226]. Мир «маленьких» противопоставляется миру «больших»: «Если бы мы были большие, мы бы думали о людской злобе, об обидах, о нашей любви, которую оскорбили, и о той любви, которую мы оскорбили сами, и о счастье, которого нет» [14, с. 225].

Для детей, в отличие от взрослых, характерно «блаженное незнание» горя, сожалений, обид. Золотой цвет – преобладающий в описании мира детства в рассказе «Счастливая»: «вагон был желтый, красивый», «на подножке стоял кондуктор, весь в золоте, <...> трубил в золотую трубу», «само солнце звенело в этой трубе и вылетало из нее *златозвонкими* (курсив мой. – Е. Ю.) брызгами» [14, с. 225]. Цвет золота здесь ассоциируется с красотой, счастьем, ощущением полноты бытия.

Совершенно иное восприятие мира обнаруживается у повзрослевшей героини: теперь солнце, вызывавшее радость и восторг в детстве, становится причиной головных болей; кондуктор, некогда «сиявший» золотым светом, становится «безнадежно-унылым» [14, с. 225]. Взрослая героиня счастлива лишь воспоминаниями о детстве, когда «унылая конка с тощей клячей» воспринималась «дивным невозможным чудом» [14, с. 225].

Противопоставление мира «маленьких» миру «больших» лежит и в основе рассказа «Валя» из сборника «Неживой зверь». Главная героиня – четырехлетняя Валя – уравновешенная, спокойная девочка, «с утра до вечера занимающаяся коммерцией – выторговыванием шоколадок» [14, с. 239]. Характер Вали отличается от характера ее двадцатилетней матери: «Я была в то время какая-то испуганная, неровная, либо плакала, либо смеялась» [14, с. 239].

У ребенка и взрослого разные представления о красоте. Для Вали красота – это родные, близкие ее сердцу вещи, те, которыми она дорожит и ценит: «Я знала, что красоту своего резинового слоненка она ставила выше Венеры Милосской» [14, с. 240]. Н. А. Тэффи отмечает, что дети еще не понимают красоты предметов искусства, для них истинная красота – это их собственный, придуманный мир игры, в котором им хорошо и комфортно, где каждая вещь родная, близкая, оттого и самая красивая. Необходимо отдельно отметить «великолепие» «создаваемых писательницей реплик детей» [1, с. 244]. Так, Валя обращается к матери: «– Ты моя миленькая, у тебя, как у слоника носик», «Не плачь, глупенькая. Я тебе денег куплю» [14, с. 241–242].

Вместе с тем «с тревогой говорит Н. А. Тэффи о том, что пороки взрослых все чаще проникают в мир детей» [1, с. 245]. Валя слишком деловита, не видит одухотворенной красоты воскового ангела и воспринимает его как очередную шоколадку: «Он был немножко сладкий» [14, с. 241]. Однако девочка еще «не испорчена» так, как взрослые люди. В конце рассказа мы видим, что в ребенке просыпается чувство нежности и желания утешить плачущую мать.

Рассказ «Неживой зверь», помещенный в одноименный сборник, также содержит прием антитезы, противопоставление мира «маленьких» миру «больших». Мать главной героини Кати отчуждена от дочери, практически не разговаривает с ней: «<...> она уже давно ничего Кате не отвечала, ей все было некогда» [14, с. 302]. Отец всегда пребывал в состоянии крайней раздраженности.

Катя, в силу своего возраста, еще не способна понять отношений родителей: «За обедом вообще стало невесело. Папа молчал, мама молчала. Никто даже не оборачивался, когда Катя после пирожного делала реверанс» [14, с. 302]. Ребенок чувствует отстраненность близких людей, вследствие чего ее одиночество обостряется до предела, делая жизнь невыносимой. Девочке не хватает теплоты, ласки, общения. Окружающий мир вызывает в душе героини лишь тоску и ужас, предстает непонятным, жестоким, отчего она «задрожала вся», «затихла вся, сжалась в комочек» [14, с. 306].

Чтобы защититься от холодности и отчужденности реальности, Катя создает свой мир – мир мечты, игры, который населяют понимающие ее близкие существа. Так, она с удовольствием играет с подаренным на новогодний вечер игрушечным шерстяным бараном. Катя «оживляет», «одушевляет» барана в своем воображении: «поселился», «питался», «смотрел»,

«не перечил», «смеялся» [14, с. 306]. Игрушка становится для ребенка настоящим живым существом, о котором можно заботиться и любить. В этом проявляется «обостренная тяга к добру», свойственная всем детям и показанная писательницей «с тонким психологизмом» [1, с. 244]. Сердце Кати сжимается при одной только мысли, что барашек может «погибнуть»: «И от жалости и любви к бедному неживому так сладко мучилась и тосковала душа» [14, с. 305].

Возникает парадоксальная ситуация, когда настоящим, подлинным в восприятии Кати является игрушечный баран «с длинной кроткой мордой и человеческими глазами» [14, с. 305], от которого на сердце становилось тепло и приятно. Реальным миром осмысляется игровое пространство. «Ненастоящим» теперь становится для Кати окружающая ее действительность: «Жизнь пошла какая-то ненастоящая» [14, с. 305].

В этой «ненастоящей жизни» «шуршали бабы с лисьими мордами», «огневица – Печкина дочка, щелкала заслонкой, скалила красные зубы и жрала дрова» [14, с. 305]. В «ненастоящей жизни» «все было беспокойное» [14, с. 303]. В своем придуманном мире, мире фантазии и игры, где шерстяной баран обретает возможность жить, Катя находит «убежище» от непонятного мира взрослых, в котором ей одиноко и страшно: «Портьеры на дверях отдувались», «часы на камине тикали строго», «углы делались темнее, точно шевелились» [14, с. 303].

Образ игрушечного барана помогает автору передать душевную драму девочки, не понимающей, что происходит во взрослом мире, где ссорятся мама и папа. Однако жестокая реальность вторгается в мир мечты, прерывает игру ребенка: «– А ты все с бараном? – сказала Кате баба потолще. – Пора его на живодерню. Вон нога болтается, и шерсть облезла. Капут ему скоро, твоему барану» [14, с. 304].

В рассказе «Неживой зверь» писательница передает своеобразие детской психики. Девочку привлекают те вещи, которые вряд ли могли заинтересовать взрослых. Катя с уважением и страхом смотрит на «высеченного мальчика», ожидая, что тот скажет что-нибудь особенное: «Это было так интересно, что Катя целый вечер не отходила от него» [14, с. 239]. Н. А. Тэффи раскрывает то, как окружающие люди воспринимаются героиней: «Няня так противно выговаривала это слово, растягивая рот, и, как старая кошка, щерила зубы»; «Учительница действительно была похожа на старого умного цепного пса, даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины, а голову поворачивала она быстро и прищелкивала при этом зубами, словно муху ловила» [14, с. 305].

В ряде рассказов сборника «Неживой зверь» появляются образы смешных, неловких, некрасивых на первый взгляд детей. Главный герой «Троицына дня» – Гриша – живет в окружении своей семьи в большом доме. Это был мальчик «маленький, некрасивый и вдобавок смешной, потому что из одного уха у него всегда торчал большой кусок ваты», «у него часто болели уши, и тетка, заведовавшая в доме всеми болезнями, строго велела затыкать хоть одно ухо» [14, с. 297].

Писательница показывает беззащитность мальчика перед бойкими сестрами: «И никогда Гриша не придумал, как ответить сестрам на это, и обижался» [14, с. 297]. За что ни возьмется Гриша, все у него выходит «криво» и «коряво»: «<...> вышел букет весь корявый и неладный» [14, с. 297]. Неуклюжесть ребенка, его беспомощность, ранимость вызывает в читателе чувство нежности, сострадания.

Гришу страшит окружающий мир, предстающий неведомым, неизвестным, таящим многие опасности. Так, вся семья готовится к Троицыну дню, когда должен состояться приезд помещика Катомилова. В душе Гриши появляется тревога, страх перед неизвестным событием и встречей с чужим человеком: «Непривычная зелень в комнатах и помещик Катомилов <...> страшно встревожили Гришину душу. Ему чувствовалось, что началась какая-то новая страшная жизнь, с неведомыми опасностями» [14, с. 297].

Н. А. Тэффи раскрывает своеобразие детского мышления, «наивную логику» ребенка. Гриша размышляет о будущем «божьем» наказании деревенских девушек, укравших цветы из «господского сада»: «Подлые, скажет, как вы смели воровать!» [14, с. 299]. Или мальчик делает неожиданный вывод, рассматривая привязанные к кроваткам детей березки: «Моя самая маленькая. Значит, я умру» [14, с. 298]. Автор раскрывает «странную логику» героя: «Няня Агаша! – вдруг весь забеспокоился Гриша. – Кто все отдает бедному, несчастному, тот святой?» [14, с. 300]. Услышав утвердительный ответ, мальчик переживает потрясение от мысли о том, что он является святым, «сидит весь тихий и бледный», «круглые глаза напряженно и открыто смотрят прямо в небо» [14, с. 300].

Автор особенно подчеркивает «ангельскую чистоту» мальчика, его доброту, открытость, искренность, любовь к людям и миру: «Так хотелось ему заплакать с тихой сладкою

мукой. И не знал, как быть. Вся душа расширилась и ждала» [14, с. 300]. В «Троицыне дне», как и в других рассказах писательницы, показано свойственное ребенку «одушевление» вещей: «Мучится теперь курок один под плевательницей», «новая рубаха пузырилась и жила сама по себе» [14, с. 298]. Гриша, подобно другим героям-детям, изображенным в сборнике, живет в своем выдуманном мире, мире фантазии, где каждая вещь «живая», способна «чувствовать» и «мыслить».

После 1917 г. жизнь Н. А. Тэффи претерпевает резкие изменения. В конце 1918 г. она решает отправиться в Киев, в котором должны были состояться выступления писателей. Эта поездка вылилась в скитания, продолжавшиеся около полутора лет. Н. А. Тэффи принимает решение покинуть советскую Россию и через Константинополь доезжает до Парижа. Сначала, покидая родину, писательница твердо надеялась вернуться. Однако до конца своих дней она оставалась в эмиграции и там окончила свой жизненный путь.

В произведениях Н. А. Тэффи первых эмигрантских лет заметна перемена прежней интонации. Ироничность, характерная для авторского дискурса дооктябрьской малой прозы, сменяется ярко выраженным сарказмом в сборниках «Рысь» (Берлин, 1923), «Городок» (Париж, 1927). За границей вышли сборники Н. А. Тэффи «Книга Июнь» (Париж, 1931), «О нежности» (Париж, 1938), «Земная Радуга» (Нью-Йорк, 1952), в которых писательница вновь обращается к теме детства. Это позволило автору «мысленно» вернуться на родину, в дореволюционную Россию. Именно поэтому в творчестве эмигрантского периода так много рассказов о детях.

В эмигрантских рассказах Н. А. Тэффи по-прежнему детство противопоставляется миру взрослых, и «внешний комический эффект достигается именно диссонирующим соседством крылатой детской фантазии и приземленной, бытовой рассудительности непонимающего взрослого, человека совсем другой душевной организации» [13, с. 125]. В рассказе «Кишмиш» восьмилетняя героиня воображает себя святой, старается соответственно вести себя, что вызывает раздражение у взрослых: «Есть надо только черный хлеб с солью, пить – только воду прямо из-под крана. А тут опять беда. Кухарка насплетничает, что она пила сырую воду, и ей достанется» [14, с. 273]. Приведем еще один пример из текста: «Кишмиш подкатила глаза и смастерила окончательно святое лицо, с раздутыми глазами. – Что это с ней? – Это она меня передразнивает! – взвизгнула тетка и всхлипнула. – Пошла вон, скверная девчонка! – сердито сказала мать. – Иди в детскую и сиди весь день одна» [14, с. 274]. Комическое начало содержится в детских рассуждениях о «святости» разбойников: «– А разбойники, – спросила Кишмиш, – когда идут разбойничать, тоже должны молиться? Ей ответили неясно. Ответили: "Не говори глупости!"» [14, с. 275].

В рассказе «Дедушка Леонтий» дети, услышав слово «приживальщик», интересуются, почему родители так называют старика: «– Дедушка, – спросила Валька. – Ты приживальщик? – Ты приживальщик, – повторила басом Гулька. – Сто такое <...> Дедушка съезжился и зашагал по ступеням» [14, с. 292]. В «Подземных корнях» автор описывает событие, произошедшее с маленькой Лизой, которая приходит вместе со взрослыми в церковь и ведет себя так, как, по ее представлениям, должен вести себя «истинно верующий человек»: «Она истово перекрестилась, откинув голову, как Варвара, вздохнула, подкатила глаза, встала на колени. Постояла немножко. Больно коленкам. Присела на пятки. И опять около уха, но уже не свистящий шепот, а воркотливый говорок: "– Встань сейчас же и веди себя прилично!"» [14, с. 294].

В более поздних рассказах Н. А. Тэффи о детях эмигрантского периода появляется тема смерти. Это связано с внутренним настроением писательницы, обостренным ощущением трагизма существования. Своеобразным «отголоском» размышлений о смерти «явились несколько рассказов о страдающих детях» [13, с. 33]: «Пасхальное дитя» (1935), «Мы, злые» (1935), «Часы» (1935)».

Тема детской смерти становится главной в рассказе «Пасхальное дитя»: «Родился он (ребенок. – Е. Ш.) как раз в пасхальную ночь. И в пасхальную ночь умер» [14, с. 202]. Автор размышляет о бренности человеческого существования, хрупкости человеческой жизни. Эти раздумья отмечены особым ощущением трагичности, так как речь шла о полной беззащитности ребенка перед смертью.

Писательница показывает равнодушие взрослых к смерти маленького героя: «Если спросить о нем у посторонних, так, пожалуй, можно было бы услышать, что вот был у Федотовых сыночек уродец, да его, к счастью, скоро Бог прибрал» [14, с. 202]. Посторонние воспринимают больного мальчика как обузу, лишний груз, лежавший на плечах матери. Но для самой матери Алеша – это смысл существования, единственная радость и надежда.

В рассказе «Пасхальное дитя» появляется образ ребенка-ангела, «чуда Господня», «радо-сти и благодати» [14, с. 204]. Мальчик рождается во время череды трагических событий в жизни Авдотьи, а покидает земной мир, когда жизнь женщины налаживается, и она обретает душевный покой. Во внешности Алеши подчеркивается сходство с ликом ангела: голубые глаза, шелковые волосы, «беленькое и милое» личико. Мальчик похож на образ младенца Иисуса Христа, изображаемого на иконах. Примечательно, что имя Алексей (с греческого означает «защитник») является одним из канонических имен в православной традиции. Сын словно был послан Богом защищать мать от сил «мрака» (уныния, отчаяния, горя). Ребенок сделал жизнь Авдотьи «освященной и освященной», явил собой «чудо любви» [14, с. 204]. Мальчик наполнил душу женщины любовью и верой.

В центре рассказа «Мы, злые» находится образ страдающего, больного ребенка. Девяти-летняя Маруся – «худая, желтая, злая» [14, с. 284] – постоянно кричит, плачет, злится на свою мать. Больной ребенок, отсутствие работы, денег, неустроенный быт – все это вызывает в душе матери тоску и злобу на весь мир: «Отчего у меня все в душе выжжено? Одна злоба осталась, как пламенный пепел» [14, с. 284].

Окружающие люди равнодушны к несчастью семьи: «– У меня ребенок болен, – вполголоса предупредила Ольга Сергеевна. – Простите, мне сейчас трудно. – Болен? А что с ним? – совершенно равнодушно спросила гостя» [14, с. 282]. Перед читателем предстает образ мира, пронизанного безысходностью, мукой, болью, отсутствием душевного тепла и любви. В рассказе впервые в творчестве Н. А. Тэффи появляется образ «старой девочки» – все знающей и много пережившей: «Какая-то ты старая, девочка. Все-то ты знаешь» [14, с. 285]. Это ребенок, узнавший много боли и страданий, утративший детскую наивность, беспечность и жизнерадостность.

Прием антитезы – противопоставление мира «больших» миру «маленьких» – является основным в рассказе «Часы». Произведение начинается с описания мира взрослых, наполненного злобой, гневом, отчуждением. Мужчина ненавидит все и всех вокруг: «Он просто всем своим существом – лицом, глазами, фигурой – прокликает мироздание» [14, с. 293]. Женщины в своем озлоблении предстают страшными ведьмами: «Три макбетовские ведьмы, встав треугольником, носами друг к другу, начинают, пришептывая, варить ядовитое варево» [14, с. 292]. В мире взрослых даже башенные часы напоминают о смерти: «Внизу шевелится скелет с косой» [14, с. 293].

«Мрак» взрослого мира на миг «рассеивает» светлый образ ребенка – шестилетнего мальчика. Автор сравнивает его с «солнечным зайчиком». У мальчика «золотая (курсив мой. – Е. Ш.) рыжая головенка», он постоянно скачет и прыгает потому, что «душа у него разрывается от полноты бытия» [14, с. 293]. У «солнечного зайчика» бурная фантазия, он то скачет как лошадь, то воображает себя всадником. Герой живет в мире игры, воображения, счастья и восторга, «плещущего через край» [14, с. 294].

Ощущение счастья и безмятежности, свойственное ребенку, не нравится миру «больших»: «Ведьмам неприятно, что на свете может быть весело» [14, с. 295]. Мрачные, полные ненависти взрослые не понимают детей, завидуют их беспечности. Зависть, злоба, жестокость взрослых разрушает светлый и безмятежный мир детей. Младший брат «солнечного зайчика» лишен детской непосредственности и наивности, рассуждает по-взрослому, выторговывая возможность приема таблеток по более высокой цене: «Теперь все так вздорожало. Я за два су не согласен. Ищите себе другого» [14, с. 294].

Жизнь «солнечного зайчика» прерывается внезапно и стремительно. Неожиданная смерть ребенка – воплощения самой жизни – видится особенно трагичной. Обреченность мира счастливого «золотого» детства «на смерть» у Н. А. Тэффи не осмысливается как естественный процесс, связанный с неизбежным взрослением ребенка. Дети в представлении писательницы лишаются гармонии и счастья слишком рано, когда им еще необходимо наслаждаться жизнью. Мир взрослых с его социальными потрясениями, неустроенностью, жестокостью не только не дает ребенку в полной мере ощутить радость от каждого прожитого дня, но и «отнимает» жизнь. Ребенок становится жертвой взрослых. Рассказ «Часы» заканчивается следующей фразой: «На часах средневековой башни скелет взмахнул и опустил ко-су» [14, с. 297].

Примечательно, что в эмигрантский период в творчестве Н. А. Тэффи появляются образы подростков (12–16 лет) в рассказах «Весна» (1913), «Донжуан» (1912), «Катенька» (1910). Писательницу теперь интересуют взрослеющие дети, которые начинают утрачивать связь с

«золотым» беспечным детством. Очевидно, это связано с появлением трагических мотивов в произведениях о детях, темой утрат (родного дома, устоявшихся ценностей, уклада, родины).

В рассказе «Весна» писательница обращается к теме первой любви школьницы Лизы, ее мечтам о «романе» с юношей. Лиза сосредоточена на своей внешней привлекательности, расцветающей женственности: «Какая я красавица! Боже мой, какая я красавица!» [14, с. 265]. Автор показывает наивность представлений девочки о любви. Студент Егоров лишь похвалил бант, а Лиза думает, что уже влюблена. Н. А. Тэффи показывает сохранившуюся во взрослеющей девочке непосредственность, душевную чистоту. Она уже не ребенок, но еще и не девушка.

В центре рассказа «Донжуан» находится образ Коленки. Комический эффект возникает, когда мальчик решает «сделаться донжуаном» [14, с. 268]. Автор показывает несоответствие детской наивности, непосредственности Володи и его притязаний на «взрослое» поведение. Мальчик играет роль «бывалого любовника»: перед зеркалом «маслит височные хохлы ирисовой помадой», произносит слова о том, что «не любит ни одну женщину, а только завлекает их», отказывается идти с Катей на каток, так как у него «как раз в три будет одна <...> графиня» [14, с. 268]. При этом мальчик еще остается ребенком, трогательным и непосредственным. Так, его рука тянется к бутерброду с ветчиной, но ведь он решил «быть взрослым», поэтому сразу отдергивает руку, так как «есть бутерброд истинный донжуан не может» [14, с. 269]. В конце концов, не выдержав своей «взрослой» роли, мальчик плачет.

Образ взрослеющего ребенка появляется в рассказе «Катенька». Главная героиня Катя погружена в мечты о замужестве. Произведение содержит юмористические интонации, возникающие в результате несоответствия детской наивности, непосредственности героини и ее «взрослых» мечтаний: «Венчаться можно со всяким, это ерунда. <...> Вот, например, есть инженеры, которые воруют. Это очень блестящая партия. Да мало ли за кого! Интересно с кем будешь мужу изменять» [14, с. 275].

Обыденный эпизод (мальчишка-хулиган Мишка забирается на забор и начинает дразнить Катю) превращается в воображении девочки в страстные любовные отношения. Она сочиняет историю, где действует «шайка бандитов», во главе которой находится ее «возлюбленный» [14, с. 275] – граф Михаил. Катенька продумывает их встречу до малейших деталей: «В тот вечер он с опасностью для жизни перелез через забор и шепнул страстным шепотом: “Ты должна быть моей”. Разбуженная этим шепотом, я выбежала в сад» [14, с. 277].

Трагическое мироощущение в эмигрантских рассказах Н. А. Тэффи преодолевается светлым, радостным чувством, устремлением героев к счастью, красоте и любви. Девочка в рассказе «Нигде» (1910–1912) видит в зайце, подаренном ей на день рождения, «жемчужного лебедя», рожденного «из музыки» [14, с. 267]. Другой герой произведения – мальчик – тоскует о неизвестной стране «Нигде», и эта детская тоска будет жить в выросших девочке и мальчике. Е. И. Трубилова приводит следующие размышления относительно образа страны «Нигде»: это «“страна, которой нет”, “страна хрустальных кораблей”, где “каждый шут гороховый – жемчужный лебедь”, страна мечты. В поисках этой страны проводят всю свою жизнь персонажи Тэффи – сильные и жалкие, нелепые и героические, праведные и грешники. Мы с вами» [13, с. 218].

Таким образом, творческий путь Н. А. Тэффи оказался разделен на дооктябрьский и эмигрантский периоды. Большинство рассказов о детях, относящихся к первому периоду, строятся при помощи приема антитезы, противопоставления мира взрослых миру детей. Детство в рассказах Н. А. Тэффи предстает «золотой порой», наполненной счастьем и безмятежностью. Вместе с тем герои-дети ощущают страх, ужас перед чужим, неизвестным миром взрослых. Одиночество и оставленность – одни из основных лейтмотивов малой прозы Н. А. Тэффи. Маленькие герои оказываются обделены вниманием и душевной теплотой близких людей. Н. А. Тэффи раскрывает своеобразие детской психологии, мышления, воображения, мировосприятия, передает особенности детской речи. Писательница создает образы детей-мечтателей, смешных, застенчивых, неловких, одиноких, непосредственных, наивных, открытых. Тональность произведений эмигрантских лет резко меняется. В рассказах преобладающими становятся трагические мотивы. Оторванность от дома, родины, необходимость жить в чужой стране, неустроенный быт, чувство тоски и потерянности – все это находит отражение в творчестве писательницы. В произведениях, созданных в эмиграции, появляется тема детской смерти, обреченности ребенка на ранний уход из жизни, образы страдающих, больных, измученных детей. Одновременно с этим Н. А. Тэффи воссоздает образы детей-ангелов, приносящих в земной мир Божий свет, помогающих умирить скорбь взрослого, вдохнуть в него желание любить и верить. Для эмигрантского периода характерно обращение писательницы к образам взрослеющих детей (подростков).

Список литературы

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья. М. : Дрофа, 2007. 300 с.
2. Адамович Г. В. Одиночество и свобода. М. : Республика, 1996. 446 с.
3. Бочкарева Е. В. Мир ребенка и мир взрослого в рассказах Н. А. Тэффи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 70. С. 89–92.
4. Бунин И. А. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 13. М. : Воскресение, 2006. 552 с.
5. Верещагин В. К. Тэффи // Русская мысль. 1968. 21 ноября. № 2713. С. 8–9.
6. Денисова Е. А. Детское восприятие «прекрасного» и «безобразного» в рассказах Тэффи // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 141–147.
7. Коротких А. В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи : дисс. ... канд. филолог. наук. М., 2002. 15 с.
8. Куликова Е. В. И смеется, и плачет: концепция бытия и философия юмора Тэффи (дооктябрьский и эмигрантский периоды творчества) // Литература. 2001. № 44.
9. Одоевцева И. В. Тэффи. На берегах Сены // Звезда. 1988. № 8. С. 167.
10. Пешкова Я. В. Образы детей в ранних рассказах Н. Тэффи // Уральский филологический вестник. 2021. № 1. С. 81–90.
11. Смайлова Ж. А. Тема детства в творчестве Тэффи // Вестник Казахского национального университета. Серия Филологическая. 2015. Т. 154. № 2. С. 420–425.
12. Творчество Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX в. : сб. статей. М. : Наследие, 1999. 345 с.
13. Трубилова Е. И. Творческий путь Н. А. Тэффи (эмигрантский период) : дисс. ... канд. филолог. наук. М., 1994. 24 с.
14. Тэффи Н. А. Все о любви: Рассказы. Повесть. Роман. М. : Политиздат, 1991. 430 с.

The nature of the figurative embodiment of the theme of childhood in the artistic consciousness of N. A. Taffy

Shestakova Elena Yurievna

PhD in Philological Sciences, associate professor of the Department of Literature and the Russian Language at the Humanitarian Institute, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (branch).
Russia, Severodvinsk. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of this study is to consider the specifics of the figurative embodiment of the theme of childhood in the work of N. A. Taffy. The material of the article was the writer's stories related to the pre-October and emigrant periods. The topic of childhood, chosen for analysis, is an urgent area of modern literary criticism. The subject of the work was children's images presented in N. A. Taffy's short prose, artistic techniques used by the author to reveal the theme of childhood. The conducted research has shown that in the content structure of the stories created in the pre-October period, the antithesis technique is widely used, in which the world of adults and the world of children are contrasted. Mostly N. A. Taffy is close to the image of a happy "golden childhood". However, the writer does not avoid depicting children in a state of fear, horror of the unfamiliar world around them. Themes of loneliness and abandonment are often found on the pages of N. A. Taffy's short prose. The writer raises the problem of family relationships, reveals the causes of childhood suffering. In N. A. Taffy's stories, children's images are recreated in all their fullness and variety of feelings, thoughts, and experiences. The writer conveys the peculiarities of children's logic and speech. The author shows the fragility, vulnerability of a child's soul, the dreaminess of a child's nature, the spontaneity and sincerity of the child characters. Clearly expressed tragic motives appear in the short prose of the emigrant period. The reason for this tonality is the acutely felt feeling of loss of the motherland. As a result of the intensification of the tragic worldview in the stories of N. A. Taffy brings up the themes of child death, the author shows children suffering, sick, exhausted. Another facet of the theme of childhood in the emigrant period is the image of angelic children, who are a source of spiritual light, kindness, love and hope. The writer is interested in the process of transition of small characters from childhood to adolescence, the drama of the growing up process.

Keywords: story, theme of childhood, image of a child, N. A. Taffy, antithesis technique.

References

1. Agenosov V. V. *Literatura russkogo zarubezh'ya* [Literature of the Russian abroad]. M. Drofa (Bustard). 2007. 300 p.
2. Adamovich G. V. *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and freedom]. M. Republic. 1996. 446 p.
3. Bochkareva E. V. *Mir rebenka i mir vzroslogo v rasskazah N. A. Tefi* [The world of a child and the world of an adult in the stories of N. A. Taffy] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* – News of the Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 2008. No. 70. Pp. 89–92.

4. Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochinenij : v 13 t. T. 13* [Complete works : in 13 vols. Vol. 13]. M. Voskresenie (Resurrection). 2006. 552 p.
5. Vereshchagin V. K. *Teffi* [Teffi] // *Russkaya mysl'* – Russian thought. 1968. November 21st. No. 2713. Pp. 8–9.
6. Denisova E. A. *Detskoe vospriyatie "prekrasnogo" i "bezobraznogo" v rasskazah Teffi* [Children's perception of the "beautiful" and "ugly" in Taffy's stories] // *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* – Plotology and plotography. 2016. No. 1. Pp. 141–147.
7. Korotkih A. V. *Detskie obrazy v yumoristicheskoy proze Sashi Chernogo, A. Averchenko i Teffi : diss. ... kand. filolog. nauk* [Children's images in the humorous prose of Sasha Cherny, A. Averchenko and Taffy : diss. ... PhD in Philological Sciences]. M. 2002. 15 p.
8. Kulikova E. V. *I smeetsya, i plachet: koncepciya bytiya i filosofiya yumora Teffi (dooktyabr'skij i emigrantskij periody tvorchestva)* [Both laughs and cries: the concept of being and the philosophy of humor by Taffy (pre-October and emigrant periods of creativity)] // *Literatura* – Literature. 2001. No. 44.
9. Odoevceva I. V. *Teffi. Na beregah Seny* [Taffy. On the banks of the Seine] // *Zvezda* – Star. 1988. No. 8. P. 167.
10. Peshkova Ya. V. *Obrazy detej v rannih rasskazah N. Teffi* [Images of children in early stories by N. Teffi] // *Ural'skij filologicheskij vestnik* – Ural Philological herald. 2021. No. 1. Pp. 81–90.
11. Smajlova Zh. A. *Tema detstva v tvorchestve Teffi* [The theme of childhood in the work of Taffy] // *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya Filologicheskaya* – Herald of Kazakh National University. The series is Philological. 2015. Vol. 154. No. 2. Pp. 420–425.
12. *Tvorchestvo Teffi i russkij literaturnyj process pervoj poloviny XX v. : sb. statej* – Teffi's creativity and the Russian literary process of the first half of the XX century : collection of articles. M. Nasledie (Heritage). 1999. 345 p.
13. Trubilova E. I. *Tvorcheskij put' N. A. Teffi (emigrantskij period) : diss. ... kand. filolog. nauk* [The creative path of N. A. Taffy (emigrant period) : diss. ... PhD in Philological Sciences]. M. 1994. 24 p.
14. *Teffi N. A. Vse o lyubvi: Rassказы. Povest'. Roman* [All about love: Stories. The story. Novel]. M. Politizdat. 1991. 430 p.

Социокультурная специфика реализации стратегии CIOFF® при организации VI Всемирной Фольклориады 2021 г.

Юлдашбаева Альбина Шамиловна

соискатель, заместитель директора, Республиканский центр народного творчества
Республики Башкортостан. Россия, г. Уфа. ORCID: 0000-0001-9738-6859. E-mail: gukrCNT@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена деятельность Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств (CIOFF®) как крупнейшей международной организации по проведению фольклорных мероприятий и популяризации фольклорного искусства. Цель работы – определить стратегию CIOFF® и социокультурную специфику ее реализации в ходе подготовки и проведения VI Всемирной Фольклориады 2021 г. У CIOFF® отсутствует официально утвержденная стратегия, поэтому мы обратились к работам по теории управления на тему корпоративной стратегии и об «универсальной схеме взаимодействия» российских философов Г. Боуш и В. Разумова как методологическим основам исследования.

В ходе исследования социокультурной специфики реализации стратегии CIOFF®, в рамках организации VI Всемирной Фольклориады 2021 г. были проанализированы обстоятельства подготовки фестиваля, особенности культурной политики государства и социокультурные ориентации общества в России. В частности, показано, что Всемирная Фольклориада-2021 была масштабным фестивалем, что свидетельствует о тесном сотрудничестве CIOFF® с государственными властями России и Башкортостана при организации фольклориады. В процессе исследования был сделан обзор документов стратегического планирования Российской Федерации и Республики Башкортостан, отражающих государственную культурную политику, обоснованы тезисы о «ситуативном консерватизме» культурной политики России и соответствии этой идеологии социокультурным запросам российского общества.

В итоге был сделан вывод, что социокультурную специфику реализации стратегии CIOFF® определило принципиальное совпадение целей этой организации и государственной культурной политики России и Башкортостана. Областью применения полученных результатов может стать планирование международных культурных фестивалей, направленных на сохранение и популяризации нематериального культурного наследия народов России и мира.

Ключевые слова: Международный Совет организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств, VI Всемирная Фольклориада, культурная политика, охрана культурного наследия, нематериальное культурное наследие.

Введение. Международный Совет организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств (International Council of Organizations of Folklore Festivals and Folk Art, англоязычная аббревиатура – CIOFF®) является крупнейшей международной организацией по проведению фольклорных мероприятий и популяризации фольклорного искусства, партнером ЮНЕСКО.

Основная цель CIOFF® – это реализация «Конвенции об охране нематериального культурного наследия», принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры [7]. Реализация конвенции осуществляется, как прописано в регламенте CIOFF®, «преимущественно на оперативном уровне, посредством такой деятельности, как организация фольклорных фестивалей и обмена фольклорными коллективами, обучения и воспитания, популяризации для детей, на конференциях, в публикациях и т. д.» [34, р. 3].

Наиболее крупные фольклорные мероприятия CIOFF® – это всемирные фольклориады. VI Всемирная Фольклориада 2021 г. состоялась в Российской Федерации, а именно в Республике Башкортостан. Несмотря на значимость организации и большой масштаб всемирных фольклориад, деятельность CIOFF® недостаточно исследована в российской культурологии.

Цель работы: определить стратегию Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств (CIOFF®) и социокультурную специфику ее реализации в ходе подготовки и проведения VI Всемирной Фольклориады 2021 г.

Методология исследования. Настоящая работа имеет теоретический характер, представляя собой рефлексию над деятельностью Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств в целом и по организации Всемирной Фольклориады-2021 в частности. В связи с этим полагаем целесообразным выделить отдельный параграф для изложения методологических основ настоящего исследования.

Для определения социокультурной специфики реализации стратегии CIOFF® полагаем необходимым ответить на ряд вопросов: во-первых, о наличии стратегии у организации, во-вторых – о сути этой стратегии, а в-третьих – о специфике ее реализации в России и Башкортостане.

Для определения наличия стратегии Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств, – поскольку у этой организации отсутствуют документы стратегического планирования, – следует обратиться к результатам исследований по теории управления. В этой дисциплине используется термин «корпоративная стратегия», под которым понимается общий план, или перспективная программа деятельности корпорации в определенной сфере экономики [см., напр.: 1, с. 14; 3, с. 12]. При изложении результатов исследования мы будем использовать публикации по теории управления применительно к деятельности CIOFF®.

С целью определения того, какой стратегией руководствуется Международный Совет организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств, предлагаем рассмотреть основные положения методологии как особой философской дисциплины, по сути – метатеории деятельности, в которой стратегия понимается как равнодействующая в относительно замкнутых системах взаимодействия. Дело в том, что методология в отечественной философии – это учение об организации любой общественно значимой деятельности: научной, практической, художественной, учебной и т. д. [11, с. 20–23].

Метатеория деятельности впервые была разработана в рамках «системо-мыследеятельностной методологии» (или СМД-методологии), как называют основанную выдающимся философом Г. П. Щедровицким научную школу и даже научное движение, приобретшее некоторое распространение среди «позднесоветской» интеллигенции [см.: 9; 10].

Суть учения Г. Щедровицкого и его учеников заключается в философской рефлексии над деятельностью с целью произвести ее практическое преобразование посредством управления [см.: 25; см. также: 26, с. 245–251, 268–278]. В данном случае «деятельность» понимается как субстанция человеческого существования, иначе говоря, как первичное по отношению к мышлению, что соответствовало господствующей в советскую эпоху марксистско-ленинской философии с ее решением «основного вопроса философии»: «бытие первично – сознание вторично».

В отечественной философской традиции методология как метатеория деятельности хоть и ведет свое происхождение от учения Г. Щедровицкого и его последователей, но не ограничивается разработками представителей этой научной школы. Для нашей работы важна позиция А. М. и Д. А. Новиковых, с точки зрения которых эта дисциплина разрабатывает организацию деятельности, но не деятельности и мышления вместе, как для Г. Щедровицкого, и которые отказались от его сугубо философской терминологии [11, с. 17, 27]. Аналогичный подход, только относительно именно научного познания, обосновывают Г. Д. Боуш и В. И. Разумов в своей «категориально-системной методологии» [2, с. 7, 14]. В данном случае все перечисленные подходы противостоят «традиционному» для отечественной науки понимание «методологии (науки, научного исследования)» как суммы методов и приемов познания [см., напр.: 18, с. 7–8].

Для определения стратегии CIOFF® мы обратимся к предложенной Г. Боуш и В. Разумовым «универсальной схеме взаимодействия», разработанной ими на основе «блоковой схемы» биолога Юджина Одума, которого называют «отцом современной экологии» [2, с. 70–71]. «Блоковая схема» Ю. Одума, созданная для описания экологических систем, довольно проста и логична, что позволяет применить ее для описания любых процессов взаимодействия в рамках относительно замкнутой системы (см.: Рис. 1).

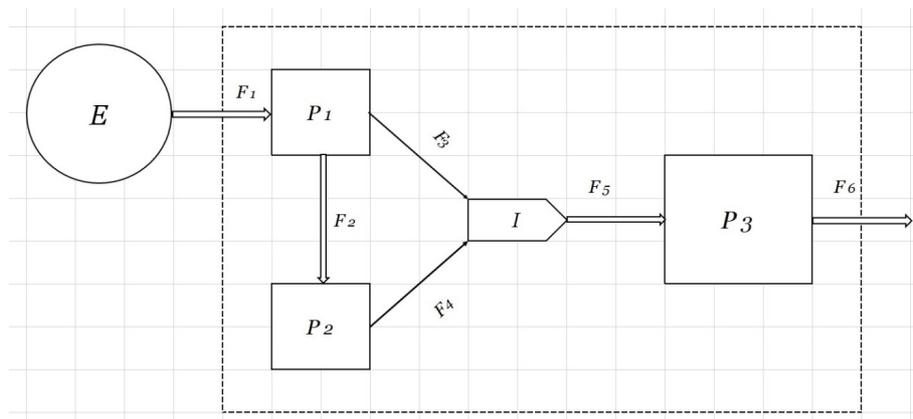

Рис. 1. Блоковая схема Ю. Одума [сост. по: 25, с. 20]

В блоковой схеме Ю. Одума: E – движущая сила, P – свойства, F – потоки, I – взаимодействие. Таким образом, в схеме учитываются «потоки вещества и энергии» (F) между «переменными состояниями» (P) [13, с. 20]. В социогуманитарных исследованиях под «переменными состояниями» можно понимать участников взаимодействия, а под «потоками вещества и энергии» – их намерения и действия. Г. Боуш и В. Разумов развили схему Ю. Одума и – для придания ей действительно универсального характера – создали три варианта этой схемы: а) «простой»; б) «простой с обратной связью»; в) «развернутый» [2, с. 70–73]. В дальнейшем изложении мы обратимся к развернутому варианту схемы.

Для определения социокультурной специфики реализации стратегии Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств в ходе изложения результатов исследования, во-первых, сформулируем факторы, которые обуславливают социокультурную специфику проведения международных культурных фестивалей в целом, а во-вторых – рассмотрим специфику государственной культурной политики России и Башкортостана, проявившейся в ходе организации и проведения VI Всемирной Фольклориады, поскольку подобные масштабные культурные события являются результатом взаимодействия международных организаций с государственными властями страны и региона проведения мероприятия.

Результаты исследования. Для определения стратегии Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств, как было указано выше, обратимся к теории управления:

I. В теории управления корпоративная стратегия имеет следующие признаки, которые предлагаем соотнести с деятельностью CIOFF® [22]:

1) стратегия является ориентиром для руководства организации: руководство CIOFF® – президент и вице-президенты, а также ее структурные подразделения – комиссии и комитеты организации – реализуют общий курс на продвижение фольклорного искусства [35];

2) стратегия определяет стандарты поведения: постоянные выезды представителей CIOFF® на объекты проведения мероприятий, например – как покажем ниже – при подготовке VI Всемирной Фольклориады, их встречи с официальными лицами, свидетельствуют о том, что руководство Международного Совета следует определенной – «стратегической» – линии поведения;

3) стратегия формулирует позицию: в отсутствии стратегии как утвержденного документа о сформулированной позиции CIOFF® можно говорить, исходя из регламента организации, в котором указано, что ее задачами является популяризация мирового нематериального культурного наследия посредством презентации наследия «в ходе международных фольклорных фестивалей, [распространения. – А. Ю.] традиционных искусств и других форм выражения культуры», а также благодаря международному сотрудничеству [34, р. 4];

4) стратегия указывает на перспективу развития: опять-таки, в отсутствии стратегических документов невозможно определенно говорить о понимании перспектив развития Международного Совета, но постоянное его расширение, увеличение масштабов фестивальной деятельности и запланированное проведение в 2024 г. Первой всемирной детской фольклориады CIOFF® в Уфе свидетельствует о наличии у руководства организации видения перспективы ее развития [6];

5) применение особых методов достижения поставленных целей: Международный Совет является всемирной организацией, сотрудничающей с органами государственной власти

и общественностью многих стран мира; проводит крупные фестивали искусства, таких как всемирные фольклориады. Следовательно, уместно говорить о наличии у CIOFF® как разветвленной международной организации собственных методов достижения своих целей.

II. Продолжая применение теории корпоративного управления к определению стратегии Международного Совета, рассмотрим составляющие корпоративной стратегии применительно к деятельности CIOFF® [23, с. 92]:

а) стратегия предполагает распределение ресурсов между структурными подразделениями: структура организации является диверсифицированной. Основные решения принимаются Генеральной Ассамблеей и Чрезвычайной Генеральной Ассамблеей CIOFF®; организационные и финансовые ресурсы распределяет Совет CIOFF®; административные функции реализует Исполнительный комитет CIOFF®; отдельными направлениями деятельности ведают комиссии и комитеты CIOFF®; на региональном уровне работают региональные секторы и национальные комитеты в различных странах мира [35];

б) стратегия предусматривает решения о диверсификации деятельности: выше мы рассмотрели взаимосвязь между структурными подразделениями Международного Совета и их ресурсами. Наличие выделенного Исполнительного комитета и отдельных комитетов, региональных секторов и национальных комитетов свидетельствует о диверсификации не только ресурсов, но и различных сторон деятельности организации;

в) стратегия включает вопросы структурной организации: структура Международного Совета определена и вполне рациональна;

г) стратегия очерчивает взаимоотношения с другими организациями и государственными властями: CIOFF® действует под эгидой ЮНЕСКО и сотрудничает с международными культурными и научными организациями [34, р. 4, 8]. Следует добавить, что субъектами сотрудничества являются и государственные власти, как мы продемонстрируем ниже на примере сотрудничества с федеральными властями Российской Федерации и региональными властями Республики Башкортостан в ходе подготовки VI Всемирной Фольклориады;

д) стратегическая ориентация структурных подразделений: структурные подразделения CIOFF® – комитеты и комиссии – имеют собственные задачи, в соответствии со своей специализацией будучи направлены на выполнение определенных направлений деятельности организации. Региональные секторы и национальные комитеты по своим задачам и характеру деятельности представляют собой CIOFF® «в миниатюре».

Теория корпоративного управления позволила нам обосновать наличие у CIOFF® собственной стратегии. Для определения этой стратегии обратимся к применению «универсальной схемы взаимодействия развернутой», в которой система взаимодействия охватывает деятельность по организации и проведению крупных культурных фестивалей, а ее основным субъектом выступает CIOFF®. «Универсальная схема взаимодействия развернутая» имеет следующий вид (см.: Рис. 2).

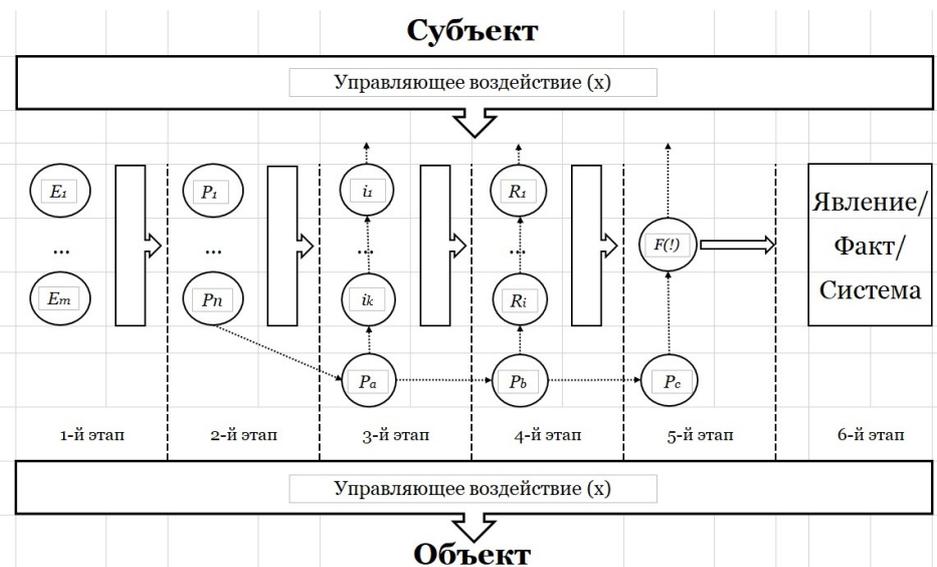

Рис. 2. Универсальная схема взаимодействия элементов развернутой [сост. по: 11, с. 72]

В нашей системе взаимодействия основным (ниже покажем, что не единственным) «источником ресурса» (*E*) становится запрос современного общества на сохранение культурного наследия, на удовлетворение которого направлена деятельность CIOFF®; основным (далее покажем, что также не единственным) «компонентом взаимодействия» (*P*) является сам CIOFF®; «взаимодействие» (*I*) выражается в организации культурных фестивалей; «результатом взаимодействия» (*R*) становится международное культурное сотрудничество; «эффектом взаимодействия», или «стратегической целью», становится сохранение и популяризация нематериального культурного наследия народов мира. А к иным, кроме мировой общественности, «источникам ресурсов» и иным, кроме CIOFF®, «компонентам взаимодействия» мы вернемся при дальнейшем рассмотрении реализации стратегии Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств в рамках проведения Всемирной Фольклориады-2021.

Итак, CIOFF® имеет собственную стратегию, которая заключается в сохранении нематериального культурного наследия народов мира посредством его максимальной популяризации и вовлечения в фольклорное движение как можно более широкой аудитории, а следовательно – при помощи организации фольклорных мероприятий различного уровня.

Далее сформулируем факторы, которые способны определять социокультурную специфику международного культурного фестиваля, обусловленная его организацией в конкретных условиях, странах и обществах:

а) «организационный» – особенность подхода международной организации к конкретному инициированному ею мероприятию: принципиально подход CIOFF® к организации крупнейших фестивалей – Всемирной Фольклориады-2012 в Южной Корее, Всемирной Фольклориады-2016 в Мексике и Всемирной Фольклориады-2021 в Башкортостане – не отличается, судя по отчетной документации, хотя подготовка к Всемирной Фольклориаде-2016 и Всемирной Фольклориаде-2021 гораздо лучше отражена в отчетности CIOFF®, если обратиться к публичным отчетам организации за период с 2013 по 2019 гг. [28, р. 6; 29, р. 6; 30, р. 4; 31, р. 6; 32, р. 16; 33, р. 16]. Однако, исходя из косвенных данных – организационных ресурсов городов и территорий проведения, а также по числу площадок, VI Всемирная Фольклориада, – которая проводилась не только в г. Уфе, но и в нескольких районных центрах Башкортостана, – стала более масштабным событием, чем предыдущие фольклориады;

б) «административный» – отношение к организации или участие в организации мероприятия государственных или местных властей, на территории которых проводится это культурное событие. Размах мероприятий VI Всемирной Фольклориады, а также наличие нескольких площадок фестиваля свидетельствуют о том, что значительная государственная поддержка стала особенностью его организации [см.: 17; 27]. Следовательно, уместно говорить о значительном государственном участии в подготовке Всемирной Фольклориады-2021 как специфике организации этого фольклорного фестиваля в России и Башкортостане;

в) «партнерский» – взаимодействие международной организации и государственных или местных властей. Как говорилось выше, соорганизаторами проведения всемирных фольклориад выступают местные и региональные власти. Масштаб проведения VI Всемирной Фольклориады-2021 и отмеченное выше решение CIOFF® об организации в Уфе Первой всемирной детской фольклориады указывают на то, что взаимодействие между руководством Международного Совета и органами власти было тесным и взаимовыгодным [6].

Теперь обратимся к специфике государственной культурной политики федеральных властей России и региональных властей Башкортостана, основы которой отражены в ряде документов стратегического планирования:

1) в положениях «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», относящихся к сфере культурной и информационной политики, говорится, что социально-экономические и технологические изменения в современном мире приводят к возникновению перед человечеством угроз «утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов» (п. 84); затем выдвигаются задачи по противодействию этим угрозам путем сохранения и развития культурного достояния России (п. 90–93) [21];

2) «Основы государственной культурной политики» являются подробным концептуальным текстом, в котором культурная политика понимается предельно широко, как охватывающая всю культурную деятельность, образование и просвещение, а также формирование информационного пространства [14, с. 6]. Целями культурной политики названы: укрепление гражданской идентичности; создание условий для воспитания граждан; сохранение истории-

ческого и культурного наследия и его использование с целью воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций и обычаев, образцов поведения; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение доступа граждан к знаниям, информации, культурным ценностям и благам [14, с. 10];

2а) в 2023 г. в «Основы государственной культурной политики» были внесены изменения, в частности, подчеркнутые направленность культурной политики на преодоление гуманитарного кризиса современного общества и формирование личности граждан России на основе российских общественных ценностей [12, с. 3–4];

3) «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г.» призвана наметить конкретные меры реализации «Основ государственной культурной политики». В частности, в документе акцентируется внимание на развитие системы учреждений культуры и презентации их в сети Интернет [20, с. 5–6];

4) «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» являются продолжением «Основ государственной культурной политики», содержат формулировки гуманитарных рисков, как производных от внешнеполитических угроз, и перечисляют традиционные ценности, к числу которых относятся: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [15].

В рассмотренных документах большое внимание уделяется угрозам гуманитарной сферы, из осмысления которых проистекают задачи государственной культурной политики. Такой подход свидетельствует о консервативной ориентации культурной политики, поскольку защита исторических устоев от губительных воздействий современности – отличительный признак консерватизма. Для характеристики современного консерватизма, исходящего из защиты привычных норм и правил, С. Хантингтон ввел понятие «ситуативный консерватизм», который является одной из «позиционных идеологий» – идеологических установок, существующих в конкретной исторической ситуации сложившихся отношений между социальными группами и/или политическими силами [24, с. 245].

Социокультурной предпосылкой консервативной культурной политики являются консервативные настроения, доминирующие в российском обществе. К таким установкам относятся патернализм (отношение к государству как к покровителю граждан), этатизм («государственничество») и стремление к «стабильности», на что не раз было указано в социологических исследованиях Юрия Левады и ученых его научной школы [см.: 4, с. 20–24; 5, с. 4–25; 19, с. 6–22].

Политическая линия государственных властей России продолжается в культурной и национальной политике Башкортостана. В регионе действуют Концепция государственной национальной политики в Республике Башкортостан и государственная программа «Развитие культуры и искусства в Республике Башкортостан», направленные на развитие общероссийской гражданской идентичности и государственную поддержку сферы культуры [см.: 8; 16].

Вернемся к «развернутой универсальной схеме взаимодействия» для определения вышеупомянутых иных «источников ресурсов» и иных «компонентов взаимодействия», применительно к конкретной всемирной фольклориаде. В системе взаимодействия по организации VI Всемирной Фольклориады 2021 г. иным, помимо CIOFF®, «источником ресурса» (*E*) становится государственная культурная политика России и Башкортостана; также иным, помимо CIOFF®, «компонентом взаимодействия» (*P*) являются государственные власти России и Башкортостана; «взаимодействие» (*I*) между CIOFF®, с одной стороны, и Россией и Башкортостаном, с другой стороны, что выразилось в организации VI Всемирной Фольклориады; «результатом взаимодействия» (*R*) стало организационное сотрудничество между CIOFF®, с одной стороны, и Россией и Башкортостаном, с другой стороны, что сделало возможным значительный масштаб Всемирной Фольклориады-2021; «эффектом взаимодействия», или обоюдной «стратегической целью» для участников взаимодействия, стало сохранение и популяризация нематериального культурного наследия посредством организации фольклориады.

Итак, социокультурными факторами, определившими специфику Всемирной Фольклориады-2021, а следовательно – и реализацию стратегии CIOFF®, являются:

I. Направленность государственной культурной политики России и Башкортостана на защиту традиционных ценностей и культурного наследия народов России. Причем эта направленность соответствует социокультурным запросам большей части российского общества.

II. Тесное взаимодействие между СIOFF® и федеральными и региональными властями, поскольку цели международной организации по сохранению и популяризации нематериального культурного наследия принципиально совпадают с целями государственной культурной политики России и Башкортостана.

Заключение. Стратегия Международного Совета организаций фольклорных фестивалей и традиционных искусств заключается в сохранении нематериального культурного наследия народов мира посредством его популяризации на фольклорных мероприятиях различного уровня, центральным из которых являются всемирные фольклориады. Реализацией этой стратегии стало проведение в Республике Башкортостан VI Всемирной Фольклориады. Социокультурную специфику реализации стратегии СIOFF® в ходе проведения Всемирной Фольклориады-2021 определило принципиальное совпадение целей международной организации с целями культурной политики России и Башкортостана.

Список литературы

1. Абуева Н. А. Стратегия корпоративного управления // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. № 13–2. С. 14–18.
2. Боуш Г. Д., Разумов В. И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях) : учебник. М. : ИНФРА-М, 2020. 225 с.
3. Голубев А. А. Иерархическая структура корпоративной стратегии // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. № 7. С. 12–18.
4. Гудков Л. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.
5. Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М. : Московская школа политических исследований, 2008. 96 с.
6. Детская Фольклориада состоится в Башкортостане в 2024 году! // VI Всемирная Фольклориада. 14 ноября 2021. URL: <https://folkloriada2021.com/novosti/detskaya-folkloriada-sostoitsya-v-bashkirii-v-2024-godu!.html> (дата обращения: 18.02.2023).
7. Конвенция об охране нематериального культурного наследия (17 октября 2003 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 18.02.2023).
8. Концепция государственной национальной политики в Республике Башкортостан: указ Главы Республики Башкортостан от 12 августа 2022 г. № УГ-562. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/36225/> (дата обращения: 18.02.2023).
9. Кукулин И., Куренной В. Школа Щедровицкого и ее наследие. Ч. 1 // Полит.Ру. 31 марта 2017. URL: <https://polit.ru/article/2017/03/31/methodology/> (дата обращения: 18.02.2023).
10. Кукулин И., Куренной В. Школа Щедровицкого и ее наследие. Ч. 2 // Полит.Ру. 3 апреля 2017. URL: <https://polit.ru/article/2017/04/03/methodology/> (дата обращения: 18.02.2023).
11. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М. : СИНТЕГ, 2007. 668 с.
12. «О внесении изменений в «Основы государственной культурной политики»: указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/70395> (дата обращения: 18.02.2023).
13. Одум Ю. Экология : в 2 т. Т. 1 / [пер. с англ. Ю. М. Фролова]; [под ред. В. Е. Соколова]. М. : Мир, 1986. 326 с.
14. Основы государственной культурной политики: указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 18.02.2023).
15. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 18.02.2023).
16. Развитие культуры и искусства в Республике Башкортостан: государственная программа (с изменениями на 16 ноября 2021 г.): постановление Правительства Республики Башкортостан от 26 июня 2013 г. № 279. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463505210> (дата обращения: 18.02.2023).
17. Рампа. Культура Башкортостана. 2021. № 7 (333) [спецвыпуск о VI Всемирной Фольклориаде]. 36 с.
18. Рузавин Г. И. Методология научного познания : учебн. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 287 с.
19. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / под общ. ред. Ю. А. Левады. М. : Мир ; Океан, 1993. 300 с.
20. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAYyVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).

21. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 18.02.2023).
22. Туханова А. В., Бузурукова Д. А. Стратегии. Деловая, корпоративная, операционная и функциональная типы стратегий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 9–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-delovaya-korporativnaya-operatsionnaya-i-funktsionalnaya-tipy-strategiy> (дата обращения: 18.02.2023).
23. Фаузер В. В. Корпоративная стратегия // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2005. № 3. С. 91–96.
24. Хантингтон С. Консерватизм как идеология / пер. с англ. А. А. Закутина, под ред. Л. В. Полякова // Тетради по консерватизму. 2017. № 6. С. 231–250.
25. Щедровицкий Г. П. Идея деятельности и деятельностный подход // Георгий Петрович Щедровицкий / [под ред. П. Г. Щедровицкого, В. Л. Даниловой]. М. : РОССПЭН, 2010. С. 440–541.
26. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М. : Эдиториал УРСС, 1997. 445 с.
27. VI CIOFF® World Folkloriada. Уфа, 2021. 86 р.
28. CIOFF® Annual Report 2013. URL: http://www.cioff.org/documentation/CIOFF_Annual_Report_2013.pdf (дата обращения: 18.02.2023).
29. CIOFF® Annual Report 2014. URL: <http://www.cioff.org/documentation/CIOFF%20Annual%20Report%202014%20draft%202.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
30. CIOFF® Annual Report 2015. URL: <http://www.cioff.org/documentation/CIOFF%20Annual%20Report%202015.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
31. CIOFF® Annual Report 2017. URL: <http://www.cioff.org/documentation/CIOFF%20Annual%20Report%202017.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
32. CIOFF® Annual Report 2018. URL: <http://www.cioff.org/documentation/Annual%20Report%202018%20revised.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
33. CIOFF® Annual Report 2019. URL: <http://www.cioff.org/documentation/3.1%20Annual%20Report%202019.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
34. CIOFF® By-Laws adopted by the General Assembly 2019 in Santiago del Chile. URL: <http://www.cioff.org/documentation/BL%20English%20Chile%202019.pdf> (дата обращения: 18.02.2023).
35. International Council of Organizations of Folklore Festivals and Folk Arts. URL: <http://www.cioff.org/> (дата обращения: 18.02.2023).

Sociocultural specifics of the CIOFF® strategy implementation during the organization of the VI World Folklore Games 2021

Yuldashbaeva Albina Shamilovna

degree-seeking student, deputy director, Republican Center of Folk Art of the Republic of Bashkortostan.
Russia, Ufa. ORCID: 0000-0001-9738-6859. E-mail: gukrcnt@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of the International Council of Folklore Festivals and Traditional Arts Organizations (CIOFF®) as the largest international organization for folklore events and the popularization of folklore art. The purpose of the work is to determine the CIOFF® strategy and the socio-cultural specifics of its implementation during the preparation and holding of the VI World Folklore Games 2021. CIOFF® does not have an officially approved strategy, so we turned to works on management theory on the topic of corporate strategy and on the "universal scheme of interaction" by Russian philosophers G. Boush and V. Razumov as the methodological foundations of the study.

During the study of the socio-cultural specifics of the CIOFF® strategy implementation, within the framework of the organization of the VI World Folklore 2021, the circumstances of the preparation of the festival, the peculiarities of the cultural policy of the state and the socio-cultural orientations of society in Russia were analyzed. In particular, it is shown that the World Folklore Games 2021 was a large-scale festival, which indicates the close cooperation of CIOFF® with the state authorities of Russia and Bashkortostan in organizing the folklore Games. In the course of the research, an overview of the strategic planning documents of the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan reflecting the state cultural policy was made, theses on the "situational conservatism" of Russia's cultural policy and the conformity of this ideology with the socio-cultural demands of Russian society were substantiated.

As a result, it was concluded that the socio-cultural specifics of the CIOFF® strategy implementation were determined by the fundamental coincidence of the goals of this organization and the state cultural policy of Russia and Bashkortostan. The field of application of the obtained results may be the planning of international cultural festivals aimed at preserving and popularizing the intangible cultural heritage of the peoples of Russia and the world.

Keywords: International Council of Folklore Festivals and Traditional Arts Organizations, VI World Folkloriad, cultural policy, protection of cultural heritage, intangible cultural heritage.

References

1. Abueva N. A. *Strategiya korporativnogo upravleniya* [Corporate governance strategy] // *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya* – Russia: trends and prospects of development. 2018. No. 13–2. Pp. 14–18.
2. Boush G. D., Razumov V. I. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidatskih i doktorskih dissertatsiyah) : uchebnik* [Methodology of scientific research (in candidate and doctoral dissertations) : textbook]. M. INFRA-M. 2020. 225 p.
3. Golubev A. A. *Ierarhicheskaya struktura korporativnoj strategii* [Hierarchical structure of corporate strategy] // *Nauchno-tekhnicheskij vestnik informacionnyh tekhnologij, mekhaniki i optiki* – Scientific and technical herald of information technologies, mechanics and optics. 2003. No. 7. Pp. 12–18.
4. Gudkov L. "Sovetskij chelovek" v sociologii Yuriya Levady ["The Soviet man" in the sociology of Yuri Levada] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and Modernity. 2007. No. 6. Pp. 16–30.
5. Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. *Postsovetskij chelovek i grazhdanskoe obshchestvo* [Post-Soviet man and civil society]. M. Moscow School of Political Studies. 2008. 96 p.
6. *Detskaya Fol'kloriada sostoitsya v Bashkortostane v 2024 godu!* – The Children's Folklore Contest will be held in Bashkortostan in 2024! // *VI Vsemirnaya Fol'kloriada. 14 noyabrya 2021* – VI World Folklore Contest. November 14, 2021. Available at: <https://folkloriada2021.com/novosti/detskaya-folkloriada-sostoitsya-v-bashkirii-v-2024-godu!.html> (date accessed: 18.02.2023).
7. *Konvenciya ob ohrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya (17 oktyabrya 2003 g.)* – Convention for the Protection of the Intangible Cultural Heritage (October 17, 2003). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).
8. The concept of state national policy in the Republic of Bashkortostan: Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan dated August 12, 2022 No. UG-562. Available at: <https://npa.bashkortostan.ru/36225/> (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).
9. Kukul'in I., Kurennoj V. *Shkola Shchedrovickogo i ee nasledie. Ch. 1* [Shchedrovitsky School and its legacy. Part 1] // *Polit.ru*. March 31, 2017. Available at: <https://polit.ru/article/2017/03/31/methodology/> (date accessed: 18.02.2023).
10. Kukul'in I., Kurennoj V. *Shkola Shchedrovickogo i ee nasledie. Ch. 2* [Shchedrovitsky school and its legacy. Part 2] // *Polit.ru*. April 3, 2017. Available at: <https://polit.ru/article/2017/04/03/methodology/> (date accessed: 18.02.2023).
11. Novikov A. M., Novikov D. A. *Metodologiya* [Methodology]. M. SINTEG. 2007. 668 p.
12. «O vnesenii izmenenij v "Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki"»: ukaz Prezidenta RF ot 25 yanvarya 2023 g. № 35 – "On Amendments to the Fundamentals of State Cultural Policy": Decree of the President of the Russian Federation dated January 25, 2023 No. 35. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/70395> (date accessed: 18.02.2023).
13. Odum Yu. *Ekologiya : v 2 t. T. 1* [Ecology : in 2 vols. Vol. 1] / transl. from English by Yu. M. Frolov; ed. by V. E. Sokolov. M. Mir (World). 1986. 326 p.
14. Fundamentals of the State cultural policy: Decree of the President of the Russian Federation dated December 24, 2014 No. 808. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).
15. Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).
16. Development of culture and art in the Republic of Bashkortostan: the state program (as amended on November 16, 2021): Resolution of the Government of the Republic of Bashkortostan dated June 26, 2013 No. 279. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/463505210> (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).
17. *Rampa. Kul'tura Bashkortostana. 2021. № 7 (333) [specvypusk o VI Vsemirnoj Fol'kloriade]* – The ramp. Culture of Bashkortostan. 2021. No. 7 (333) [special issue on the VI World Folklore Games]. 36 p.
18. Ruzavin G. I. *Metodologiya nauchnogo poznaniya : uchebn. posobie* [Methodology of scientific cognition : textbook. manual]. M. Unity-Dana. 2012. 287 p.
19. *Sovetskij prostoj chelovek: Opyt social'nogo portreta na rubezhe 90-h* – The Soviet simple man: The experience of a social portrait at the turn of the 90s / under the gen. ed. of Yu. A. Levada. M. Mir (World) ; Okean (Ocean). 1993. 300 p.
20. Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated February 29, 2016 No. 326-R. Available at: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).
21. The National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).
22. Tyuhanova A. V., Buzurukova D. A. *Strategii. Delovaya, korporativnaya, operacionnaya i funkcionnal'nyaya tipy strategij* [Strategies. Business, corporate, operational and functional types of strategies] // *Aktual'nye*

problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual problems of humanities and natural sciences. 2016. No. 9–1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-delovaya-korporativnaya-operatsionnaya-i-funktionalnaya-tipy-strategiy> (date accessed: 18.02.2023) (in Russ.).

23. Fauser V. V. *Korporativnaya strategiya* [Corporate strategy] // *Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* – Corporate governance and innovative development of the economy of the North: Herald of the Scientific Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2005. No. 3. Pp. 91–96.

24. Huntington S. *Konservatizm kak ideologiya* [Conservatism as an ideology] / [transl. from English by A. A. Zakutin, ed. by L. V. Polyakov] // *Tetradi po konservatizmu* – Notebooks on conservatism. 2017. No. 6. Pp. 231–250.

26. Shchedrovickij G. P. *Ideya deyatel'nosti i deyatel'nostnyj podhod* [Idea of activity and activity approach] // *Georgij Petrovich Shchedrovickij* – Georgy Petrovich Shchedrovitsky / [ed. by P. G. Shchedrovitsky, V. L. Danilova]. M. ROSSPEN. 2010. Pp. 440–541.

27. Yudin E. G. *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of science. Consistency. Activity]. M. Editorial URSS. 1997. 445 p.

28. VI CIOFF® World Folkloriada. Ufa. 2021. 86 p.

29. CIOFF® Annual Report 2013. Available at: http://www.cioff.org/documentation/CIOFF_Annual_Report_2013.pdf (date accessed: 18.02.2023).

30. CIOFF® Annual Report 2014. Available at: <http://www.cioff.org/documentation/CIOFF%20Annual%20Report%202014%20draft%202.pdf> (date accessed: 18.02.2023).

31. CIOFF® Annual Report 2015. Available at: <http://www.cioff.org/documentation/CIOFF%20Annual%20Report%202015.pdf> (date accessed: 18.02.2023).

32. CIOFF® Annual Report 2017. Available at: <http://www.cioff.org/documentation/CIOFF%20Annual%20Report%202017.pdf> (date accessed: 18.02.2023).

33. CIOFF® Annual Report 2018. Available at: <http://www.cioff.org/documentation/Annual%20Report%202018%20revised.pdf> (date accessed: 18.02.2023).

34. CIOFF® Annual Report 2019. Available at: <http://www.cioff.org/documentation/3.1%20Annual%20Report%202019.pdf> (date accessed: 18.02.2023).

35. CIOFF® By-Laws adopted by the General Assembly 2019 in Santiago del Chile. Available at: <http://www.cioff.org/documentation/BL%20English%20Chile%202019.pdf> (date accessed: 18.02.2023).

36. International Council of Organizations of Folklore Festivals and Folk Arts. Available at: <http://www.cioff.org/> (date accessed: 18.02.2023).

Мемориалы Крыма 1919–1941 гг. как образцы советского монументального искусства и пропаганды

Борунов Святослав Сергеевич

аспирант кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин,
Крымский университет культуры, искусств и туризма.
Россия, г. Симферополь. ORCID: 0009-0005-0241-0083. E-mail: borunovsl@mail.ru

Аннотация. В статье охарактеризован процесс создания мемориалов в Крыму довоенного периода в контексте становления советского монументального искусства и пропаганды революционных идей. Автор приходит к выводу, что в своем развитии монументальное искусство Крыма 1919–1941 гг. имеет характерные особенности, связанные с Гражданской войной на полуострове.

Актуальность темы обусловлена необходимостью объективного анализа историко-культурной ситуации в Крыму в годы Гражданской войны с целью сохранения исторической памяти, связанной с трагическими страницами истории Крыма.

Целью статьи является характеристика процесса создания мемориальных объектов в советском Крыму 1919–1941 гг., а также выявление их символической роли в системе современной культурной политики Республики Крым.

Методы исследования: визуальный анализ, концептуальный инструментарий новой культурной истории и исследований коллективной памяти.

Предмет исследования – мемориалы, возведенные в Крыму в 1919–1941 гг., их роль в становлении и развитии советского монументального искусства и пропаганды.

В результате исследования было определено, что раннее советское монументальное искусство в Крыму в условиях Гражданской войны и экономической нестабильности характеризовалось спонтанностью и отсутствием четких стилистических канонов.

Область применения результатов – практическая значимость исследования заключается в выполнении анализа процесса формирования и развития мемориального наследия Советского Союза 1919–1941 гг., как одной из важных сторон социокультурного пространства Крыма, что может быть использовано в качестве материала в исследованиях истории культуры Крыма.

Выводы: Немногочисленные сохранившиеся до наших дней монументы 1919–1941 гг. являются примером воплощения ценностных ориентаций раннесоветского искусства. Данные памятники, несмотря на противоречивость изображаемых ими героев Гражданской войны стали частью культурного наследия Крыма, требующими не только ухода, но и уважительного к ним отношения.

Ключевые слова: памятник, мемориальный комплекс, монументальное искусство, идеология, монументальная пропаганда, историко-культурное наследие, Крым.

Феномен советской монументальной пропаганды, тесно связанный с политико-идеологической сферой, привлекает стабильный интерес отечественных исследователей. Наибольшее количество публикаций посвящено общей характеристике советской «монументальной политики» и т. н. «ленинскому плану монументальной пропаганды» [1; 4; 10; 22 и др.]. В основном авторы придерживаются устоявшейся парадигмы описания, в которой уже на начальном этапе после установления советской власти монументальное искусство рассматривается как элемент символической политики и специфический инструмент пропаганды революционных идей. На этом фоне выделяется интересная, хотя и дискуссионная точка зрения крымского исследователя А. Д. Попова, который утверждает, что в действительности понятие «ленинского плана монументальной пропаганды» концептуально сформировалось и получило распространение только во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в связи со стремлением отдельных творческих деятелей сохранить свое влияние после начала хрущевской кампании по борьбе с «излишествами в архитектуре» [16, с. 213]. Значительный интерес для данной темы представляет монография С. Ю. Малышевой, проанализировавшей значительные изменения в погребальной культуре и танатологических практиках первых советских десятилетий [12].

На этом фоне перспективным представляется появление работ, в которых описываются региональные кейсы становления и развития советского монументального искусства в от-

дельных регионах с учетом локальных особенностей исторических событий, общественно-политических, социально-экономических и этноконфессиональных процессов [см., например: 20]. При этом существующие на данный момент статьи о советском монументальном искусстве Крыма (включая и Севастополь) в довоенный период [2; 5; 18] охватывают лишь отдельные сюжеты и мемориальные объекты.

Вопросы использования в идеологических целях монументальной архитектуры приобрели особую актуальность уже в первые месяцы после установления советской власти в Петрограде и Москве. 11 апреля 1918 г. на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) народный комиссар просвещения А. В. Луначарский на основе предложений, высказанных В. И. Лениным, предложил программу развития советского монументального искусства, предусматривающую его «мобилизацию» для распространения революционных идей. Декрет СНК РСФСР «О памятниках Республики» был принят 12 апреля 1918 г. [22, с. 30]. В первую очередь, данный декрет предполагал ликвидацию памятников, посвященных царям, военным, политическим и иным выдающимся личностям Российской империи, чья деятельность и политические взгляды не совпадали с революционной идеологией. Органам Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса РСФСР) совместно с рядом других государственных и общественных структур поручалось провести проверку имеющихся в двух столицах памятников и определить, какие из них следует демонтировать.

Поскольку декрет принимался незадолго до празднования Дня международной солидарности трудящихся (1 мая), в качестве первоочередной задачи предлагалось разместить на стенах городских зданий тексты коротких, но четких и точных в своих формулировках лозунгов, отображавших основные направления идеологии и ценностные ориентиры советского государства [11, с. 197–200]. Предусматривалось также создание значительного количества барельефов, бюстов, памятных досок, связанных с отечественными и зарубежными деятелями, которые внесли вклад в теорию и практику революционного движения. При этом В. И. Ленин и А. В. Луначарский включили в этот список ряд исторических персоналий (Брут, Тиберий Гракх) и западноевропейских мыслителей (Г. Бабёф, Ф. Лассаль, А. Сен-Симон и др.), практически неизвестных рядовым советским гражданам [1, с. 114–115].

Помимо некоторых проблем межведомственного взаимодействия реализация первых мероприятий в монументальной сфере была затруднена очень сжатыми и фактически нереалистичными временными рамками. Провести творческие конкурсы предполагалось за несколько недель, а соорудить сами мемориальные объекты – за несколько месяцев. Проблематичность достижения качественного результата в такие форсированные сроки отмечал А. В. Луначарский на заседании СНК РСФСР, состоявшемся 17 июля 1918 г.: «Вся трудность осуществления этой идеи заключается в том, чтобы скорость воплощения ее не могла пойти за счет художественной стороны, ибо государство... не должно явиться инициатором дурного вкуса» [19, с. 9].

В целом, как утверждают современные исследователи, начальный этап реализации советского плана монументальной пропаганды в 1918 г. являлся «спонтанным» и малопродуктивным. Его полноценной реализации мешал целый ряд обстоятельств, среди которых основными были следующие: невозможность в сложных условиях Гражданской войны выделить достаточные финансовые средства на разработку проектов и непосредственное создание памятников; крайне сжатые сроки выполнения работ, что пагубно повлияло на качество тех мемориальных объектов, которые все же были созданы – многие из них были изготовлены некачественно и из недолговечных материалов, что привело к их быстрому разрушению. Впрочем, по мнению Е. Ю. Лекус, «временный» характер мемориальных объектов 1918–1921 гг. не противоречил замыслу Ленина, на тот момент заинтересованного в быстром пропагандистском эффекте, актуальном для момента острой борьбы с политическими оппонентами. Потребность в подлинной монументальности появляется позже – уже в условиях стабилизации советского режима и закрепления устойчивого пантеона вождей и героев новой эпохи [10, с. 72].

Низкое качество первых объектов монументальной пропаганды было обусловлено профессионально-творческой составляющей. Дореволюционные школы архитектуры, скульптуры и декоративно-прикладного искусства были отвергнуты по идеологическим причинам как скомпрометировавшие себя сотрудничеством со «старым режимом», а новые советские школы для их замены еще не успели сформироваться [21, с. 40–41]. Некачественное исполнение новых памятников и их несоответствие архитектурному стилю Москвы и Петрограда

привели к неожиданному эффекту: многие произведения монументальной пропаганды были критически оценены целевой аудиторией (народом), что проявилось в появлении ироничных «народных названий» памятников. Проблемы возникали и со смысловой интерпретацией визуально-символического содержания некоторых новых монументов.

Однако несмотря на все недостатки и ошибки, допущенные на этапе становления советского монументального искусства, именно тогда были заложены его концептуальные основы: объединение проблем идейности и художественности, постановка мастерами-художниками актуальных общественных задач, создание нового пантеона героев, где наряду с реальными персоналиями впервые появляется и символический образ пролетария, активно борющегося за свою свободу [8, с. 71].

Региональные особенности первых лет реализации советского плана монументальной пропаганды были связаны, прежде всего, с ходом Гражданской войны. Так происходило, в том числе, на территории Крымского полуострова, где за период 1918–1920 гг. советская власть устанавливалась три раза. В период существования Социалистической Советской республики Таврида (21 марта – 30 апреля 1918 г.) по причине короткого времени существования данного политического образования и отсутствия у ее руководства полного контроля над полуостровом и достаточного количества ресурсов и специалистов, в данный период никаких значимых действий в сфере монументальной пропаганды не предпринималось. Крымская Социалистическая Советская Республика (28 апреля – 26 июня 1919 г.) также существовала довольно непродолжительный период, но ее руководство уже успело организовать первую на территории полуострова кампанию по сносу памятников, связанных со «старым режимом».

В Симферополе в мае 1919 г. был снесен монументальный памятник Екатерине II, композиционно включавший и фигуры ряда других государственных и военных деятелей эпохи присоединения Крыма (А. В. Суворова, Г. А. Потемкина-Таврического, В. М. Долгорукова-Крымского и Я. И. Булгакова) [4, с. 43–46]. Одновременно с этим в период существования Крымской ССР сооружаются первые полноценные мемориальные сооружения на месте индивидуальных и братских могил павших красноармейцев, подпольщиков, партизан и партийных руководителей Крыма. Среди них – памятники расстрелянному белогвардейцами революционному коменданту Феодосии М. Ф. Барсову и погибшим бойцам феодосийского комсомольско-молодежного отряда под руководством Е. Т. Пономаревой, а также установленный в Керчи обелиск в память о партизанах гражданской войны, «погибших за власть Советов в борьбе против белогвардейцев и интервентов в 1919 г.».

Как и в других регионах [подробнее см.: 12], открытие памятников военно-политическим жертвам «белого террора» сопровождалось проведением траурных митингов, во время которых с публичными речами выступали красноармейские и партизанские командиры, а также партийные активисты, что должно было иметь агитационный и пропагандистский эффект в форме усиления народной поддержки революционного движения и обеспечения притока добровольцев в Красную армию [7, с. 309]. Это являлось следствием установок самого В. И. Ленина, который призывал к тому, чтобы каждое открытие памятника было «актом пропаганды и маленьким праздником» [цит. по: 2]. Однако затем территория Крымского полуострова на некоторое время оказалась под властью белогвардейских (антибольшевистских) правительств.

В ноябре 1920 г., после Перекопско-Чонгарской операции под руководством М. В. Фрунзе, войска Красной Армии окончательно овладели Крымским полуостровом и установили на его территории советскую власть. В долгосрочной перспективе это давало возможность, среди прочих задач, вновь вернуться к вопросам символического выражения политики средствами монументальной пропаганды. Прежде всего, в Симферополе был повторно снесен уже упоминавшийся памятник Екатерине II, восстановленный во время врангелевского правления. Сохраненный постамент стал основой для новой скульптуры, изображавшей полуобнаженного рабочего-титана, разбивающего молотом стальные цепи, сковывающие земной шар. Памятник был торжественно открыт 1 мая 1921 г. и получил официальное название «Освобождение Крыма как этап за торжество мирового пролетариата». На выступах постамента, где ранее размещались скульптурные изображения екатерининских фаворитов, теперь были размещены бюсты К. Маркса, В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. В качестве мемориальной надписи на монументе появилась цитата из «Интернационала», в то время являющегося официальным гимном РСФСР: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой» [5, с. 72–75]. Похожим образом был использован постамент памятника Александру III в Феодосии – в 1922 г.

на него была установлена скульптура, изображающая рабочего, складывающего каменные блоки с надписями на них: «I Интернационал», «II Интернационал», «III Интернационал» [2].

Особую роль в формировании мемориального ландшафта Крыма в 1920–1930-е гг. играли ключевые точки военных событий гражданской войны: Перекоп и Севастополь. Окрестности Перекопского вала стали местом размещения нескольких мемориальных объектов, посвященных штурму Перекопа войсками Южного фронта в 1920 г. Здесь был установлен четырехгранный обелиск (1935), а также не сохранившийся до наших дней барельеф «В честь взятия Крыма Красной Армией в ноябре 1920 года» в Джанкойском районе, у разъезда 811-го километра [14, с. 11–12].

В Севастополе на территории бывшего «люнета Белкина» был организован революционный некрополь, получивший название Кладбище коммунаров. В первые годы советской власти сюда были перезахоронены останки руководителей восстания на Черноморском флоте 1905 г., а также останки 49 севастопольских подпольщиков-большевиков, погибших в 1919–1920-е гг. В 1937 г. на их могиле севастопольских подпольщиков по проекту архитектора М. А. Садовского был установлен памятник, украшенный оригинальными барельефами [9, с. 39].

На территории Республики Крым на данный момент сохранилось несколько памятников погибшим участникам гражданской войны, сооруженных в 1920–1930-е гг.: памятник на месте казни красных партизан братьев Никифоровых на 12-м километре шоссе Судак – Грушевка (1921) [13, с. 52–58]; мемориальная плита в память о красноармейцах, «погибших в борьбе с белогвардейцами и иностранными интервентами за установление Советской власти в Крыму 1918–1919» в с. Яркое поле Кировского района (1922); памятник на месте братской могилы красноармейцев в с. Желябовка Нижнегорского района (1925); памятник на месте братской могилы красноармейцев в г. Алупка на Южном берегу Крыма (1930) [6, с. 52]; обелиск погибшим комиссарам Республики Таврида в Алуште (1933) [9, с. 20–21]; памятник на месте братской могилы бойцов партизанского отряда «Красные каски», построенный в с. Каменоломня Сакского района (1935) [17, с. 23–27]. Даты создания этих объектов говорят о том, что они создавались не одновременно в рамках определенной мемориальной кампании, а скорее по мере возникновения соответствующих финансовых и материально-технических возможностей у местных органов власти.

Очевидным было повышенное общественное внимание к таким объектам в советский период. Однако и в постсоветский период они находятся в хорошем состоянии: прилегающая к мемориалам территория облагорожена, сами памятники отреставрированы. Некоторые из них на современном этапе продолжают играть значимую роль в формировании локальных культурных ландшафтов. Например, памятник «Павшим от рук белогвардейцев 17 апреля 1920 г. в борьбе за установление советской власти в Крыму», установленный в 1922 г. в с. Ней-Цюрихталь (ныне с. Красногвардейское Советского района) не только был отреставрирован в 2020 г., но также был органично включен в качестве центра композиции «Аллея славы» данного сельского поселения [3].

Конструктивно большинство из этих памятников имели вид обелиска (значительно реже – пилона) и украшались символической атрибутикой в виде красной пятиконечной звезды, красного знамени, серпа и молота или герба СССР в целом, оружия, венков славы. Однако в большинстве своем за последующие десятилетия они неоднократно ремонтировались, реставрировались и перестраивались, причем в первую очередь заменялись именно детали декоративного оформления, что очень затрудняет реконструкцию их первоначального облика. Помимо сооружения непосредственно на месте захоронения появилось и определенное количество памятников-кенотафов, как правило, размещавшихся на территории наиболее посещаемых общественных пространств – на площадях, центральных улицах, скверах и парках.

В Симферополе трехгранный обелиск «Погибшим борцам революции» был открыт 16 ноября 1930 г. в центральной части Семинарского сквера (в разное время носившего название Сад профсоюзов, Парк коммунаров, Комсомольский сквер). Примечательно, что с целью экономии строительных материалов при его сооружении использовались бутовые камни, взятые на руинах взорванного незадолго до этого православного Кафедрального собора Св. равноапостольного Александра Невского. Обелиск был облицован мраморной крошкой под цвет красного гранита. Композиция также включала три плиты с описанием мемориала и барельеф с изображением рабочего на фоне серпа и молота. Мемориал был разрушен во время немецкой оккупации полуострова (1941–1944 гг.) и восстановлен в 1957 г. в упрощенном виде, но из более долговечных материалов на прежнем месте [15]. В Севастополе в 1929 г.

по проекту скульптора С. Я. Жилинского был установлен утраченный в годы Великой Отечественной войны Памятный знак на месте расстрела демонстрации революционных французских моряков в 1919 г. [15].

После смерти В. И. Ленина в 1924 г. в Крыму, как и на остальной территории СССР, началась установка памятников «вождю мирового пролетариата». Некоторые из них отличались наибольшим монументальным размахом и приобретали статусное значение, их изображения тиражировались на плакатах и открытках, в советской прессе. Так произошло, например, с торжественно открытым 7 ноября 1932 г. памятником В. И. Ленину на центральной площади Севастополя (в то время – площадь III Интернационала), где до 1928 г. находился снесенный по решению местных властей памятник адмиралу П. С. Нахимову. Создателем памятника Ильичу в Севастополе стал известный ленинградский скульптор В. В. Козлов, по проектам которого такого рода объекты были сооружены в 40 различных городах Советского Союза. Впрочем, памятник В. И. Ленина в Севастополе имел свой уникальный художественно-архитектурный облик, чему способствовали обрамлявшие его постамент уникальные барельефы и горельефы: «1905 год», «Восстание на броненосце “Потемкин”», «Штурм Перекопа», «Бегство белых», «Восстановительный период» и др. [18, с. 117–119]. Как сообщалось в газете «Красный Крым», в связи с открытием этого памятника «на месте, где долгие годы мозолил глаза царский адмирал Нахимов, перед взорами тысяч глаз предстала огромная фигура Ленина..., [который] призывает к дальнейшим боям, указывая путь к социализму» [цит. по: 18, с. 119]. Также в 1930-е гг. в Крыму появляются первые бюсты и памятники И. В. Сталина, однако тема монументального отражения сталинского культа в регионе требует отдельного рассмотрения, поскольку затрагивает также процессы 1940–1950-х гг. Все памятники советским государственно-политическим деятелям, созданные на территории Крыма и Севастополя в довоенный период, в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. были разрушены, поскольку являлись важными символами коммунистической идеологии, с которой оккупанты вели непримиримую борьбу.

Таким образом, в своем развитии монументальное искусство Крыма 1919–1941 гг. в целом прошло этапы, характерные для Москвы и Петрограда, а также других регионов страны. Для реализации плана монументальной пропаганды была характерна замена скульптурных изображений правителей имперского периода на аллегорические фигуры борющегося за освобождения рабочего, а затем на статуи советских лидеров. При этом, как видно из приведенных выше примеров, зачастую сохранялась не только прежняя локация мемориальных сооружений (поскольку памятники императорам изначально размещались в лучших и наиболее посещаемых местах), но и использовались их конструктивные элементы (постаменты). Также значительный размах приобрело увековечивание памяти революционеров, солдат Красной армии, подпольщиков и партизан, погибших в ходе борьбы с имперским режимом или в годы Гражданской войны.

В целом память носила скорее персонифицированный, чем событийный характер – мемориалы, посвященные отдельным знаменательным событиям (например, штурму Перекопа в 1921 г.), создавались достаточно редко. Общий архитектурный облик такого рода сооружений в целом соответствовал дореволюционным образцам и включал однофигурные памятники на массивных пьедесталах,obelisks, пилоны, бюсты, барельефы, мемориальные плиты, однако в качестве декоративных элементов активно использовались новые символы – пятиконечные звезды, изображения серпа и молота и т. д.

Надписи на мемориальных сооружениях в данный период были максимально лаконичны и, как правило, носили сугубо информативный характер. Большинство из этих памятников, являющихся аутентичными образцами монументального искусства первых десятилетий существования советской власти в Крыму, были либо демонтированы из-за своего аварийного состояния еще до начала Великой Отечественной войны, либо уничтожены немецкими оккупантами в 1941–1944 гг., либо оказались очень сильно изменены в ходе послевоенных ремонтов и реконструкций. Однако уцелевшие в том или ином виде монументы 1919–1941 гг., как и сохраняющаяся на уровне коллективной памяти информация об утраченных мемориальных объектах того времени, позволяют реконструировать ценностный мир раннесоветской эпохи, восстановить персоналии героев того времени, заслуживающих не только интереса, но и уважительного отношения, несмотря на всю противоречивость революционной и постреволюционной эпохи.

Список литературы

1. *Александрова А. Д.* Символика новой власти в монументальной пропаганде после 1917 года // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 1 (41). С. 112–125.
2. *Андросов С. А.* Перекрестки истории. Осуществление в Крыму Монументальной пропаганды (1921–1940 гг.). URL: <http://krymgosarchiv.ru/2015-01-28-09-18-31/273-2012-01-30-13-43-19.html> (дата обращения: 12.02.2023).
3. В селе Красногвардейском Советского района построили первый парк отдыха. URL: <https://crimea24.tv/content/v-sele-krasnogvardeyskom-sovetskogo/> (дата обращения: 16.02.2023).
4. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы / отв. ред. А. Н. Еремеева. М. : Институт Наследия, 2022. 168 с.
5. *Гуркович В. Н.* Ильичи из Екатерининской бронзы... / ред.-сост. Е. Б. Вишневецкая // II Таврические научные чтения, посв. 80-летию Центрального музея Тавриды : сб. мат. Симферополь, 2002. С. 70–76.
6. *Гурьянова Н. М., Гурьянов Н. А.* Памятники Ялты : справочник. Симферополь : Таврия, 1985. 192 с.
7. *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь : АнтикВА, 2008. 673 с.
8. Искусство 20 века. Кн. 2 / под общ. ред. Б. В. Веймарна и Ю. Д. Колпинского // Всеобщая история искусств. Т. 6. М. : Искусство, 1966. 878 с.
9. Крым: Памятники славы и бессмертия / сост. С. Н. Шаповалова. Изд. 2-е. Симферополь : Таврия, 1985. 240 с.
10. *Лекус Е. Ю.* Монументальная пропаганда как выражение социокультурных противоречий советской системы 1920-х гг. // Вестник культуры и искусств. 2021. № 4 (68). С. 70–79.
11. *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М. : Советская Россия, 1968. 376 с.
12. *Мальшева С. Ю.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. М. : Новый хронограф, 2019. 458 с.
13. От Белогорска до Судака : путеводитель. Симферополь : Таврия, 1978. 94 с.
14. Памятники и памятные места в Республике Крым, связанные с событиями Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Симферополь : Таврида. 496 с.
15. Памятники Крыма: онлайн каталог-архив. URL: <https://crimean-monuments.ru/> (дата обращения: 16.02.2023).
16. *Попов А. Д.* Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 1. С. 209–221.
17. *Северинов С. С., Ягунов В. Т.* Евпатория-курорт : путеводитель-справочник. Симферополь : Таврия, 1985. 112 с.
18. *Соловьева М. Г.* Роль скульптора В. В. Козлова в оформлении архитектурного облика Севастополя в 1930-е – 1950-е годы // Вестник архивистов Крыма. Вып. 5. Симферополь, 2021. С. 117–122.
19. *Толстой В. П.* Ленинский план монументальной пропаганды в действии. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1961. 56 с.
20. *Хисамова Д. Д.* Особенности развития монументальной скульптуры в 1930–1940-е гг. в Татарстане // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 382–386.
21. Художественная жизнь Советской России. 1917–1932. События, факты, комментарии : сб. материалов и документов / отв. ред. В. П. Толстой. М. : Галарт, 2010. 419 с.
22. *Шалаева Н. В.* План советской монументальной пропаганды: проблемы реализации. 1918–1921 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 8 (337). С. 30–35.

Crimean Memorials of 1919–1941 as examples of Soviet monumental art and propaganda

Borunov Svyatoslav Sergeevich

postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism.

Russia, Simferopol. ORCID: 0009-0005-0241-0083. E-mail: borunovsl@mail.ru

Abstract. The article describes the process of creating memorials in the Crimea of the pre-war period in the context of the formation of Soviet monumental art and the propaganda of revolutionary ideas. The author comes to the conclusion that in its development, the monumental art of the Crimea of 1919–1941 has characteristic features associated with the Civil War on the peninsula.

The relevance of the topic is due to the need for an objective analysis of the historical and cultural situation in Crimea during the Civil War in order to preserve the historical memory associated with the tragic pages of the history of Crimea.

The purpose of the article is to characterize the process of creating memorial sites in the Soviet Crimea of 1919–1941, as well as to identify their symbolic role in the system of modern cultural policy of the Republic of Crimea.

Research methods: visual analysis, conceptual tools of new cultural history and research of collective memory.

The subject of the study is memorials erected in Crimea in 1919–1941, their role in the formation and development of Soviet monumental art and propaganda.

As a result of the study, it was determined that the early Soviet monumental art in Crimea in the conditions of Civil War and economic instability was characterized by spontaneity and lack of clear stylistic canons.

The field of application of the results – the practical significance of the study is to analyze the process of formation and development of the memorial heritage of the Soviet Union of 1919–1941, as one of the important aspects of the socio-cultural space of the Crimea, which can be used as a material in studies of the cultural history of the Crimea.

Conclusions: The few monuments of 1919–1941 that have survived to this day are an example of the embodiment of the value orientations of early Soviet art. These monuments, despite the inconsistency of the heroes of the Civil War depicted by them, have become part of the cultural heritage of the Crimea, requiring not only care, but also respect for them.

Keywords: monument, memorial complex, monumental art, ideology, monumental propaganda, historical and cultural heritage, Crimea.

References

1. Aleksandrova A. D. *Simvolika novoj vlasti v monumental'noj propagande posle 1917 goda* [The symbolism of the new government in monumental propaganda after 1917] // *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo – Humanities herald of State Pedagogical University n. a. L. N. Tolstoy*. 2022. No. 1 (41). Pp. 112–125.
2. Androsov S. A. *Perekrestki istorii. Osushchestvlenie v Krymu Monumental'noj propagandy (1921–1940 gg.)* [Crossroads of history. The implementation of Monumental propaganda in Crimea (1921–1940)]. Available at: <http://krymgosarchiv.ru/2015-01-28-09-18-31/273-2012-01-30-13-43-19.html> (date accessed: 12.02.2023).
3. *V sele Krasnogvardejskom Sovetskogo rajona postroili pervyj park otdyha* – The first recreation park was built in the village of Krasnogvardeysky in the Soviet district. Available at: <https://crimea24.tv/content/v-sele-krasnogvardejskom-sovetskogo/> (date accessed: 16.02.2023).
4. *Gosudarstvennaya monumental'naya politika: opyt, protivorechiya, perspektivy* – State monumental policy: experience, contradictions, prospects / ed. by A. N. Yeremeyeva. M. Institute of Heritage. 2022. 168 p.
5. *Gurkovich V. N. Il'ichi iz Ekaterinskoj bronzy...* [Ilyichi from Yekaterinburg bronze...] / ed.-comp. E. B. Vishnevskaya // *II Tavricheskie nauchnye chteniya, posv. 80-letiyu Central'nogo muzeya Tavridy : sb. mat. – II Tauride scientific readings, dedicated to the 80th anniversary of the Central Museum of Taurida : coll. mat.* Simferopol. 2002. Pp. 70–76.
6. *Gur'yanova N. M., Gur'yanov N. A. Pamyatniki Yalty : spravochnik* [Monuments of Yalta : a reference book]. Simferopol. Tavria. 1985. 192 p.
7. *Zarubin A. G., Zarubin V. G. Bez pobeditelej. Iz istorii Grazhdanskoj vojny v Krymu* [Without winners. From the history of the Civil War in Crimea]. Simferopol. AntiquA. 2008. 673 p.
8. *Iskusstvo 20 veka. Kn. 2 – Art of the 20th century. Book 2* / under the gen. ed. of B. V. Weimarn and Y. D. Kolpinsky // *Vseobshchaya istoriya iskusstv – Universal History of Arts. Vol. 6. M. Iskusstvo (Art)*. 1966. 878 p.
9. *Krym: Pamyatniki slavy i bessmertiya* – Crimea: Monuments of glory and immortality / comp. S. N. Shapovalov. Ed. 2nd. Simferopol. Tavria. 1985. 240 p.
10. *Lekus E. Yu. Monumental'naya propaganda kak vyrazhenie sociokul'turnyh protivorechij sovetskoj sistemy 1920-h gg.* [Monumental propaganda as an expression of the socio-cultural contradictions of the Soviet system of the 1920s] // *Vestnik kul'tury i iskusstv – Herald of Culture and Arts*. 2021. No. 4 (68). Pp. 70–79.
11. *Lunacharskij A. V. Vospominaniya i vpechatleniya* [Memories and impressions]. M. Soviet Russia. 1968. 376 p.
12. *Malysheva S. Yu. "Na miru krasna": instrumentalizaciya smerti v Sovetskoj Rossii* ["On the world is red": instrumentalization of death in Soviet Russia]. M. Novy chronograph. 2019. 458 p.
13. *Ot Belogorska do Sudaka : putevoditel'* – From Belogorsk to Sudak: a travel guide. Simferopol. Tavria. 1978. 94 p.
14. *Pamyatniki i pamyatnye mesta v Respublike Krym, svyazannye s sobytijami Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov* – Monuments and memorials in the Republic of Crimea related to the events of the Great Patriotic War of 1941–1945. Simferopol. Tavrida. 496 p.
15. *Pamyatniki Kryma: onlajn katalog-arhiv* – Monuments of Crimea: online catalog-archive. Available at: <https://crimean-monuments.ru/> (date accessed: 16.02.2023).
16. *Popov A. D. Sozдание memorial'nogo kompleksa "Geroyam Stalingradskoj bitvy" na Mamaevom kur-gane: istoricheskaya pamyat', iskusstvo i sovetskaya monumental'naya propaganda* [Creation of the memorial

complex "To the Heroes of the Battle of Stalingrad" on Mamaev Kurgan: historical memory, art and Soviet monumental propaganda] // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of Volgograd State University. Episode 4. History. Regional studies. International relations. 2023. Vol. 28. No. 1. Pp. 209–221.

17. Severinov S. S., Yagupov V. T. *Evpatoriya-kurort : putevoditel'-spravochnik* [Evpatoria-resort : guide-book]. Simferopol. Tavria. 1985. 112 p.

18. Solov'eva M. G. Rol' skulptora V. V. Kozlova v oformlenii arhitekturnogo oblika Sevastopolya v 1930-e – 1950-e gody [The role of sculptor V. V. Kozlov in the design of the architectural appearance of Sevastopol in the 1930s – 1950s] // *Vestnik arhivistov Kryma* – Herald of the archivists of the Crimea. Is. 5. Simferopol. 2021. Pp. 117–122.

19. Tolstoj V. P. *Leninskij plan monumental'noj propagandy v dejstvii* [Lenin's plan of monumental propaganda in action]. M. Publishing House of the Academy of Arts of the USSR. 1961. 56 p.

20. Hisamova D. D. *Osobennosti razvitiya monumental'noj skulptury v 1930–1940-e gg. v Tatarstane* [Features of the development of monumental sculpture in the 1930s–1940s in Tatarstan] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta* – Herald of the Chuvash University. 2011. No. 2. Pp. 382–386.

21. *Hudozhestvennaya zhizn' Sovetskoj Rossii. 1917–1932. Sobytiya, fakty, kommentarii : sb. materialov i dokumentov* – The artistic life of Soviet Russia. 1917–1932. Events, facts, comments : collection of materials and documents / ed. by V. P. Tolstoy. M. Galart. 2010. 419 p.

22. Shalaeva N. V. *Plan sovetskoj monumental'noj propagandy: problemy realizacii. 1918–1921 gody* [The plan of Soviet monumental propaganda: problems of implementation. The years 1918–1921] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State University. 2014. No. 8 (337). Pp. 30–35.

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 4 (32) (2023)

16+

Редактор *А. В. Мариева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 25.12.2023 г.
Дата выхода в свет 21.02.2024 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 16,74. Тираж 100 экз. Заказ № 35.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36